

МОСКВА

1 9 2 9

343

Г 874

Вл. ГРОМОВ, Н. ЛАГОВИЕР.

У
С
Д

ГОЛОВНО-

СУДЕБНЫЕ

ОКАЗАТЕЛЬСТВА

Ф 765107

ДАТЕЛЬСТВО НКЮ РСФСР

343.14

8

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО

70159706
Архив

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
им. В. Г. Белинского
г. Свердловск

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Новая книга В. Громова и Н. Лаговьера—«Угол.-судебн. доказательства» представляет несомненный интерес как с точки зрения своего содержания, так и с методологической точки зрения.

Как показывает ее заглавие, она посвящена разработке теории и практики доказательственного права, т.е. разработке проблемы одной из важнейших областей уголовно-процессуального права, представляющей собой, в сущности говоря, альфу и омегу этого права.

Учение о доказательствах по справедливости рассматривается, как одна из самых важных частей науки уголовного процесса, ибо в овладении этой частью нашей науки лежит ключ к овладению всей теорией судебного права в целом.

Недаром же Бентам утверждал, что «искусство судопроизводства в сущности есть ничто иное, как искусство пользоваться доказательствами», а Спасович называл именно эту теорию—«душой всего уголовного процесса», «центральным узлом всей системы судопроизводства».

Вот почему теоретики угол.-процессуального права всегда столь много внимания уделяли проблемам этой части науки, подвергая их тщательной разработке и стремясь дать исчерпывающую концепцию самой системы доказательственного права.

Посвященные теории доказательств труды Бентама, Стерена, Уильза, Эли (Hélie), Глазера, Гейера, Жиряева, Фойницкого, Спасовича и ряда других блестящих представителей старых школ процессуального права представляют собой красноречивое доказательство того интереса, с которым наука права относилась к этой области исследования.

Однако, наличие этих и многих других трудов не исчерпали всех научных задач, стоящих перед нами в этой области. Они не устранили многочисленных контраверз, здесь существующих, оказавшись бессильными дать законченную систему теоретических построений, содержащих в себе ответ на нерешенные вопросы теории и практики доказательственного права.

Но если старая теория судебного права не смогла правильно разрешить многие проблемы своей науки, то новая теория, опирающаяся на принципы марксистской методологии, разрешить эти проблемы еще не успела. В этой области

перед нами открывается непочатый край работы, результатом которой должно явиться построение марксистской системы уголовного доказательственного права, как части всей марксистской науки судебного права.

На этом пути исходным пунктом должно явиться установление зависимости между доказательственным правом, как частью всего угол.-проц. права, и производственными отношениями, определяющими собой основной характер и содержание всякой идеологической надстройки. Задачей исследователя-марксиста в нашей области должно явиться обнаружение и установление того, как и в какой форме характер производственных отношений данной эпохи, данного общества накладывает свой отпечаток на характер судопроизводства, на методы исследования угол.-судебной истины, на способы и приемы, при помощи которых это исследование осуществляется. Игнорируя эту сторону дела, пренебрегая необходимостью пользоваться в своей исследовательской работе методом марксистской диалектики, мы оказываемся столь же бессильными и неспособными найти истину, как и те алхимики права, которые изобретали свой знаменитый «градусник убеждения» (Бентам. О судебн. доказательствах).

Правильность этого утверждения можно проверить на любом вопросе доказательственного права. Так, напр., в вопросе о т. наз. судебском убеждении мы были бы абсолютно невсостоянии понять соотношение между правилами доказательства и свободной оценкой судьей тех или иных фактов, подлежащих доказательственной проверке, если бы самый процесс формирования или складывания судебского убеждения мы стали рассматривать, исходя из принципа «свободной воли» или «независимости» судебской «совести» от классовых интересов, от общественного (т.-е., в конечном итоге, тоже классового) мнения и т. д.

Основной принцип марксистской методологии доказательственного права—применение диалектического закона анализа и синтеза по отношению к исследуемым явлениям. Это же последнее невозможно при условии игнорирования тех общественных отношений, характер которых определяет не только место, занимаемое в их ряду исследуемым явлением, но и самое содержание и самый характер этого явления.

Книга т. т. Громова и Лаговиера интересна не только обилием фактического материала, освещенного светом теории, но также и этим стремлением поставить отдельные проблемы доказательственного права в связь с проблемой их оценки под углом зрения марксистской методологии.

В качестве учебного пособия, книга Громова и Лаговиера имеет то достоинство, что дает материал из судебной практики, всегда облегчающий изучение тех или иных вопросов теоретического и догматического характера.

А. Вышинский.

ГЛАВА I.

Учение о доказательствах, как особая отрасль криминалистики, его предмет и задачи.

Связь учения об уголовно-судебных доказательствах с наукой уголовно-процессуального права.

Учение об уголовно-судебных доказательствах неразрывно и органически связано с той отраслью общественно-правовых знаний, которая известна под именем науки уголовного процесса или уголовно-процессуального права.

Каждое государство устанавливает свой особый порядок судопроизводства и создает особые юридические (правовые) нормы, т. е. общеобязательные правила, регулирующие весь процесс расследования и суда по уголовным делам. Эти правила, изложенные в системе, т. е. в последовательном порядке и связи, являются содержанием действующих в государстве судопроизводственных законов, или норм уголовно-процессуального права. Эти нормы принято называть также нормами формального уголовного права, в отличие от норм материального уголовного права, которые определяют существо карательной деятельности государства (какие деяния государство считает общественно-опасными преступлениями и какие меры государство считает целесообразным применять против совершителей этих преступлений).

Естественно, что эти процессуальные нормы, как и все правовые нормы каждого данного государства, всегда являются отражением классовой природы этого государства, отражением тех социально-экономических условий, в которых это государство возникло, развилось и существует в данное время. Содержание этих норм, этого действующего в данном государстве уголовно-процессуального законодательства, и является предметом изучения той отрасли общественных знаний, которую принято называть действующим уголовно-процессуальным правом.

А сравнительное изучение действующих в различных государствах процессуальных систем и истории их развития дает содержание общей науке уголовно-процессуального права.

Установление государством отдельных норм, регулирующих судопроизводство, преследует прежде всего практическую цель—

облегчить органам государственной власти борьбу с общественно-опасными для данного государства преступными деяниями и установить такой порядок производства уголовных дел, который в наибольшей степени обеспечивал бы исследование действительной материальной истины в каждом уголовном деле.

Исследовать материальную истину в уголовном деле — это значит раскрыть сущность исследуемого общественно-опасного деяния, установить личность совершителя этого деяния и определить степень ответственности этого лица за совершенное преступление, в соответствии с действующим уголовным законом.

**Развитие идей
уголовно-про-
цессуального
права.**

Состояние правовых идей в каждый данный момент и в каждом государстве, являясь идеологической надстройкой над производственными отношениями, всегда определяет не только общий характер уголовного процесса данного государства, порядок его судопроизводства, но и методы исследования уголовно-судебной истины, т. е. все те приемы, способы и средства, которыми пользуется государство в борьбе с общественно-опасными действиями.

Эти приемы, способы и средства, которые характеризуют всю систему процесса исследования преступлений в истории развития государств, не всегда и не везде были одинаковы. Самый судопроизводственный процесс исследования истины в уголовных делах — в отдельных государствах и в отдельные эпохи претерпевал чрезвычайные изменения. Создавались и изменялись отдельные правовые идеи и целые системы их, а в связи с этим изменялись и формы судопроизводства, методы, а равно и отдельные технические приемы исследования.

Такая эволюция уголовно-процессуального права поставила, как мы увидим далее, резкие границы между отдельными эпохами в истории развития государственных объединений.

Однако, на ряду с развитием правовых идей, оказавших свое влияние на организацию и построение уголовного процесса, на формы и методы уголовного исследования, — одновременно шло развитие и общих научных и технических знаний. Отдельные научные дисциплины сделали попытку перенести область своих научных исследований с их специальными методами и техническими приемами на разрешение вопросов, связанных с уголовным правом и судопроизводством. Оказалось возможным целый ряд научно-технических знаний призвать на службу делу исследования преступлений в целях наиболее точного и полного установления материальной истины в уголовных делах.

Так постепенно к концу прошлого века обособились целые отрасли научных и технических знаний, которые явились подсобными дисциплинами к науке уголовного процесса. Все они,

в виду общности специальной цели, направленной к обнаружению истины в уголовных делах,—объединились под общим наименованием криминалистики, т. е. вспомогательной отрасли научных знаний, которые могут иметь применение к делу расследования преступлений ¹⁾.

К области криминалистики в настоящее время относятся самые разнообразные научные дисциплины, имеющие специальное применение в деле установления уголовно-судебной истины: 1) дактилоскопия, пользующаяся специальными приемами исследования пальцевых отпечатков для установления тождества личности преступника; 2) судебная медицина, исследующая организм человека и устанавливающая формы и способы насильственного лишения жизни и причинения телесных повреждений; 3) уголовная тактика, изучающая приемы совершения различных преступлений и способы к распознаванию и обнаружению их; 4) судебная фотография, приспособленная специально к фотографированию объектов преступления, преступников и исследованию документов и др. вещественных доказательств; 5) судебная психопатология, изучающая отклонения от норм психической деятельности и устанавливающая психические особенности человека, влияющие на вменяемость и т. д.

К числу таких же вспомогательных дисциплин, входящих в область криминалистики, следует отнести и учение об уголовно-судебных доказательствах или теорию доказательственного права.

Объединяя такие разнородные отрасли знаний, криминалистика является совокупностью самых разнообразных научных знаний, объединенных лишь „единством практического интереса“, т. е. единой практической целью—содействовать выяснению истины в уголовных делах (Люблинский). Во всяком случае, среди этих знаний, имеющих вспомогательное значение для правильной установки уголовного процесса, едва ли не важнейшее место занимает наука об уголовных доказательствах. Она, несомненно, „составляет центральный узел всей системы судопроизводства, душу всего уголовного процесса, начало движущее, образующее,—статью процесса самую существенную, которая обуславливает и устройство судов и все главные формы судопроизводства“ (Спасович).

Теория доказательств пользуется как данными, полученными из исторического опыта правовой жизни народов и судебной практики, так и результатами научных достижений в области внутренней психической жизни человека и человеческого мышле-

¹⁾ Лат. слово *crimen*—значит преступление, отсюда—под криминалистической—разумеется все, что имеет объектом изучения и исследования—преступления и преступников.

ния. Поэтому следует признать правильным определение, что „теория судебных доказательств есть ничто иное, как свод практических правил, выработанных законоданием, философским мышлением и судебной практикой, приведенных в систему целым рядом мыслителей и имеющих главной целью способствовать открытию истины и возможно большему ограничению вредного произвола судей“. (Уильям Уильз).

Предметом этой науки является изучение тех данных, добытых человеческим опытом и наблюдением, которыми мы можем пользоваться, как доказательствами в уголовных делах, как средствами устанавливать истину в процессе уголовного судопроизводства. Задача теории уголовных доказательств, таким образом, ясна: она имеет целью—помочь науке уголовного процесса—найти наиболее рациональные и правильные пути, способы и приемы в деле раскрытия материальной уголовно-судебной истины. Конечно, эта задача должна осуществляться в соответствии с классовыми задачами суда каждого данного государства, как об этом будет сказано ниже.

Однако не все данные нашего опыта и наблюдения во всех случаях и при всяких условиях могут служить доказательствами в уголовных делах. Не все приемы и способы доказывания могут быть одинаково пригодны и применимы и при исследованиях, например, в области естественных и социальных наук, и при уголовно-судебном исследовании истины.

Поэтому необходимо установить, какие именно факты и обстоятельства из области физической и психической жизни человека могут служить судебными доказательствами, какие виды или категории доказательств допустимы в уголовном процессе и какие из них имеют сравнительную ценность для доказывания. Из этого же вытекает и необходимость для учения о доказательствах дать определенную классификацию доказательств, их категорное или видовое деление и указать правила пользования этими доказательствами и оценки их.

Однако и этого недостаточно. Правильное и целесообразное применение в уголовном процессе теоретических положений и правил о пользовании доказательствами предполагает, что эти положения и правила логически обоснованы, т. е. что правильность их самих также чем-то доказывается, объясняется и подтверждается. Кроме того для рационального пользования этими положениями, выводами и правилами, как и во всякой другой научной области знаний, они должны быть изложены в известной внутренней связи и последовательности; другими словами, они должны быть приведены в известную систему. Изложенные без системы, отдельные, даже правильные по существу мысли, выводы, положения и правила не дают никогда целого законченного и убедительного теоретического учения.

Наконец, применение доказательств, как средств доказывания и установления истины в уголовном процессе, — основано

на внутренней мыслительной способности человека. Мы оцениваем факты, строим суждения, делаем выводы и умозаключения при помощи внутренних логических процессов, которые происходят в нашем сознании.

При оценке доказательств имеет значение логическое построение наших суждений о значении тех или других доказательств с точки зрения их истинности или достоверности. Поэтому объяснение этих внутренних логических процессов и применение логических методов суждения к оценке доказательств — также должно входить в содержание учения об уголовных доказательствах.

Таким образом, если мы попытаемся дать полное определение теории уголовных доказательств, то можем сказать, что учение об уголовно-судебных доказательствах есть такая вспомогательная к науке уголовного процесса дисциплина, которая имеет целью: 1) указать те наиболее рациональные и правильные пути, средства, способы и приемы установления доказательств, при помощи которых может быть легче раскрыта истина в каждом уголовном деле; а вместе с тем научно обосновать эти указания и изложить их в известной последовательности и связи, т. е. дать определенную систему доказательств, 2) установить категорное деление доказательств или дать их классификацию, т. е. деление их на отдельные виды с указанием сравнительной ценности или значения отдельных видов доказательств в процессе исследования уголовных дел, и 3) объяснить характер тех внутренних процессов нашего мышления, при помощи которых мы можем дать логически-правильную оценку доказательств с точки зрения их достоверности или истинности.

На основе теоретических положений учения о доказательствах строится в отдельных государствах доказательственное право или система доказательств, т. е. та часть уголовно-процессуального права, которая излагает правила, регулирующие процесс установления доказательств в уголовных делах. Этими правилами обычно разрешаются вопросы, которые могут быть сведены к трем основным категориям: 1) какие факты могут и какие не могут быть доказываемы в процессе уголовного судопроизводства; 2) какие доказательства могут быть представляемы относительно фактов, могущих быть доказываемыми, и 3) кем и каким образом доказательства должны быть представляемы при доказывании какого-либо факта (Дж. Стифен).

Весь процесс установления истины в каждом уголовном деле построен на собирании, исследовании или проверке доказательств и их оценке. Самый факт совершения преступного деяния, т. е. наличность существования данного общественно-опасного события — должен быть доказан. Если в совершении этого преступления подозревается какое-либо лицо, — участие его в этом преступлении или прикосновенность его должны быть

доказаны. В процессе предварительного расследования — должны быть собраны и проверены данные, которыми доказываются и факт преступления, и виновность его совершителя. На суде, в процессе окончательного разрешения дела, — обвиняемый подлежит ответственности, но принятие против него меры социальной защиты допустимо только при условии, если доказана его виновность.

Отсюда ясно, какое громадное значение для уголовного процесса имеет учение об уголовных доказательствах.

Правильная установка и оценка доказательств — влияет на исход уголовного дела и имеет решающее значение. В этом не трудно убедиться, если обратиться к практике предварительного расследования и суда по делам о преступлениях и отметить, какие тяжкие и опасные последствия возможны для практических работников, — органов расследования и суда, — при незнании с общим учением об уголовных доказательствах и неумении оперировать с доказательствами в уголовном процессе.

Г Л А В А II.

Значение правильной установки и оценки доказательств в уголовном процессе.

Значение правильной установки и оценки доказательств с точки зрения основных целей уголовного процесса.

Значение правильного пользования и собирания доказательств ясно из самой сущности и цели уголовного процесса. Уголовный процесс имеет в виду обеспечить наиболее полное и правильное применение норм уголовно-материального права, защищающих господство того или иного класса. Именно для более полного и правильного применения норм уголовно-материального права и устанавливается особая система принудительных норм, в совокупности своей образующая уголовно-процессуальное право. Последние, также как и нормы уголовно-материального права, таким образом, выполняют общественную функцию укрепления и охраны существующего общественного строя, с тою разницей, что они выполняют эту функцию косвенным образом, способствуя правильному и полному применению уголовно-материальных норм.

Для правильного и полного применения норм уголовно-материального права в каждом отдельном случае уголовный процесс по необходимости ставит своими задачами: во-первых, обнаружить преступника, во-вторых, выявить все обстоятельства преступного деяния и, в-третьих, установить (поскольку речь идет о советском уголовном процессе) меры социальной защиты, т. е. те меры, которые способны защитить трудящихся от опасностей, связанных с данным преступлением и лицом, его совершившим.

При расследовании и разрешении уголовных дел возникает целый ряд главных и второстепенных вопросов. Прежде всего, возникает вопрос, было ли в действительности данное преступление. Это далеко не по всем уголовным делам ясно. Нередко— это самый запутанный вопрос в деле.

По делам об убийстве может возникнуть сомнение, что в действительности имело место не убийство, а самоубийство. По делам о поджоге может возникнуть вопрос о возможности пожара по случайным причинам. Но если даже факт преступления никаких сомнений не вызывает, возникает другой чрезвычайно существенный вопрос, кто совершил данное преступление, действительно ли его совершил обвиняемый, или же он к преступлению никакого отношения не имеет. Предположим, далее, что с точностью выяснено, кто именно совершил данное преступление. Достаточно ли это для того, чтобы правильно применить меру социальной защиты? Недостаточно. Для этого надо выяснить некоторые подробности и обстоятельства о личности совершившего преступление, о причинах, толкнувших его на преступление, словом, ряд обстоятельств, только зная которые, можно судить о степени социальной опасности данного лица.

Для того же, чтобы разрешить правильно все главные и второстепенные вопросы, возникающие в каждом уголовном деле, нет иного пути, кроме пути собирания, установки и оценки доказательств. От того, в какой мере правильно, своевременно и умело собираются и оцениваются доказательства, таким образом, в решающей степени зависит достижение основных целей процесса.

На основании чего, например, можно разрешить вопрос о том, было или не было в действительности преступление? Только на основании тех или иных доказательств, которые, стало-быть, предварительно, прежде чем сделать тот или иной вывод, надо собрать и которым надо дать правильную оценку. Если мы говорим, что в данном случае факт преступления несомненен, то это значит, что налицо доказательства, которые мы оцениваем, как безусловно устанавливающие факт преступления. Если мы приходим к выводу, что заподозренный Иванов к преступлению не причастен, то это значит, что таких доказательств, которые мы оценивали бы, как достаточные для признания участия Иванова в преступлении, не собрано.

„Доказательства,—правильно замечает Случевский,—занимают центральное место в процессе, и к установке их и оценке сводятся все те процессуальные действия, из совокупности которых складывается сущность уголовного процесса“.

„Весь уголовный процесс, собственно говоря,—выражает ту же мысль проф. Владимиров,—сводится к способам собирания и эксплуатации доказательств, с целью восстановить перед судом прошедшее событие в наивозможно верных и подробных чертах“.

Касаясь утверждения автора знаменитого трактата „о судебных доказательствах“ Бентама о том, что „общеупотребительное искусство доказывания“ именно в практике судов приобретает наибольшее значение и наибольшую важность, А. Вышинский замечает: „В этих словах старого юриста нет никакого преувеличения, ибо основной задачей суда является доказательство факта преступления и виновности обвиняемого . . .“.

Несколько иллюстраций из судебного-следственной практики, поясняющих значение правильной установки и оценки доказательств.

Повседневная судебно-следственная практика дает множество ярких иллюстраций того громадного, подчас решающего значения, которое имеет в деле раскрытия преступлений и правильного разрешения дел—степень правильности работы по собиранию и оценке доказательств.

Мы имеем ряд фактов, когда на первый взгляд весьма запутанные и сложные преступления в процессе предварительного и судебного следствия получали настолько полную и исчерпывающую обрисовку, что все, что в деле казалось темным и неясным, становилось вполне понятным, получало полное объяснение.

Мы имеем ряд фактов, когда по незначительным и, на первый взгляд, нестоющим внимания нитям и следам, с замечательной полнотой раскрывался весь сложный клубок тонко и умело замаскированного преступления.

Анализ того пути, который вел в каждом отдельном случае к таким результатам, с точки зрения задач нашего уголовного процесса, неизменно указывает на то, что это был путь инициативного, планового, продуманного и своевременного собирания доказательств и правильной оценки доказательств.

Наряду с этим мы имеем общеизвестные дефекты предварительного расследования и судебного разрешения уголовных дел, в результате которых в одних случаях преступления оставались и остаются нераскрытыми, несмотря на то, что имелись объективные возможности для раскрытия их, в других—раскрытие сопровождалось излишними „накладными расходами“, излишними затратами времени и средств и загромождением дела ненужным балластом, а в-третьих, расследование шло по ложному пути, привлекались и осуждались люди, никакого отношения к преступлению не имевшие.

Анализ тех путей, которые в каждом отдельном случае вели к столь печальным результатам, неизменно показывает, что обусловившие такие результаты дефекты в конечном счете сводились или к неправильностям и крупным ошибкам в установке и собирании доказательств, или к крупным неправильностям в оценке их, или, наконец, к неправильностям, одновременно допускаявшимся и в собирании и в оценке доказательств.

Вот в каких областях коренятся дефекты, в результате которых мы имеем и высокий процент прекращения уголовных дел, широкие „ножницы“ между выводами по уголовным делам пре-

дварительного расследования и выводами по ним же суда (процент оправдательных приговоров), такие же ножницы между выводами судов первой и кассационной инстанции и т. д.

Нет ни надобности, ни возможности в рамках настоящей книги детально анализировать многочисленные выдающиеся казусы судебно-следственной практики, иллюстрирующие сказанное о значении правильной установки и правильной оценки доказательств. Интересующихся анализом под указанным углом зрения отдельных выдающихся казусов мы отсылаем к нашим книгам „Искусство расследования“ и „Расследование должностных и хозяйственных преступлений“. Некоторые иллюстрации нами приводятся ниже в связи с изложением отдельных положений современного учения о доказательствах. Здесь для уяснения сказанного о значении правильной установки и оценки доказательств с точки зрения основных целей процесса достаточно на выдержку привести несколько фактов отмены приговоров УКК Верховного Суда РСФСР.

„... Приговор основан (читаем мы в одном из определений УКК Верховного Суда за 1926 г.—сбор. опр. 1926 г. ч. 1 стр. 107) исключительно на умозаключениях и предположениях суда, так как нет даже косвенных улик, а показания потерпевшего также носят характер предположений“.

„... Данные дела не содержат никаких улик, а содержат лишь слухи и сплетни —читаем в другом определении (там же, стр. 15).

В чем, стало быть, в данных случаях заключалась ошибка судов, повлекшая за собою отмену соответствующих приговоров? Очевидно, ошибка лежит в плоскости как собирания, так и оценки доказательств: в обоих случаях: 1) ограничились собиранием „слухов и предположений“ и 2) придали слухам и предположениям доказательственное значение, которого они, согласно элементарных правил теории доказательств, не имеют и иметь не могут. Несомненно, в данных и подобных им случаях мы имеем недостаточную ориентировку суда и органов предварительного расследования в элементарных вопросах современной теории доказательств.

Или берем другое определение УКК Верховного Суда:

„... В качестве основания для обвинения Попова и Соколова суд привел то обстоятельство, что подсудимые не представили доказательств своей невиновности; такая мотивировка является в корне неправильной, так как подсудимый вовсе не обязан доказывать свою невиновность, а, наоборот, на суде и следствии лежит обязанность обосновать предъявленное подсудимым обвинение и собрать достаточные доказательства“ („Суд. Практика“ № 2—1927 г.).

Здесь опять-таки суд первой инстанции игнорировал одно из элементарных положений современного учения о доказательствах, приняв отсутствие доказательств невиновности за доказательство виновности обвиняемых. Известно, что с такого рода обвинительным подходом еще довольно часто приходится стал-

киваться в судебно-следственной практике, и этот неправильный подход сказывается не только на оценке, но и на собирании доказательств, обуславливая неполноту и односторонность расследования.

Или — далее:

„... Из дела нельзя понять, как согласуется убийство Новиковым профессора Брауна с пребыванием Новикова в то же время в партклубе, поскольку ряд доказательств устанавливает alibi Новикова . . . “

В данном примере допущена была, как судом, так и предварительным следствием ошибка в двойном направлении. Во-первых, выводы строились на простом игнорировании части доказательств (доказательств alibi), между тем как оценка доказательств не может сводиться к игнорированию и нерассмотрению части доказательств. Можно, рассмотрев все имеющиеся в деле доказательства, признать более достоверными одни, отдать им предпочтение перед другими, но просто оставлять часть доказательств без рассмотрения нельзя. Во-вторых, ни предварительное следствие, ни суд по данному делу не разрешили имеющихся в деле противоречий, не приняли мер к выявлению возможности или невозможности того, что Новиков мог уйти и затем вернуться в партклуб и тем самым создать у свидетелей убеждение в его alibi.

Известны, далее, те ошибки как предварительного, так и судебного следствия, которые связаны с переоценкой значения отдельных видов доказательств, в частности сознания обвиняемого. Переоценка значения сознания обвиняемого обычно влияла самым отрицательным образом на выявление и собирание объективных доказательств по делу. Известны факты неиспользования экспертизы в случаях, когда приглашение ее вытекало из всей ситуации дела, и, наоборот, в бесцельном использовании экспертизы, которая приглашалась без нужды, и к заключениям которой часто или подходили совершенно некритически, или безосновательно их отвергали.

Все эти и подобные им факты повседневной судебно-следственной практики с очевидностью указывают, что путь к правильному разрешению уголовного дела во всех без исключения случаях идет через правильную установку и правильную оценку доказательств, и что поэтому правильная ориентировка в основных положениях современного учения о доказательствах является необходимостью и необходимостью тем более острой, чем в большей степени в качестве злободневной задачи выдвигается задача качественного улучшения следственной и судебной работы.

Вместе с тем подчеркивается и необходимость дальнейшей теоретической проработки проблем учения о доказательствах в условиях и применительно к задачам пролетарского государства. Совершенно ясно, что не все „откровения“ буржуазных теоретиков в данной области приемлемы; некоторые требуют критической

проверки под указанным углом зрения. Учение о доказательствах, как увидим ниже, не застыло и не могло застыть на уровне, до которого оказалась способной подняться буржуазная теория. Советская теория доказательств не тождественна современной буржуазной и уже внесла в положения последней ряд существенных изменений. Но в то же время приходится констатировать и то, что пока теоретическим и практическим проблемам советского учения о доказательствах по ряду (большею частью объективных) причин марксистская юридическая мысль у нас далеко не посвящала того внимания, которого разработка этих проблем заслуживает. По данным вопросам советскую литературу мы имеем весьма незначительную и весьма отрывочного характера.

Г Л А В А III.

Понятие об уголовно-судебных доказательствах.

Что понимается под доказательством вообще. Выше было указано, что основная задача судебного исследования по уголовным делам — установление материальной истины.

Всякое исследование в области человеческого знания направлено к отысканию или установлению истины. Научная истина постигается в результате наблюдения и изучения тех или других познаваемых явлений, фактов или предметов внешнего или внутреннего мира человека. Наблюдая эти явления, факты и предметы, ученый строит свои суждения о свойстве, роде и признаках наблюдаемых объектов, об их связи и взаимоотношении между собой и т. д. и делает выводы, которые он признает за достоверные. Эти выводы создают в нем убеждение, уверенность в истинности или ложности тех фактов или положений, которые являлись предметом исследования. Однако это убеждение может составиться лишь после того, как исследуемые факты или положения подтверждены или доказаны какими-то данными.

„Все те данные, которые порождают в нас известное убеждение, все, что убеждает ум наш в истинности или ложности какого-либо факта или положения, называется доказательством вообще“ (Тальберг).

Судебное исследование оперирует с преступными действиями или явлениями. Каждое такое явление складывается из отдельных действий или фактов, истинность которых должна быть доказана, и тогда они ложатся в основу приговора суда. Судом в отношении целого ряда обстоятельств, относящихся к уголовному делу, разрешаются вопросы о том, имели-ли место в действительности те или другие факты, и в какой причинной связи находились они с другими исследуемыми фактами.

Доказать же истину таких фактов—значит установить их достоверность. Каков бы ни был факт, к какой-бы категории он ни относился,—если мы убеждаемся в его достоверности, мы признаем его за истину.

Факты, подлежащие доказыванию в процессе судебного исследования. Факты, являющиеся предметом исследования в уголовном деле, чрезвычайно разнообразны. Говоря о судебных фактах, подлежащих доказыванию с точки зрения их истинности, достоверности, следует понимать под этим всю совокупность действий, предметов и фактических обстоятельств, из которых слагается исследуемое судом преступное событие.

На дороге найден труп с признаками насильственной смерти—это есть факт. От местонахождения трупа бежал человек, который махал окровавленным ножом,—эти действия человека—тоже факт. За несколько минут до убийства этого человека видели свидетели, и он был в возбужденном состоянии; это душевное состояние—тоже факт. Подозреваемый в убийстве произносил известные слова, и эти слова—тоже факт. Подозреваемый подвергается исследованию в состоянии умственных способностей, причем наблюдается то или другое состояние его внутренних органов или известное психическое настроение его, и это—специальные факты. Подозреваемый раньше делал угрозы убитому—тоже отдельный факт. При осмотре орудия убийства—ножа—отмечена особая примета на лезвии, и эта примета—признак, фактическая особенность ножа—тоже факт.

Словом, не только вся совокупность физических вещей и взаимоотношение их, но и всякое психическое состояние, как и вообще всякое соотношение между предметами и людьми—является областью подлежащих судебному исследованию фактов.

Эти факты, как мы уже видели, могут быть доказываемы в процессе расследования и суда другими фактами.

Факты, как предметы доказательства и как средства доказывания. Исследуемый факт, который доказывается, о котором мы делаем заключение—называется предметом доказательства (римские юристы называли *factum probandum*): он является таким обстоятельством, которое нужно доказать, чтобы убедиться в его существовании или несуществовании. Тот же факт, при помощи которого доказывается исследуемый факт, на основании которого мы делаем заключение о нем—называется средством доказательства (*factum probans*), т. е. обстоятельством, на основании которого мы убеждаемся в существовании или несуществовании исследуемого факта.

Из этого определения мы уже видим, что „всякое доказательство заключает в себе по крайней мере два различных факта: один, который можно назвать главным,—тот, которого существование или несуществование предстоит доказать; другой

факт—вероятный, который служит для доказательства существования или несуществования главного факта“. (Бентам).

У пассажира в вагоне трамвая украли кошелек с деньгами, подозрение в краже пало на его соседа. Это—факт, который надо доказать; это предмет доказательства в данном случае. Свидетели видели, как подозреваемый жался к потерпевшему и что-то вытащил у пассажира из кармана и положил к себе за пазуху. Это—вероятные факты, которыми доказывается совершение кражи у пассажира его соседом. Опрос свидетелей и обыск подозреваемого, при котором обнаружен у него кошелек потерпевшего,— это средства, при помощи которых может быть доказан „главный“ факт. Эти факты являются доказательствами в деле против подозреваемого.

Но каждый вероятный факт, чтобы быть признанным за доказательство, должен иметь в глазах исследующего или судьи—характер достоверного факта. Только то, что может привести судью к убеждению в истинности или ложности того или другого исследуемого в уголовном деле обстоятельстве—может быть признано за доказательство в уголовном процессе.

Понятие об уголовно-судебном доказательстве. Понятие об уголовно-судебном доказательстве не может быть обобщено какими-нибудь признаками определенного вида. Несмотря на разнообразие даваемых в литературе определений этого понятия можно дать только самое общее определение его, исходя из указанного выше анализа особенностей судебного исследования истины.

Под уголовно-судебным доказательством следует понимать всякий факт, имеющий назначением вызвать в судье убеждение в существовании или несуществовании какого-либо обстоятельства, составляющего предмет судебного исследования (Владимиров).

Упрощая теоретическое определение этого понятия и отмечая практическую цель построения системы доказательств в уголовном процессе, можно сказать также, что под доказательствами в уголовно-процессуальном смысле следует разуметь лишь такие факты или обстоятельства, которые способны в той или другой степени послужить материалом для ответа на основные вопросы уголовного процесса: было ли преступление и кто виновник его (Вышинский).

Объем и содержание понятия уголовно-судебного доказательства в истории развития уголовно-процессуального права претерпевают постоянные изменения. В связи с развитием научных знаний, — техники, экономики, психологии и т. д., — расширяется и уточняется круг тех фактов и обстоятельств, которые признаются допустимыми в качестве доказательств в уголовном процессе. Эти изменения постепенно совершенствуют и улучшают весь процесс судебного исследования, открывая суду

КНИГОХРАНИЛИЩЕ
ОБЛ. БИБЛИОТЕКИ
г. СВЕРДЛОВСК

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КНИЖНИЦА
М. В. И. И. И.
Свердловского
г. Свердловск

057480
702597
06

все большие и большие возможности к установлению материальной истины в уголовных делах на основе точных научных знаний и путем применения этих знаний к делу исследования и оценки доказательств.

Г Л А В А IV.

Достоверность уголовно-судебных доказательств.

Понятие о юридической достоверности. Убеждение в существовании или несуществовании того или другого обстоятельства при судебном исследовании является результатом оценки того или другого факта или целого ряда фактов, как доказательств в деле. Это убеждение есть состояние личной индивидуальной уверенности судьи в достоверности данного факта или целого ряда фактов. Оно ложится потом в основу приговора и разрешает ряд важных вопросов, стоящих перед судом, исследующим истину.

Таким образом, сценка доказательств при судебном исследовании, в целях обнаружения материальной истины, является центральным наиболее существенным и важным моментом деятельности уголовного суда.

Спрашивается, возможно-ли вообще дать какие-либо правила или руководящие указания для пользования уголовными доказательствами, если вопрос оценки доказательств с точки зрения их достоверности есть вопрос личного субъективного убеждения судьи? Не открывает ли вообще принцип свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи—опасность произвола, опасность вынесения ошибочных приговоров? Эти вопросы затрагивают целый ряд других связанных с уголовным процессом проблем и приводят теорию доказательств к установлению правил, которые должны регулировать работу суда, осмыслить действующий закон и оградить суд от ошибок и произвола.

Это приводит к необходимости не только изучения процесса добывания и установки доказательств, не только разделения доказательств на виды по степени их доказательственной силы, но и изучения самого процесса оценки доказательств, т. е. того внутреннего процесса человеческого мышления, при помощи которого человек строит свои суждения, делает выводы и умозаключения и составляет свое убеждение. Убеждение, как мы видели, есть момент субъективный. Убеждение есть прежде всего результат известного умственного процесса, происходящего в нашем мозгу, результат познавания наблюдаемых и исследуемых фактов и логической оценки их.

Естественно, что один и тот же факт или ряд фактов в их взаимной связанности и зависимости, наблюдаемых непосред-

венно или воспринимаемых из других источников различными лицами,—могут быть различно оценены ими. В зависимости от личной субъективной оценки фактов у каждого из судей составляются различные выводы и убеждения о степени достоверности их.

Часто два, повидимому, аналогичных факта, различающихся только несущественными признаками, могут также привести к различным убеждениям одно и то же лицо. У потерпевшего украдена ценная вещь, через час потерпевший задержал человека, шедшего с этой вещью на рынок. У другого потерпевшего похищена тоже ценная вещь, и с этой вещью он задержал через месяц человека, продававшего эту вещь на рынке. И в том и в другом случае заподозренные отрицали свою вину, утверждая, что они купили эти вещи у случайных прохожих. Оба заподозренных одинаково внушают подозрение: оба имеют в прошлом судимость. Однако, при оценке этих фактов в одном случае может составиться убеждение в виновности того или другого заподозренного, в другом возникает сомнение, и такое убеждение может не составиться. Все зависит от степени доверия судьи к данным фактам, от степени субъективной оценки судьей их доказательственной силы, от степени признания за ними значения достоверных фактов со стороны судьи. Вот почему вопрос о достоверности доказательств является одним из важнейших вопросов теории доказательств.

Каждое доказательство оказывает влияние на наше сознание, но не каждое доказательство имеет одинаковую убеждающую силу. Одно доказательство создает в нас убеждение в достоверности факта, другое порождает менее крепкое убеждение в его достоверности, допускающее только его вероятность.

Задача судебного исследования — собрать факты, которые имели бы характер достоверности. „Совокупность доказательств, представленных и собранных на суде, образует то состояние нашего убеждения, которое называется юридической достоверностью, т. е. высшей степенью вероятности, исключаяющей всякую возможность противоположного заключения“ (Тальберг).

Достоверность и вероятность. Однако предположение о вероятности факта недостаточно, чтобы такой факт положить в основание судебного приговора; нужно убеждение в его достоверности. Между тем в области судебного исследования при оценке отдельных фактов, как доказательств, трудно бывает провести грань между достоверностью и вероятностью. Редки случаи, когда доказательства, удостоверяющие обстоятельства дела, представлялись бы в таком виде, что у судьи составлялась бы уверенность, что в данном случае доказательства дают полную достоверность, т. е. „высшую степень вероятности“.

Несовершенство отдельных видов доказательств,—например, свидетельских показаний, как мы увидим далее,—невозможность

восстановить во всей полноте преступное событие и установить связь этого события с действиями подозреваемого в его совершении лица—являются причиной того, что в отдельных случаях признаваемая за доказательствами уголовно-судебная или юридическая достоверность имеет относительный, а не безусловный характер.

Свидетели видели человека, выбежавшего из помещения, где только что совершено убийство,—этого человека они опознают в задержанном вскоре после совершения убийства лице; свидетели описывают подробно внешний вид действительного совершителя преступления и его приметы, которые совпадают с внешностью заподозренного. Но имеем ли мы здесь полную достоверность или только возможную вероятность факта? Могут ли эти факты, устанавливаемые доказательствами, создать в судье полное убеждение в виновности заподозренного? Можно ли поручиться, что свидетели в данном случае не ошиблись; не могло ли случиться, что они добросовестно отождествили приметы задержанного с похожими только внешними признаками другого человека, истинного виновника убийства? В подобных случаях при условии целого ряда имеющихся ценных доказательств, подтверждающих истинность фактов, возможны и сомнения, которые колеблют нашу уверенность в существовании данных фактов, допуская предположительную возможность и отрицания их. „Такое состояние колебания нашего сознания, в котором оно, склоняясь в пользу одного предположения, готово и отрицать его, называется *подозрением*, а само предположение, обставленное породившими его данными, *вероятностью*» (Спасович).

Чем большую вероятность придает наше сознание тому или другому доказательственному факту и чем более совокупность таких вероятных фактов, тем крепче наше убеждение в действительном существовании, в реальности этих фактов: тогда вероятность приближается к очевидной достоверности.

Достоверность, дающая полную неопровержимую истину,—полнее вскрывается в области научных исследований.

Доказательства при научных исследованиях дают полную достоверность, так как они имеют содержанием непреложные законы природы, и достоверность их может быть проверена опытом. Судебные доказательства имеют содержанием индивидуальные меняющиеся человеческие житейские отношения, обстоятельства и факты, которые к тому же проверить опытом за редкими исключениями невозможно. Нельзя, например, воссоздать путем опыта в точности картину убийства.

Таким образом, уголовно-судебную достоверность, как определяют некоторые криминалисты, можно рассматривать только как совокупность вероятностей, „такое стечение вероятностей, вытекающих из представленных на суде доказательств, которое способно привести судью к внутреннему убеждению в том, что

Уголовно судебная достоверность, как совокупность вероятностей.

прошлое событие, составляющее предмет исследования, имело место в действительности“ (Владимиров).

Из этого определения, однако, нельзя делать вывода, что уголовно-судебная достоверность никогда не дает объективной истины и что раскрытие объективной истины в уголовном процессе есть нечто недостижимое. Повседневная судебная практика показывает, что объективная истина в уголовном процессе может быть познаваема и познается во многих случаях с достоверностью, не уступающей той достоверности, которая получается в результате точных, основных на опыте, научных исследований.

Г Л А В А V.

Источники познания и методы установления истины в области уголовно-судебного исследования.

Два основных источника познания истины. Судья при судебном исследовании убеждается в истине фактов так же, как и всякий другой исследователь научной истины: источники познания у них одни и те же. Первым источником познания человека является непосредственное наблюдение и восприятие чувствами явлений окружающего мира. Человек живет среди других людей, видит жизнь окружающих, воспринимает своими чувствами разнообразные впечатления. Эти впечатления передаются мозгу, закрепляются сознанием и пополняют умственный багаж человека, его житейский опыт. Кроме непосредственного наблюдения, являющегося источником познания, таким же источником является посредственный опыт, накапливаемый путем получения знаний от других людей, посредством беседы с ними, посредством чтения книг, передающих наблюдение и опыт других людей, и т. п. Непосредственное наблюдение и личный опыт по объему обычно невелики у отдельного человека, поэтому они недостаточны для объяснения разнообразных явлений жизни и пополняются опытом посредственным. Воспринимая опыт других людей, человек познает шире мир, постигает то, что не пришлось ему воспринять непосредственным наблюдением или личным опытом.

Другим источником нашего познания является наше мышление. Мы не только обогащаем свое познание тем, что непосредственно воспринимаем своими чувствами и о чем узнаем от других. Истину мы постигаем и путем мыслительным, нашей познавательной способностью. Мы совершаем умственные процессы, строим свои суждения и делаем выводы, которые для нас открывают истину.

Все явления жизни, все факты, которые мы познаем путем непосредственного личного наблюдения или использования опыта

и знания других лиц, находятся в известном соотношении между собой, в известной причинной связи. Недостаточно знать наблюдаемые и познаваемые факты, надо уметь сделать правильные выводы об их взаимной связи, зависимости одного от другого. В уголовных делах установление этой связи является необходимым условием раскрытия истины.

Мужчина совершил какие-то физические насильственные или оскорбительные действия в отношении женщины. Эти действия вызвали в женщине ряд тяжелых переживаний, в результате которых она кончает жизнь самоубийством. Между этими фактами-действиями мужчины и фактом смерти женщины есть причинная связь: один факт связывается с другим, один из них доказывается другим. Мы сами наблюдаем эти факты или узнаем о них от других лиц-свидетелей. Но чтобы познать и правильно оценить соотношение этих фактов, их взаимную зависимость, мы должны в нашем внутреннем сознании совершить какой-то умственный процесс, который в результате даст известное умозаключение, вывод о причинной связи этих фактов.

Значение логических методов мышления в процессе судебного исследования. Умственные процессы, при помощи которых мы устанавливаем связь между фактами и делаем правильные умозаключения, регулируются особыми правилами, которые служат содержанием науки—логики.

Только логически-правильные суждения и выводы о связи между фактами могут обеспечить отыскание материальной истины в уголовных делах. Вот почему теория о судебно-уголовных доказательствах не может обойти молчанием основные методы логического мышления, которые способствуют установлению истины событий и фактов, являющихся предметом судебного исследования.

Основные положения логики, которыми регулируется наш умственный процесс, при помощи которого мы получаем логически правильные суждения о фактах и их связи между собой, сводятся к применению нами при исследованиях правил об индукции и дедукции.

Не входя в подробное рассмотрение определений логики о построении суждений методами индукции и дедукции, мы изложим лишь вкратце существо этих логических методов и укажем на их значение в области уголовно-судебного исследования истины.

Индукция, как метод мышления, и применение ее в области исследования преступлений. Индукция—есть умозаключение от частного к общему. Это значит, что индукция есть такой умственный процесс, посредством которого мы заключаем, что то, что мы знаем за истинное в отдельном частном случае,—будет истинным во всех случаях того же рода. В области естественных наук, в исследованиях, основанных на тщательном анализе явлений и фактов из жизни природы, имеющих характер посто-

янности и закономерности,—путем индукции получается всегда вывод, имеющий значение полной достоверности, точной истины, непреложного положения.

В области же судебного исследования, имеющего дело с индивидуальными случайными фактами из жизни человека, при помощи индукции не всегда бывает возможно сделать достоверное заключение от известного факта к неизвестному; не всегда возможно на основании данного частного случая сделать правильное обобщение и вывод о причинной связи фактов.

Применение индуктивного метода здесь основывается на наблюдаемом в жизни однообразии фактов и явлений известного рода. Наше заключение, к которому мы приходим путем индукции в отношении причинной связи фактов или их последовательности, будет, конечно, логически правильным. Однако наш вывод будет иметь только характер большей или меньшей степени вероятности.

Приведем простой грубый пример применения индукции при составлении суждений о фактах в области судебного исследования. Найден труп убитой девушки: нижняя часть трупа обнажена; на ногах выше колен знаки насилия, кровоподтеки; осмотром половых органов устанавливается свежий разрыв девственной плевы; на шее трупа следы удушения в виде ясных отпечатков пальцев руки. Зная обстоятельства, которыми обычно сопровождается изнасилование, зная частные случаи и типичные особенности и признаки подобных фактов, мы заключаем и делаем общий вывод о связи и последовательности фактов, которые имели место в данном случае. Мы говорим, что девушка изнасилована, что изнасилование сопровождалось борьбой жертвы с насильником и что после изнасилования потерпевшая была задушена. От частных фактов мы пришли к обобщению, от известных нам частных фактов мы пришли к заключению о неизвестном факте, которого мы непосредственно не наблюдали; индуктивным логическим мышлением мы установили достоверную, на наш взгляд, причинную связь фактов.

Дедукция и применение ее в области судебного исследования. Дедукция есть умозаключение от общего к частному. Дедукция—такой умственный процесс, при помощи которого известное нам общее положение мы применяем к частному случаю,—на основании этого общего положения делаем заключение о достоверности данного частного факта. Значение и убедительная логичность вывода, сделанного дедуктивным путем, зависит от убедительности и степени достоверности общего положения. Если обобщение, из которого мы приходим к заключению о частном факте, не вполне достоверно, то и вывод наш будет недостаточно убедителен.

Логика учит, что умозаключение от общего к частному получается при помощи построения с и л л о г и з м а, составляемого из трех предложений (или элементов) таким образом, что пос-

леднее предложение выводится, как следствие, из двух первых. При этом первое предложение называется большей посылкой, второе — меньшей посылкой и третье — заключением.

Приведем простейший пример силлогизма:

1) Сердце—центральный орган жизнедеятельности человека: всякий человек, которому причинена рана в сердце—умирает (большая посылка, содержащая общее положение).

2) Этот человек только что получил удар в сердце кинжалом (меньшая посылка, обозначающая частный случай).

3) Следовательно, этот человек должен сейчас умереть (заключение, содержащее вывод).

При исследовании преступлений, как случайных признаваемых преступными человеческих действий, устанавливать истину путем дедукции чрезвычайно рискованно, так как никаких общих и безусловно достоверных общих положений, которым были бы подчинены преступные человеческие действия,—не существует. В этой области общими положениями могут считаться лишь „приблизительные обобщения“. Исходя же из таких приблизительных обобщений, мы можем сделать и выводы, имеющие характер не достоверности, а лишь только большей или меньшей вероятности (Владимиров).

Построение гипотезы, с применением дедуктивного метода.

Однако в области судебного исследования возможно пользование гипотезой, дающей возможность применять дедукцию, которая в отдельных случаях приводит к установлению истины. Гипотеза—это предположение об истинности какого-либо факта, допускаемое нами без доказательств или на основании явно недостаточного доказательства, в целях последующей проверки его, после чего возможно прийти к выводу, согласному с действительностью, или отвергнуть его, как ошибочно принятый. Построение гипотезы помогает иногда выяснению истины в процессе предварительного расследования уголовного дела.

Обнаружено преступление, но обстановка преступления крайне загадочна и не дает никаких указаний на то, кем совершено оно и при каких обстоятельствах. Фактов, которые бы путем индукции приводили к каким-либо достоверным выводам, в деле нет. На помощь приходит догадка, из которой родится гипотеза—т. е. возможное предположение, что исследуемое преступление могло быть совершено при таких-то обстоятельствах или таким-то лицом.

Возьмем такой пример.—Совершена очень хитро выполненная кража какого-либо ценного предмета в одной из квартир большого уплотненного жильцами дома. Первичные данные дают лишь некоторые указания на то, что кража эта могла быть легче всего совершена своим человеком, живущим в этом доме и хорошо знающим расположение дома, порядки и весь уклад жизни обитателей этого дома. На основе этих данных строится гипотетическое предположение, что кража эта совершена таким-то

жильцом, о котором известно, что он уже раньше судился за кражи. Делается, таким образом, как бы умозаключение о факте совершения кражи именно этим лицом, как временное гадательное предположение, без всяких доказательств против него, или вернее—на основании неубедительного и недостаточного для обвинения доказательства—прежней судимости этого лица. Дальнейшая проверка фактов, вытекающих из такого предположения, может привести к установлению действительных достоверных фактов, подтверждающих это предположение (подозрение), но может и опровергнуть его.

В данном случае гипотеза построена была путем дедукции; исходя из общего положения, что кражи чаще совершаются лицами, уже ранее привлекавшимися за кражи (рецидивистами), мы сделали гипотетическое умозаключение, что данный частный случай—есть дело рук такого-то лица, так как оно уже ранее судилось за кражи.

Основные операции суда, исследующего доказательственные факты.

Таким образом, деятельность суда, исследующего факты, как уголовно-судебные доказательства в делах, сводится к трем основным операциям: 1) судьи непосредственно наблюдают некоторые факты, являющиеся доказательствами в деле (осмотр судом места преступления, осмотр следов преступления, вещественных доказательств—предметов и документов); 2) судьи узнают о некоторых фактах, которыми доказывается преступное событие,—через посредство других лиц (показания свидетелей, заключения экспертов, объяснения обвиняемых и письменные акты, содержащие изложение фактов со слов других лиц, наблюдавших эти факты, или исследовавших их, или же участвовавших в их совершении) и 3) судьи производят оценку доказательственных фактов и делают выводы о взаимной связи и значении этих фактов—при помощи умственного процесса, руководствуясь правилами логического мышления.

Естественно, что и при непосредственном наблюдении отдельных фактов и при посредственном восприятии единичных фактов—в сознании судей происходит тоже внутренний логический процесс, при помощи которого они уже умозаключают о силе и значении этих фактов. Только этот процесс происходит мгновенно, давая как бы готовый логический вывод, не требующий процесса длительного сложного обдумывания и составления суждений.

Осмотр окровавленного топора, найденного около трупа, на голове которого была обнаружена рубленая зияющая рана,—сразу убеждает судью, что этим орудием совершено убийство, и в момент осмотра топора судья уже умозаключает об этом факте и делает очевидный для него вывод, что убийство совершено этим именно топором. Выслушивая далее показание свидетеля (посредственное восприятие факта) и, основываясь на доверии

к этому свидетелю и к его рассказу, например, о том, как он видел убежавшего от места убийства после совершения преступления гражданина Иванова, одетого в рубашку синего цвета,— судья уже в момент допроса свидетеля делает умозаключение о вероятности факта, что именно Иванов ударил топором потерпевшего.

Составление умозаключений о связи доказательственных фактов в процессе судебного исследования.

Процесс умозаключений об общей оценке всех доказательственных фактов, об их причинной связи и значении—сложнее, длительнее и сопровождается синтезом (обобщением), после которого и делается соответствующий логический вывод. Ряд фактов связываются в уме судьи, как причины и следствия; получается цепь частных фактов, заканчивающаяся общим умозаключением, полученным путем индукции:

- 1) На голове трупа обнаружена рана с раздроблением костей черепа (доказательство: протокол следственного осмотра).
- 2) Около трупа найден топор (протокол следственного осмотра и непосредственный осмотр топора судом).
- 3) Смерть последовала от удара по голове топором (заключение эксперта-врача).
- 4) От трупа в момент совершения преступления бежал человек (показания свидетелей А, Б и В).
- 5) Этот человек был одет в синюю рубашку (показания свидетелей А, Б и В).
- 6) В личности бежавшего опознан Иванов (показания свидетелей А, Б и В).
- 7) Задержанный через час после обнаружения убийства Иванов был в синей рубахе, которая оказалась забрызганной спереди кровью (показания свидетелей Г и Д и протокол осмотра вещественных доказательств).
- 8) У потерпевшего с Ивановым была вражда, и Иванов грозил убить потерпевшего (свидетели Е, Ж, З).
- 9) Иванов был пьян и ничего не помнит (объяснение самого Иванова).
- 10) Иванов крепко держался на ногах и был трезвый (показания свидетелей А, Б, Г и Д).

Указанные частные факты связываются в сознании судей в единую цепь доказательств, которые вызывают в судьях убеждение в достоверности тех или других из этих доказательств, и суд индуктивным путем делает умозаключение о том, что в данном случае имело место убийство, что оно совершено никем другим, как Ивановым, и что Иванов совершил это преступление в состоянии вменяемости, в виду чего к нему должна быть применена мера социальной защиты, указанная в уголовном законе.

Таков в общих чертах процесс внутреннего восприятия фактов, как доказательств в уголовных делах, и составления логических умозаключений по ним для установления их достоверности. Из изложенного в достаточной степени ясно, что теория

доказательств не может дать готовых предустановленных определений о силе и значении каждого отдельного доказательственного факта, который подлежит оценке в области судебного исследования.

Применение теории доказательств к разрешению вопросов процессуального характера. Однако, признание субъективного убеждения судьи, как единственно правильного мерил для оценки доказательств, не исключает необходимости установления процессуальных правил о доказательствах. „Новейшее уголовное судопроизводство,—говорит известный немецкий процессуалист Глазер,—приняло на себя, между прочим, как важнейшую задачу—создать такое учение о доказательствах, которое бы не служило препятствием к свободному обсуждению каждого отдельного случая и в то же время содержало бы ручательство в том, что утверждаемые факты не будут основаны исключительно на личных впечатлениях и мнениях“.

Таким ручательством может служить установление определенных правил, которым должен следовать суд в процессе соби- рания, исследования и оценки доказательств.

Поэтому современная теория доказательств разрешает и целый ряд вопросов процессуального характера: о порядке добывания и рассмотрения доказательств, об условиях допустимости тех или других видов доказательств в уголовном процессе, о мерах обеспечения достоверности доказательств и о пределах, ограничивающих свободную оценку судом доказательств. А разрешая важнейший из вопросов уголовного процесса—вопрос об оценке доказательств с точки зрения их истинности и достоверности,—теория делает попытку классифицировать доказательства, т.е. дать деление их на отдельные категории, группы или виды.

Г Л А В А VI.

Допустимость доказательств в уголовном суде.

Разрешение в уголовном процессе вопроса об „относимости“ доказательств. Теория доказательств устанавливает положение, в силу которого не всякого рода доказательства могут подлежать рассмотрению суда, не все доказательства допустимы в процессе судебного исследования.

Если исходить из практической цели, которую преследует судебное исследование, следует признать, что на судебном разбирательстве должны быть допускаемы к представлению в качестве доказательств такие факты, которые находятся в причинной связи с исследуемым преступным событием, которые непосредственно относятся к обстоятельствам, из которых слагается состав преступления.

Таково общее положение, которое указывается теорией по вопросу о так называемой „относимости“ доказательств. Это не исключает, конечно, широкой допустимости в уголовном процессе и всех тех фактов, которыми могут доказываться и устанавливаться внутренние побуждения, мотивы совершителя преступления и характеристика личности его, поскольку эти обстоятельства имеют непосредственное отношение к делу и необходимы для правильного разрешения судом вопросов о социальной опасности подсудимого.

Точно также должны быть признаны допустимыми для доказывания и те факты, которые характеризуют поведение обвиняемого до и после совершения преступления, если этим поведением об'ясняются действия обвиняемого в момент совершения преступления. Например, „когда спорным является вопрос, совершено ли каким-либо лицом какое-либо деяние, то следующие факты предполагаются относящимися к делу: 1) всякий факт, который представляет мотив для такого деяния или который является подготовлением к нему; 2) всякое последующее поведение такого лица, создавшееся, очевидно, под влиянием учинения деяния, и всякое деяние, учиненное вследствие его данным лицом или под влиянием данного лица“. (Дж. Стифен).

Здесь трудно установить лишь конкретные пределы допустимости подобного рода фактов, как доказательств. Некоторые криминалисты, желая отрицательным путем определить точнее эти пределы, указывают, „что суд не должен делать предметом судебного исследования тех сторон личности обвиняемого, которые не проявились непосредственно в действии, инкриминируемом ему“ (Фельдштейн).

Естественно, что суд, имея дело с конкретными фактами, в каждом отдельном случае входит в обсуждение вопроса об относимости к делу того или другого факта, представляемого в целях охарактеризования личности обвиняемого.

Советский суд, признавая важнейшим моментом судебного исследования—установление социальной опасности совершителя преступления—открывает для суда широкий простор допущения доказательств, относящихся к характеристике личности обвиняемого (112, 113, 166 ст. ст. УПК).

Точные пределы такого исследования, однако, всегда—вопрос данного уголовного случая. При исследовании, например, дела об обвиняемом в совершении квалифицированной кражи из государственного учреждения—нет оснований, конечно, допустить представление доказательств, заключающихся в том, что данный обвиняемый был плохим семьянином и часто бил свою жену. Здесь нет причинной связи данного факта с действиями, вменяемыми в вину обвиняемому. Но представление доказательств, удостоверяющих вообще хищническое отношение данного обвиняемого к государственному имуществу, и социально-опасные уклоны его в этом именно направлении,—могут быть

предметом исследования в указанном деле Подобного рода доказательства должны быть признаны допустимыми.

С точки зрения теории действующего советского права должно быть признано также за судом право допустимости, напр., представления таких доказательств индивидуального характера, как дневник обвиняемого, характеризующий его переживания и моменты, близко соприкасающиеся со временем совершения преступления. Поэтому, с нашей точки зрения, не могут быть убедительными общие рассуждения буржуазных криминалистов, утверждающих, что „дневник—очень ценное проявление душевного уклада личности, не пригодное притом, по общему правилу, для какой-либо преступной цели“, и что „документы подобного рода не имеют, как судебный материал, никакой ценности“ (Фельдштейн).

Следует вообще теоретически признать более широкую допустимость доказательств, освещающих внутренние побуждения и мотивы к совершению преступления со стороны привлеченных к суду лиц. Мотив всегда есть „истинный источник“ всякого преступления, хотя бы в состав данного преступления по действующему материальному закону он и не включался в качестве необходимого момента. „Об'ясняя возникновение данного преступления, мотив имеет глубокое значение для психического понимания деяния, а в случае сомнительного душевного состояния подсудимого, он представляет важный опорный пункт для заключения врача-психиатра“ (Владимиров).

Недопустимые доказательства. Чтобы обеспечить достижение судом об'ективной истины и вынесение приговора на основании твердого убеждения судей,—необходимо, чтобы суду были представлены достоверные надежные доказательства. Поэтому в целях ограждения суда от ошибок, благодаря возможному влиянию на суд негодных или ненужных доказательственных средств, теория доказательств указывает некоторые виды доказательственных фактов, которые являются недопустимыми по тем или другим рациональным основаниям.

К числу недопустимых в области судебного исследования доказательственных фактов теория доказательств относит: 1) доказательства фактов общеизвестных, 2) доказательства фактов, противоречащих естественным законам природы.

Недопустимость доказывания общеизвестных фактов. Обоснования недопустимости общеизвестных фактов, как доказательств в уголовном деле,—вполне понятны. То, что всем известно, не требует доказательства. Факты общеизвестные доказывать на суде бесцельно, и допущение подобных доказательств лишь может усложнить и всегда излишне затянуть процесс исследования, отвлекая суд от исследования относящихся к делу спорных и сомнительной достоверности фактов. Излишне и бесцельно было бы представлять, например, суду доказательства того, что

1 мая или 18 марта был праздничный день. Не нужно суду представлять доказательства, что такая-то местность, где совершено преступление, расположена на реке, которая является притоком такой-то реки; что такая-то губерния входит в состав РСФСР и т. п. Подобного рода факты признаются общеизвестными и во всяком случае в отношении ряда таких фактов существует предположение, что они, во первых, очевидны или истинны, и во вторых, что они суду известны и не требуют доказательств.

Недопустимость доказывания фактов, противоречащих законам природы.

Почему факты, противоречащие естественным законам природы, не могут быть предметом доказывания на суде—тоже понятно. Эти факты опровергаются наукой, не могут быть проверены опытом и наблюдением, и, следовательно, не имеют доказательственного значения, недостоверны. Поэтому все чудесное или созданное болезненной фантазией человека не может представляться как доказательство, удостоверяющее какие-либо факты в уголовном деле. Всякое внутреннее субъективное состояние и переживание, как психологическое явление, если оно не выразилось в каких-либо внешних проявлениях и не имеет под собой реальной основы, также должно быть устранено из судебного разбирательства, как не поддающееся проверке.

Потерпевшая в своем показании утверждает, что она не знает, кто совершил на нее разбойное нападение, так как дело было ночью, и она в темноте не рассмотрела личности бандита, но заявляет, что после того она видела сон: ей ясно привиделось, будто к ней явился гражданин, который сидит теперь на скамье подсудимых, и будто во сне он ей сам признался в том, что это дело—его рук; она этому вполне верит, так как вспомнила, что грабитель был действительно похож на этого гражданина. Естественно, что подобного рода показание не может быть принято как доказательство достоверности, в виду противоречия его с научными данными, отрицающими возможность установления истины прошлого или будущего на основании сновидений.

Присяга, как доказательство.

По нашему уголовно-процессуальному праву—точно также не может служить доказательством присяга или религиозная клятва. Достоверность показания свидетеля оценивается на основании внутреннего убеждения судьи и в соответствии с проверкой судом существа этого показания с другими обстоятельствами дела. А потому вообще допущение присяги, как формального момента, как бы предопределяющего вывод о достоверности подприсяжного показания,—и фактически, как показывает практика, является бесцельным и научно необоснованным, не говоря уже о том, что допущение присяги, как доказательства, по существу является спекуляцией на суеверии и невежестве. Один свидетель, давший показание под присягой, может сознательно или бессознательно извратить истину. Другой свидетель, давший показание и без присяги, может вызвать полное доверие суда к своему показанию.

**Недопустимость
доказательств,
опровергающих
положения соци-
алистического
миропонимания.**

Мы указывали ранее, что наше процессуальное право носит классовый характер, и суд наш прежде всего есть суд классовый, пролетарский. Отсюда вытекает, на наш взгляд, также требование для суда о недопустимости доказательств, оспаривающих или опровергающих элементарные положения социалистического миропонимания. Октябрьская революция внесла в сознание трудящихся масс целый ряд новых социальных идей, которые выросли крепко в быт рабоче-крестьянского населения. Этими идеями проникнуто все наше законодательство, все наше социалистическое строительство.

Поэтому представляется правильным исключить для советского суда допустимость доказательств, которые направлены к опровержению положений, если и не получивших прямого оформления в действующем законе, то вытекающих логически из основных начал пролетарского права и из социалистического правосознания. Было бы внутренним процессуальным противоречием для классового советского суда допустить в качестве доказательств факты, устанавливающие, например, целесообразность эксплуататорских приемов использования труда рабочих хотя бы и в ущерб здоровью рабочего населения, или опровергающие принципы национального или женского равноправия. Противоречило бы задачам классового суда допустить доказывание факта, что кооперирование крестьянского хозяйства—вредно и ненужно в условиях нашего строительства, что работа частного предпринимателя-нэпмана, извлекающего личную прибыль из наемного труда, в социальном отношении должна расцениваться не менее высоко, чем общественно-производительный труд рабочего или середняка-крестьянина, ведущего свое хозяйство и т. п. Социалистическое правосознание является одним из необходимых условий для правильного понимания и применения судом действующих законов. Это правосознание в некоторых случаях определяет для суда и границы допустимости или недопустимости доказывания тех или других фактов и положений по соображениям социального характера.

**Недопустимость
доказательств,
не поддающихся
проверке и име-
ющих только
предположи-
тельный харак-
тер.**

Точно также нельзя признать допустимыми в качестве уголовно-судебных доказательств такие, которые вообще в данных условиях являются лишь сырым материалом, не подвергшимся или неподдающимся проверке, или, наконец, имеющие только гипотетический (предположительный) характер. Поэтому на суде не могут быть представляемы в качестве доказательств такого рода сведения, как агентурные разработки, анонимные заявления, слухи и предположения (см. проект нового УПК., ст. 22, Ежен. Сов. Юст. № 28—1928 г.).

Вопрос о допустимости доказывания отрицательных положений.

По вопросу о допустимости доказательств в литературе высказывались мнения, что не могут быть также допускаемы для доказывания на суде отрицательные положения. Отрицательные факты вообще нельзя доказывать, — говорят сторонники этого мнения. Однако, к области судебного исследования нельзя применить это теоретическое рассуждение, как общее правило. По своей цели судебное исследование направлено к установлению положительных фактов. Нужно доказать, что данное преступное событие имело место в действительности; нужно доказать, что такой-то подсудимый совершил такие-то действия или выразил внешним образом такие-то намерения и т. п. Таким образом, суд собирает и исследует факты положительного, а не отрицательного характера.

Однако, согласно общим положениям процессуального закона, обвиняемому предоставляется широкое право защиты: он может отрицать свою виновность и приводить доказательства этого своего отрицания. Он может доказывать, что такого-то факта не было, что он таких-то действий не совершал, что такое-то обстоятельство ему не было известно и т. п. Нередко в уголовных делах обвиняемый заявляет, что он не был в момент совершения преступления в том месте, где оно совершено. Это отрицательное положение он доказывает установлением своего *alibi*, т. е. доказывает, что он в данное время был совсем в другом месте и, следовательно, он не мог быть участником данного преступления.

Правда, что в подобных случаях „отрицательные положения часто представляются только по форме отрицательными, вмеща в себе в сущности положительное утверждение“ (Случевский). Но тем не менее для доказывания представляется отрицательный факт, имеющий притом непосредственное отношение к делу. А если это так, то нельзя создавать общего правила о недопустимости доказывания отрицательных фактов и положений в процессе судебного исследования. Каждое отрицательное положение, о допустимости которого возникает вопрос в данном уголовном деле, — подлежит лишь обязательному обсуждению в двух отношениях: 1) может ли доказывание этого отрицательного положения иметь какое-либо значение для данного дела и 2) таково ли это отрицательное положение по существу, по своей природе, чтобы оно могло вообще доказываться какими-либо средствами и способами, допускаемыми в уголовном процессе.

Поэтому, естественно, что отрицательные положения, представляемые для доказывания, не могут быть, как общее правило, изъяты из области допустимых уголовно-судебных доказательств.

Обвиняемый заявляет, что он не пил вина в данный момент и не был пьян, — предположим, что это такое обстоятельство, которое в данном случае имеет значение для дела. Почему нельзя

допустить доказывание этих отрицательных фактов? Это обстоятельство могут удостоверить свидетели, бывшие вместе с обвиняемым. Обвиняемый молодой крестьянин доказывает,—и это тоже, может быть, имеет какое-либо значение для данного дела,— что он живет безвыездно со дня рождения в своей деревне и никогда не был в таком-то губернском городе, отстоящем в 200 верстах от его деревни. Почему не допустить проверку этого факта, если он имеет доказательственное значение в данном деле? В глухой деревне такие сведения об отдельных лицах могут быть достоверно установлены. Возьмем далее грубый пример. Обвиняемый удостоверяет, что он всю жизнь не пробовал вина и даже не знает его вкуса. Возможно, что суд признает это обстоятельство вообще несущественным для дела, а возможно, что оно и могло бы иметь какое-то значение, но суд признает, что данное положение отрицательного характера вообще невозможно доказать: показания свидетелей, которые бы удостоверили, что обвиняемый никогда при них не пил вина не исключают факта, что когда-нибудь и где-нибудь обвиняемый за всю свою жизнь мог попробовать вино и испытать его вкус. На основании этих соображений, поддающихся точной мотивировке,— суд может не допустить представления доказательств подобного отрицательного факта.

Вообще же следует сказать, что доказывание отрицательного факта допустимо в уголовном процессе во всех тех случаях, когда утверждение небытия какого-либо факта может быть заменено утверждением бытия противоположного ему факта. Напр., можно доказывать, что я не был в таком-то месте (отрицательный факт), ибо я в это время был в другом месте (положительный противоположный факт). Я не получил взятки, которая, якобы, была мне дана при таких-то обстоятельствах, ибо в это время и при таких-то противоположных обстоятельствах я был в таком-то месте, делал то-то, был вместе с таким-то и т. д. и т. д.

Г Л А В А VII.

Классификация доказательств.

Основания для деления доказательств на отдельные виды. Разделение предметов известного рода или класса на отдельные виды или категории возможно на основании какого-либо определенного признака или принципа. Поэтому и классификация доказательств может быть сделана на основе тех или других общих признаков, которыми одни группы или категории доказательств отличаются от других.

Сравнительная ценность уголовно-судебных доказательств, в смысле их достоверности, в значительной степени зависит от

источника, из которого получают эти доказательства. Чем надежнее источник доказательственного факта, тем более доверия мы имеем к этому факту в области судебного исследования. Поэтому понятно, что теория доказательств прежде всего останавливается на делении доказательств, основанному на различии источников.

Доказательства первоначальные и производные. По этому признаку доказательства делятся на первоначальные и производные (менее употребительное название—первичные и вторичные). Под первоначальными доказательствами разумеются такие, которые получают из первоисточника, как бы из первых рук. Под производными—разумеются такие, которые, получают из такого источника, о котором имеются указания, что он сам только как бы заменяет первоисточник, черпая из него содержание доказываемого факта. Оно как бы производным путем дает суду факты, воспроизводя их по первоисточнику.

Здравый смысл и логика подсказывают, что сведения, полученные из первоисточника при исследовании истины—имеют в наших глазах более убедительную доказательственную силу, чем сведения, полученные производным путем не непосредственно из первоисточника. Первые нам представляются наиболее достоверными и создают в нас убеждение большей вероятности доказываемого ими факта, чем вторые.

Подложный документ, написанный обвиняемым, имеющийся у суда и им обзриваемый—есть первоисточник, из которого суд убеждается в факте подлога. Это—первоначальное доказательство по делу о подлоге документа. В другом случае такого документа при исследовании не добыто, но имеется копия подложного документа, или свидетели показывают, что они видели такой документ, удостоверяя факт составления подложного документа подсудимым. Копия подложного документа и показания свидетелей в данном случае являются для суда производными доказательствами.

В одном случае свидетель-очевидец рассказывает о событии, которое он сам видел. В другом случае свидетель, не бывший очевидцем этого события, рассказывает о нем со слов других лиц—очевидцев. В первом случае суд имеет перед собой первоисточник факта, доказательство первоначальное; во втором—суд получает сведения не из первоисточника и имеет доказательство производное.

Вместо устного показания неявившегося на суд потерпевшего суд устанавливает факты оглашением его показания, данного на предварительном следствии. В данном случае для суда это также доказательство производное, хотя для лица, производившего расследование, показание этого потерпевшего, воспринятое из первоисточника, является первоначальным доказательством. Для составления судом внутреннего убеждения об истинности фактов, удостоверяемых этим потерпевшим, для вы-

водов о достоверности фактов суду важнее выслушать самого потерпевшего, хотя возможно, что показание его, данное им при предварительном расследовании, записано с его слов правильно и точно.

Первоначальные доказательства, таким образом, являясь для суда наиболее достоверным источником истины, различаются как бы по степени их достоверности для дела, сравнительно с производными доказательствами. Первые имеют большую степень убедительности, вторые—меньшую. Поэтому первоначальные доказательства называются также первостепенными доказательствами, а производные—второстепенными (Владимиров).

Однако последнее терминологическое обозначение следует признать неудачным и не соответствующим коренному началу судебной оценки доказательств на основе внутреннего убеждения суда. В отдельных случаях суд может при исследовании большую степень достоверности за показанием производным, чем за первоначальным. Рассказ свидетеля-очевидца, допрошенного через значительный промежуток времени после события, наблюдавшегося этим свидетелем, может показаться суду менее убедительным и достоверным, чем показания других свидетелей—не очевидцев, удостоверяющих факты со слов того же очевидца, передававшего им виденное по свежему впечатлению непосредственно после совершения преступления.

Доказательства непосредственные и посредственные. По этому же признаку, из которого судом почерпаются или познаются доказательственные факты,— существует деление доказательств на непосредственные и посредственные.

Непосредственные доказательства в области исследования мы имеем в тех случаях, когда исследующий сам воспринимает или интуитивно познает факт; посредственные—когда исследующий познает этот факт через посредство другого лица, знание которого ему сообщается какими-либо знаками: устным словом, письмом, жестом, общим поведением (Люблинский).

Ясно, что такое деление не дает ничего нового, кроме новых словесных обозначений по сравнению с делением доказательств на первоначальные и производные. Оно, пожалуй, только точнее определяет различие отдельных видов или групп доказательств по их происхождению или их отношению к первоисточнику. Первоначальные доказательства—тоже самое, что непосредственные, т. е. полученные непосредственно из первоисточника; производные, как и посредственные—те, которые исходят из посредствующего источника, заменяя или восполняя этот первоисточник.

Указанное выше деление доказательств, не имея предопределяющего значения для оценки этих видов доказательств со стороны суда, тем не менее имеет некоторое практическое значение в уголовном процессе. Указания теории в отношении их дают возможность правильной установки процессуальных правил,

относящихся к добыванию и исследованию доказательств. В целях обеспечения наибольшей достоверности за доказательствами производного характера процессуальными кодексами устанавливается ряд правил, регулирующих условия и порядок производства следственных действий, направленных к установлению и проверке доказательств: производства осмотров, освидетельствований, допроса свидетелей и т. д. Для производства, напр., осмотра места преступления и вещественных доказательств требуется присутствие понятых, подпись которых под протоколом является как бы подтверждением правильности всего того, что могло быть установлено осмотром. Такой акт следственного осмотра, не являясь для суда непосредственным доказательством, тем не менее в значительной степени дает уверенность суду в достоверности его, как доказательства. Чтобы гарантировать правильную проверку на суде доказательственных фактов, требующих специального исследования — экспертиза на следствии обусловлена приглашением компетентных сведущих лиц и требованием, чтобы эксперты дали по делу письменное мотивированное заключение и т. п.

Помимо указанного, практическое значение деления доказательств на первоначальные и производные (непосредственные и посредственные) заключается и в том, что они указывают суду на различные способы внутренней субъективной оценки им тех и других доказательств по делу и заставляет суд контролировать себя. Совершенно правилен взгляд, по которому при определении ценности непосредственных доказательств „судье приходится критически относиться к тому умственному процессу, который совершается в нем самом; при оценке же посредственных доказательств он, кроме того, должен проявить критическое отношение к умственным процессам тех лиц, от которых он воспринимает те или другие доказательства“ (Случевский).

Доказательства обвинительные и оправдательные. По признаку, характеризующему содержание существа доказательств, или, как говорят, по „предметному“ признаку, доказательства разделяются на обвинительные и оправдательные. Обвинительные — это такие доказательства, содержанием или предметом которых являются факты, подкрепляющие вероятность предположения о виновности обвиняемого. Оправдательные — такие доказательства, содержанием которых являются факты, отвергающие это предположение.

Такое разделение доказательств имело значение в периоды господства, так называемого, обвинительного процесса, при котором обвинение преступника и представление доказательств против него, или, как говорят, „бремя доказывания“ лежало на частном лице — на потерпевшем. Обвиняемый же должен был представлять доказательства невиновности. Процесс был борьбой сторон. Тогда обвинительными доказательствами были доказательства, представляемые потерпевшим (в древне-русском праве, „истцом“), а оправдательные — обвиняемым („ответчиком“).

Современный уголовный процесс не знает такого деления обязанностей доказывания. В частности, советское уголовно-процессуальное право характеризуется тем, что установление признаков преступления в исследуемом событии, как и установление социальной опасности совершителя, есть исключительная обязанность судебной власти. Суд, как и органы предварительного расследования, с одинаковой тщательностью обязаны собрать, исследовать все обстоятельства дела и должны подвергнуть одинаково-беспристрастной оценке и проверке как обстоятельства обвинительного характера, т. е. факты, изобличающие обвиняемого, так и оправдательного характера, т. е. факты, его оправдывающие.

Поэтому деление доказательств на обвинительные и оправдательные не имеет у нас процессуального значения. Было бы неправильным утверждать, что у нас в процессе судебного исследования прокурор обязан доказывать одни обвинительные факты и во что бы то ни стало добиться обвинения, а что защита должна всеми мерами собрать свои оправдательные доказательства, и что суд должен вести учет свидетелям обвинения и защиты, как отдельным различным категориям доказательств.

Указанное устаревшее деление доказательств в настоящее время может иметь разве лишь некоторое чисто техническое значение. На основе этого деления суд легче может группировать все доказательства по каждому данному делу, разделяя доказательственные факты, которые подкрепляют вероятность предположений о виновности обвиняемого, от фактов, исключающих эту вероятность.

Установив свое отношение к каждому из этих фактов в отдельности путем оценки их достоверности, суд составляет убеждение, которое и ложится в основу обвинительного или оправдательного приговора, излагающего существо признанных судом доводов за и против подсудимого.

Наибольшее внимание теория доказательств уделяет разделению доказательств на прямые и косвенные. В основе этого деления лежит попытка с одной стороны разграничить предполагаемые способы познания судом истины доказываемых фактов, с другой—установить сравнительную ценность этих познавательных способов. При этом обширная литература, посвященная анализу различных указанных видов доказательств,—представляет ряд мнений и выводов, часто недостаточно убедительных, а весьма часто и противоречивых. Во всяком случае, хотя это деление в настоящее время не имеет большого практического значения, но важно в том отношении, что оно подвергает анализу логические процессы, при помощи которых суд дает оценку доказательствам в уголовных делах.

Под прямыми доказательствами, согласно указанной классификации, понимаются доказательства, при помощи которых исследующий убеждается в существовании того или другого

исследуемого обстоятельства прямо и непосредственно. Под косвенными доказательствами или, как иначе их называют, „уликами“—понимают такие доказательственные факты, из которых только путем умозаключений можно сделать вывод об исследуемом обстоятельстве по связи их с этим обстоятельством. Короче говоря, прямые доказательства—такие, которые сами собой непосредственно обнаруживают деяние, а косвенные такие, которые лишь косвенно обнаруживают его (Фельдштейн).

С точки зрения такой классификации—показание свидетеля-очевидца преступления или осмотр судом вещественного доказательства, отобранного у обвиняемого в момент совершения преступления,—являются прямыми доказательствами. Из рассказа свидетеля-очевидца суд непосредственно убеждается, как произошло исследуемое преступное событие; из осмотра вещественного доказательства (напр., орудия убийства) суд непосредственно воочию убеждается, каким способом подсудимым совершено это преступление. Этими доказательствами удостоверяются исследуемые факты, т. е. признаки, относящиеся к объективной или субъективной стороне состава исследуемого преступления.

Если же перед судом проходят, например, такие доказательства, как свидетельские показания, удостоверяющие, что обвиняемый после задержания по подозрению в совершении убийства покушался на побег, или что он задолго до убийства имел ссору с потерпевшим и грозил ему убийством, такие доказательства следует считать косвенными доказательствами или уликами. Они не удостоверяют прямо и непосредственно связи фактов побега и угроз с исследуемым фактом убийства, которое вменяется данному обвиняемому, но „косвенно“ путем умозаключения суду возможно прийти к убеждению в вероятности этого исследуемого факта—совершения убийства именно данным обвиняемым, а не кем-либо другим.

Из этих примеров уже можно видеть несостоятельность указанного деления доказательств. По существу источник оценки судом доказательств в обоих случаях один и тот же. Как при восприятии судом показания очевидца и осмотре вещественного доказательства, так и при получении от свидетелей сведений об обстоятельствах, косвенно подтверждающих исследуемые факты,—суд одинаково приходит к тому или другому убеждению при помощи внутреннего логического процесса. Следовательно, источник познания истины или средства к удостоверению истины—в обоих случаях одни и те же.

В литературе встречается и несколько иное определение понятий: прямые и косвенные доказательства. В основу различия этих видов доказательств вводится иногда новый признак, различивающий эти виды доказательств.

„Доказательство,—говорит английский писатель Бест—будет ли то свидетельское показание, предмет вещественного мира

или документ, — является прямым, когда им устанавливается главный факт, подлежащий доказыванию по делу; напротив, оно носит название косвенного или обстоятельственного, если им устанавливается не главный факт, а такой, из которого мы делаем заключение к главному“ (цит. у Фойницкого).

Подобное же определение дается этим понятиям и в русской литературе: „Прямые доказательства мы имеем в тех случаях, когда главный факт удостоверяется личным восприятием исследователя, иначе говоря, устанавливается непосредственным доказательством; косвенные—в тех случаях, когда вместо главного факта устанавливается какой-либо доказательственный факт, какое-либо „обстоятельство“ или совокупность их, и из них только делается умозаключение о главных фактах“ (Люблинский).

Здесь уже мы имеем как-будто в основе различия—содержание доказательств и отношение их к исследуемым, т. е. главным фактам. Одними устанавливаются главные факты, другими не главные, при чем между главными и доказательственными фактами (не главными) проводится здесь резкое различие, в смысле важности их в деле, как фактов, являющихся ближайшей целью исследования.

Главными фактами являются те факты, которые должны быть исследованы, а те факты, которые отыскиваются не сами по себе, а только потому, что от них можно умозаключить к фактам главным, называются доказательственными фактами. Например, бегство преступника является доказательственным фактом для установления виновности данного лица (Люблинский).

Несмотря, однако, на несогласованность указанных выше определений, следует сказать, что теоретические положения, вытекающие из такого деления доказательств, представляют большой интерес в процессуальном отношении. На основе именно этого деления, как мы увидим далее, практикой установлены некоторые общие правила применения этих положений к конкретным случаям судебного исследования.

Улики прямые и обстоятельственные или косвенные. Наиболее обстоятельно вопрос о сравнительном значении прямых и косвенных доказательств разработан еще в середине прошлого века английским ученым Уильямом Уильзом, который в своем „Опыте теории косвенных улик“ на примерах пытается доказать практическую пользу применения теории доказательств к случаям судебной практики.

Уильз, однако, исходит из положения, что косвенные (или как он называет их „обстоятельственные“) улики по своей природе совершенно тождественны с прямыми. „Вся разница их,—говорит он,—состоит только в том, что очевидность, которая производится прямыми уликами, относится непосредственно к факту, составляющему предмет исследования, тогда как обстоятельственные улики, будучи в сущности такими же

прямыми признаками, представляют непосредственную очевидность второстепенных фактов, из достоверности которых можно заключить о действительности главного факта“.

Признавая таким образом одинаковую ценность и значение косвенных улик наряду с прямыми доказательствами, Уильз приходит сам же к выводу о практической бесцельности указанного деления доказательств. „Если улика или очевидность,—говорит он, так сильна, что она необходимо производит полное убеждение и совершенную уверенность, то решительно все равно, к какому бы роду улик она не принадлежала, и сила доказательства должна быть совершенно одинакова, несмотря на то, на каких уликах она основана: на прямых или на косвенных“.

Еще до Уильза упомянутый выше Бентам выразил сомнение в существенном различии между прямыми и побочными (косвенными) доказательствами в смысле их значения и силы их достоверности. Он говорит, что только с отвлеченной точки зрения нельзя оспаривать, что побочное доказательство ниже прямого: „прямое доказательство не требует никаких выводов; побочное не может существовать без выводов, но едва ли бывает такой вывод, который был бы свободен от ошибки“.

Таким образом, мы видим, что еще в прошлом веке теория, классифицирующая уголовно-судебные доказательства, перенесла центр тяжести на внутреннюю оценку доказательств судом, не придавая практического значения тем формальным моментам, по которым одни категории доказательств отличаются от других.

Если мы вспомним, что оценка доказательств, в целях установления судом материальной истины, должна производиться на основе внутреннего убеждения суда, а не на основе каких-либо формальных признаков доказательств, то будет понятно, что указания теории, связанные с делением доказательств на прямые и косвенные, большого практического значения для суда иметь не должны. Практика современного суда, оценивающего все доказательства каждого данного дела по силе внутренней логики,—показывает, что нередко суд подвергает сомнению так называемые прямые доказательства, прямо и непосредственно удостоверяющие главные факты, и выносит приговор на основании умозаключений, полученных из совокупности косвенных второстепенных доказательственных фактов, которые приводят суд к убеждению в достоверности исследуемого события (совершения факта преступления и виновности данного лица).

Понятие улики в современном уголовном процессе.

Современный уголовный процесс, таким образом, отвергает предопределяющее оценку—деление доказательств на прямые и косвенные (или улики). Однако, суды в своей практической деятельности и повседневной работе продолжают оперировать этими понятиями. Слово „улика“ получило права гражданства в области судебного расследования и, имея определенный смысл, употребляется в процессуальных кодексах, как понятие, означающее

все вообще обстоятельства, которые изобличают обвиняемого или подсудимого в каком-либо преступлении. Предмет всякого судебного исследования—есть преступление, т. е. общественно-опасное действие какого-либо лица. Установление виновности этого лица по каждому данному делу—производится путем собирания и исследования фактов, доказывающих совершение данного действия (преступления) этим лицом. И те факты, которые уличают или, как говорят, служат достаточно убедительными изобличающими обстоятельствами в отношении обвиняемого или подсудимого, принято в судебной практике называть уликами.

„Улики,—т. е. обстоятельства, которыми, как своими спутниками обыкновенно окружает себя преступление, или же вообще какое бы то ни было деяние, составляющее предмет уголовного исследования,—как совершенно правильно говорит Жиряев,—разнообразны до такой степени, что полное исчисление их является делом совершенно невозможным“.

Улики могут обнаруживаться как в отдельных поступках лица, в его поведении, в словах и выражениях, произнесенных им, так и в известных отношениях и нравственных состояниях людей, как в обстоятельствах, предшествовавших совершению преступления, так и сопутствовавших или последовавших вслед за совершением преступления. Поэтому всякие попытки классифицировать улики по какому-либо признаку лишены серьезного практического значения.

Правда, тем же Жиряевым дана подробная обобщающая классификация улик по различным признакам (по признаку конечной цели уголовного расследования; по признаку отношения их к ближайшим доказываемым фактам; по свойству связи, по времени, к которому относятся доказываемые посредством улик факты и т. п.), но мы считаем излишним излагать эти деления, как не имеющие применения в практической работе по исследованию преступлений.

Можно лишь остановиться еще на одном делении улик, на основе которого теория доказательств выводит весьма важное руководящее положение, имеющее целью направить судебное исследование в сторону обнаружения материальной истины во всяком уголовном деле, где мы имеем сцепление целого ряда косвенных доказательств или улик.

Одно из таких положений относится к оценке улик по их согласованности и связи между собой. Всякое преступление, как действие, представляет из себя цепь причин и следствий,—совокупность фактов, действий, состояний и т. д., которые в целом дают ту или другую степень достоверности совершения этого преступления тем или другим лицом, на которого пало подозрение. Если целый ряд фактов или обстоятельств в отношении подозреваемого в совершении данного преступного дея-

Улики гармонические и изолированные.

ния—представляются находящимися в естественной тесной причинной связи между собой и подкрепляются один другим,—в нас рождается более или менее крепкая уверенность, что исследуемое преступное деяние совершено именно этим лицом. Если же факты, являющиеся уликами в отношении этого подозреваемого,—представляются единичными, разрозненными, не согласованными и не увязываются в единую связную цепь фактов,—такой уверенности у нас не будет.

Таким образом, естественной и логической правильной теоретической предпосылкой для оценки совокупности улик—является требование их согласованности и внутренней причинной связанности, которые дают известную „гармонию“.

Отсюда вытекает—деление улик по признаку их взаимной связанности — на улики гармонические и изолированные.

Под гармоническими уликами понимаются такие улики, которые все подкрепляют одно и то же предположение, положенное в основание следствия; под изолированными, наоборот,—понимаются такие улики, которые друг друга не поддерживают, не согласуются между собой, не представляют ничего связного, а потому и не дают удовлетворительного доказательства (Владимиров).

Для иллюстрации указанных положений о значении в уголовных делах „гармонии улик“, как необходимого условия доказывания посредством улик, можно взять следующий пример*).

Молодая женщина, жившая со своими родителями на хуторе, находящемся в некотором расстоянии от селения—оставалась дома одна в то время, как родители ее уходили с утра в поле на жнитво. Возвратившись домой после полудня, они нашли дочь убитой: горло ее было перерезано. Врачебным осмотром было установлено, что рана нанесена острым оружием и притом человеком, державшим это оружие в левой руке. По вскрытии трупа убитой оказалось, что она была беременна. Только через несколько дней расследование напало на след убийцы. Рядом косвенных улик в этом преступлении изобличался молодой человек, живший в работниках у одного из хозяев ближайшего к хутору селения. Следствием были установлены следующие факты, изобличающие подозреваемого.

1) Молодой человек находился в тайной связи с убитой, которую все знали за слабоумную женщину, и когда лица, знавшие об этой связи, дразнили его этой связью, он очень оскорблялся этим. 2) Подозреваемый, как оказалось, был левшой. 3) Утром в день убийства отлучался с работы под предлогом сходить в кузницу, в которой однако не был. 4) Одна девушка, живущая недалеко от хутора, видела

*) Содержание уголовного казуса взято у Уильза („Опыт теории косвенных улик“); в изложении изменены лишь некоторые детали.

человека, похожего на подозреваемого, утром в день убийства бежавшего поспешно в направлении к хутору окольной тропинкой по топкому месту. 5) Товарищи подозреваемого по работе видели, что у подозреваемого в день убийства по возвращении его из отлучки в кузницу—чулки были запачканы грязью, из чего можно было заключить, что он где-то шел по топкому месту. 6) Башмаки подозреваемого, имевшие следы недавней чинки—подошли по общему впечатку, по числу и расположению гвоздей на подошве—к следу, найденному на топкой вязкой тропинке около хутора. 7) В направлении следов на этом пути в различных местах на земле найдены капли крови. 8) При обыске у подозреваемого найдены запрятанными в соломенной крыше помещения, где он спал, запачканные грязью и со следами крови чулки. 9) Местный сапожник признал башмаки подозреваемого и удостоверил, что он чинил эти башмаки подозреваемого за несколько дней до времени, когда было совершено убийство.

В этом примере мы имеем случай гармонического сцепления улик, которые вызвали у суда уверенность в виновности данного подозреваемого и дали основание вынести подсудимому обвинительный приговор. В данном случае добытые улики находятся в полной согласованности между собой и с другими обстоятельствами дела („главными фактами“); все доказательственные факты связаны естественной причинной связью, и совокупность их дает достоверность этой связанности. Все, начиная от насмешек товарищей подсудимого над его связью с слабоумной; беременность последней; естественный повод и возникший умысел к убийству; уход с работы; роковой удар по жертве, сделанный левшей; торопливая походка при ходьбе и увязание в болоте; приметные следы башмаков; прятание предательских носков после убийства, — все представляется согласованным и объясняет картину убийства, как следствие, вытекавшее из ряда причин и следовавших один за другим естественных жизненно-правдоподобных фактов.

По этому же делу первоначально был заподозрен местный учитель. Против него имелись следующие улики: близкое совпадение следов его башмаков со следами на земле, однако различавшимися несколько в очертаниях носовой части башмаков, и знакомство с покойной, дававшее некоторое подозрение на половую связь с ней, которая могла порочить положение учителя. В отношении его улики представлялись изолированными. Согласованности между ними нет; они разрознены и единичны: такие улики в одинаковой степени могли быть подведены и к другим лицам из окрестных жителей, знакомым с покойной. Улики эти не давали увязанной причинной связью цепи логически убедительных фактов.

Таким образом, мы видим, что классификация доказательств и улик по тем или другим признакам, и вытекающие из этой

классификации выводы для разрешения вопросов о сравнительной ценности доказательств, часто может дать суду надежное средство для правильной установки доказательств.

**Доказатель-
ства личного
и веществен-
ного харак-
тера.** Процессуалисты новейшего времени, однако, правильно указывают, что наиболее точный признак классификации доказательств следует искать в самой природе тех способов и средств доказывания, которые допускаются в процессе уголовно-судебного исследования (Фойницкий). Поэтому в дальнейшем, при объяснении значения процессуальных правил, принятых современными законодательствами, в том числе и нашим, в отношении установки доказательств, мы признаем наиболее удобным рассмотрение всех доказательств, разделяя их по указанному признаку на две группы. К первой группе относятся такого рода доказательства, которые состоят из представляемых суду личных заявлений всякого рода, как-то: показания свидетелей, объяснения подсудимого, мнения сведущих людей (экспертиза). Вторые—обнимают собой все другие виды доказательств, которые даются предметами внешнего мира, служащими для удостоверения исследуемых фактов, как-то: осмотры, вещественные и письменные доказательства.

Г Л А В А VIII.

Оценка доказательств.

**Роль оценки
доказательств
в уголовном
процессе.** Собираем и установлением доказательств по делу, при всем громадном значении этой работы, далеко не исчерпывается задача следователя и судьи. Как перед органами, производящими предварительное расследование, так и перед судом, окончательно разрешающим дело, встает не менее серьезная и ответственная задача—дать правильную оценку собранным доказательствам, так как только на основе правильной оценки доказательств может быть сделан правильный вывод и вынесено правильное решение по делу.

Необходимость такой оценки в особенности очевидна во всех тех случаях (а с ними встречаться приходится, пожалуй, чаще всего), когда из общей совокупности собранных и установленных доказательств отдельные доказательства позволяют сделать неодинаковые, часто совершенно различные и взаимно исключающие друг друга выводы о виновности или невиновности или о степени виновности привлеченных по делу лиц, о наличии или, наоборот, о небытии самого события преступления и т. д. В таких случаях, очевидно, для того, чтобы притти к одному определенному выводу, как выводу сравнительно более вероятному и достоверному, надо отбросить одни доказательства, как

менее достоверные, и дать предпочтение другим, как более достоверным, — иначе говоря, надо сравнить значимость отдельных доказательств, надо дать оценку собранным доказательствам. По делу об убийстве, например, имеются следующие доказательства: 1) судебно-медицинская экспертиза устанавливает факт убийства гр-на Н., 2) ряд свидетельских показаний устанавливает существование вражды между убитым и подозреваемым в убийстве: некоторые свидетели были очевидцами неоднократных драк, ссор и угроз, 3) однако другая часть свидетелей удостоверяет alibi подозреваемого, 4) в деле фигурируют вещественные доказательства — скажем, финский нож, которым нанесены смертельные раны Н., 5) подозреваемый признает, что этот финский нож, действительно, принадлежит ему, но утерян им за несколько месяцев до убийства, 6) в переписке убитого обнаружены письма невыявленных следствием лиц, указывающие на существование каких-то особых отношений между убитым и авторами писем, при чем в последнем из этих писем гр-ну Н. назначено было свидание в том самом месте, где обнаружили впоследствии его труп и т. д.

Приведенный пример, при всей его упрощенности, в достаточной мере подчеркивает значение момента оценки доказательств, как необходимейшего момента как следственной, так и судебной работы по делу. В самом деле, если следователь или судья, при наличии упомянутой совокупности доказательств, приходит, скажем, к выводу о причастности обвиняемого к убийству, то, очевидно, следователь или суд по каким-то основаниям не придали веры доказательствам, устанавливающим alibi подсудимого, переписке, устанавливающей связь между убийством и обнаруженными авторами переписки, заявлению обвиняемого об утере им финского ножа, которым нанесены были смертельные раны, и признали большую доказательственную силу за теми собранными по делу доказательствами, которые указывают на причастность к убийству обвиняемого. И, наоборот, если суд или следователь приходят к окончательному выводу о непричастности обвиняемого к убийству, то, значит, они иначе оценили значимость собранных по делу доказательств и признали более достоверными те из них, которые исключают предположение о виновности обвиняемого. Но, как в том, так и в другом случае к окончательному выводу следствие и суд приходят через оценку собранных и установленных по делу доказательств.

Но не только тогда, когда собранные и установленные по делу доказательства таковы, что бьют, так сказать, по различным направлениям, взаимно противоречивы, но и тогда, когда они „бьют“ в одном и том же направлении (обвинительном или оправдательном) и не обнаруживают заметных коллизий друг с другом, — и в этих случаях путь к окончательному выводу по делу все же неминуемо проходит, — точнее, не может не проходить, — через всестороннюю и глубокую оценку доказательств. Правда, здесь оценка обычно в значительной части облегчается

отсутствием коллизии между отдельными доказательствами, стечением доказательств, подтверждающих один и тот же вывод. Однако и здесь без оценки обойтись немислимо. Только путем оценки отдельные доказательства и совокупность их мы признаем достаточно вескими для того, чтобы на основании их строить тот, а не иной вывод по делу.

Судебно-следственная практика дает много примеров, доказывающих обязательность осторожной и внимательной оценки доказательств и в тех случаях, когда все они, казалось бы, допускают только одно предположение, когда так соблазнительно критической оценке предпочесть механическое применение законов формальной логики. Пренебрежение этой обязанностью не раз служило причиной тяжких судебных ошибок, а тем самым и недостижения основных целей уголовного процесса. Никоем образом не следует забывать, что в жизни встречается иногда такое стечение обстоятельств, которое только, повидимому, допускает один кажущийся правильным вывод, между тем как в действительности вывод этот ошибочен.

В качестве иллюстрации сказанного можно указать на следующий приведенный проф. Владимировым рассказ Стерки о случае осуждения невинной девушки. Подсудимая жила служанкой у одной старой женщины. В доме никого не было, кроме этих двух женщин. Девушка подверглась осуждению за убийство хозяйки на основании улики. Убитая хозяйка найдена была в доме; окна и двери были заперты; повидимому, никто не входил в дом. Девушка же после убийства исчезла. На основании такого стечения обстоятельств, которое говорило за участие девушки в убийстве, последняя и была осуждена, а затем и казнена согласно буржуазным законам. Впоследствии, однако, открылось, что вывод о том, будто в дом никто не входил из посторонних, несмотря на всю казавшуюся достоверность его, в действительности не верен: один из действительных убийц сознался, что он прошел в окно верхнего этажа по доске, переброшенной из противоположного дома, что было вполне возможно, так как переулок был чрезвычайно узок. Сделав свое кровавое дело, убийцы ушли тем же путем, как и вошли. Как правильно замечает проф. Владимиров, этот случай рисует нам превосходно стечение обстоятельств, составляющих, повидимому, полное доказательство виновности лица, между тем, как признаки другой гипотезы, впоследствии оказавшейся правильной, оставлены были без всякого внимания. Разумеется, судебно-следственная практика в СССР также может дать факты и примеры судебных ошибок, исключительно обусловленных некритической оценкой стечения гармонических доказательств.

Говоря об оценке доказательств, мы указывали, что момент оценки есть необходимый момент не только судебной, но и следственной работы по делу. Правда, только суд выносит окончательное решение по делу в смысле обвинения или оправ-

дания. Суду фактически в большинстве случаев не приходится собирать доказательства, по крайней мере, в том объеме и масштабе, в каком это приходится делать органам расследования. Судебное следствие по существу демонстрирует перед судом доказательства, большая часть которых уже собрана, подготовлена, систематизирована в стадии предварительного расследования. Не столько выявить, собрать, установить новые доказательства, сколько обеспечить правильную оценку и проверку уже имеющихся по делу и демонстрируемых на судебном следствии доказательств—такова по сути роль судебного следствия. Иначе обстоит дело в стадии предварительного расследования, когда совершается основная работа по выявлению и собиранию доказательств, часто одновременно—в разнообразных, друг друга исключающих, направлениях, когда (в особенности в начальной стадии предварительного расследования) часто даже нет определенных путеводных перспектив, ограничивающих поле исследователя так, как это имеет возможность делать, на основе подготовительного материала, следствие судебное.

Хотя все это доказывает необходимость и целесообразность технического разделения функций судебных и функций следственных, указывает на специфические черты и задачи следственных функций по сравнению с судебными, но все это ни в малейшей степени не умаляет значения момента оценки доказательств в стадии предварительного расследования.

Не говоря уже о том, что следователю и прокурору частично могут быть предоставлены функции окончательного разрешения дел по существу (например, новый проект УПК РСФСР предоставляет им право непосредственного прекращения уголовных следственных дел), но даже, когда окончательное слово по делу принадлежит суду, на обязанности предварительного расследования лежит не только установление доказательств, но и вывод (пусть имеющий лишь предварительное значение) из установленных доказательств, вывод, для которого *conditio sine qua non* (необходимой предпосылкой) является оценка. Из того факта, что предварительное расследование в уголовном процессе играет вспомогательную роль в отношении судебной стадии, никоим образом не вытекает нормальность такого положения вещей, при котором систематические выводы предварительного расследования или целиком отвергаются, или принимаются с резкими коррективами судом. Наоборот, такое положение вещей везде и всюду правильно расценивается как положение ненормальное, указывающее, что или предварительное расследование дает суду недоброкачественный материал и предлагает недостаточно продуманные и обоснованные выводы (в результате ошибочной оценки), или суд неправильно оценивает собранный материал.

Не трудно понять все значение и всю необходимость и обязательность момента оценки доказательств и в стадии предва-

рительного расследования. Момент оценки и здесь необходим для того, чтобы прийти к выводу или о прекращении дела, или о направлении его с преданием суду. Более того, момент оценки в стадии предварительного расследования имеет решающее значение не только при выводе и подытоживании всех собранных материалов, но он оказывает — и по существу не может не оказывать — направляющего влияния и на самый процесс собирания и выявления доказательств, на самый процесс исследования. Если, например, следователь считает, что, хотя в деле имеется сознание обвиняемого, но сознание это в силу тех или иных причин не может быть оценено, как решающее доказательство по делу, следователь, естественно, будет искать иные объективные доказательства, которые пролили бы свет на дело. Если в показании свидетеля оказываются пробелы насчет существенных моментов дела, следователь, естественно, будет стараться восполнить эти пробелы другими личными или вещественными доказательствами. Таким образом, момент оценки доказательств играет в стадии предварительного расследования такую же большую и ничем незаменимую роль, как и в стадии судебного разрешения, что не исключает, однако, некоторых специфических особенностей оценки в стадии предварительного расследования, о которых речь будет ниже.

Оценка доказательств при господстве формальной теории доказательств.

Если оценка имеет такое громадное значение во всех стадиях уголовного процесса, то спрашивается, какими принципами и критериями должна руководствоваться оценка доказательств для того, чтобы она не превращалась в произвольное усмотрение суда, совершалась бы единообразно по всем делам и гарантировала бы правильные и независимые от субъективного усмотрения выводы?

К разрешению этой задачи, имеющей значение для всякого процессуального строя, можно идти и, — как это будет показано ниже в главе об историческом очерке учения о доказательствах, действительно шли — различными путями.

Остановимся сначала на том решении, которое давала господствовавшая когда-то формальная теория доказательств.

Эта теория исходила из мысли о необходимости устранения влияния на вывод судьи о виновности или невиновности подсудимого, субъективной оценки доказательств судьей, из необходимости для суда вынесения приговора не на основании субъективной оценки, а на основании юридической достоверности, т. е. на общепризнанных и обязательных основаниях, на законодательных положениях о силе доказательств. Закон согласно рассматриваемой теории должен исчерпывающим образом установить силу отдельных доказательств, и, следуя указаниям закона, суд и должен верить или не верить тем или иным доказательствам. Значение последних предустановлено законом. Например, закон мог расценивать показания двух свидетелей

при определенных (указанных в законе же) условиях, как доказательство, заслуживающее безусловного доверия, и суд обязан был таким свидетелям верить в силу предписания закона, хотя-бы внутреннее убеждение суда складывалось иное. „При равной степени достоверности законных свидетелей, в случае противоречия их, давать преимущество: 1) мужчине перед женщиною, 2) знатному перед незнатным, 3) ученому перед неученым, 4) духовному перед светским“. Так гласила 333 ст. 2 ч. XV тома свода царских законов, действовавших до реформы 60-ых годов в эпоху господства в России теории формальных доказательств. Как видим, суд обязывался оказывать большее доверие одним свидетелям перед другими по внешним, указанным в 333 ст. (и, попутно заметим, весьма характерным для полицейско-дворянского государства) признакам. Суд мог быть внутренне убежден, что заслушанное им показание свидетельницы более правдоподобно, чем показание свидетеля-мужчины, но тем не менее он обязан был признать более достоверным показание свидетеля-мужчины, механически следуя за предписанием закона о силе доказательств. Закон заранее устанавливал, какие доказательства и при каких условиях следует считать совершенными, какие несовершенными. Одно совершенное доказательство обязывало суд выносить обвинительный приговор. Свод законов. изд. 1857 г., например, к таким совершенным доказательствам относил собственное признание подсудимого, письменные доказательства, личный осмотр, мнение экспертов, показание двух достоверных свидетелей и очистительную присягу, когда доказательства эти соответствовали указанным в законе условиям. Одно несовершенное доказательство вменяется только в подозрение.

Многие законодательства того времени (например, германские уставы) определяли, какие несовершенные доказательства составляют части от одного совершенного: некоторые т. н. несовершенные доказательства принимались за половину, другие за четверть, за одну восьмую и т. д. дробных частей совершенного доказательства. По упомянутому царскому своду законов 1857 г., например, внесудебное признание, подтвержденное двумя свидетелями, должно было судом расцениваться, как половинное доказательство. Таким образом, суду оставалось только подсчитать предустановленное в законе значение имеющих по делу доказательств и на основании такого механического подсчета выносить приговор. Указания закона о силе доказательств сами по себе могли иметь большую или меньшую ценность. Некоторые подобные указания дореформенного законодательства, вроде требования для совершенного доказательства показания непременно четырех свидетелей-магометан, если дело разбиралось на Кавказе, поражают столько же своим шовинистическим цинизмом, сколько своей нелепостью.

Но суть формальной оценки доказательств не в отдельных ее нелепостях и курьезах и, наоборот, не в ценности самих по

себе других указаний закона о силе доказательств. Суть ее в самом предположении в законе силы доказательств, в связывании суда предписаниями закона о силе доказательств. Такого рода связывание означало нечто большее, чем контроль закона над оценкой доказательств судом: закон не контролировал, а заменял собою судебную оценку, внутреннее убеждение суда. Суду отводилась роль механического счетчика. „Формальная теория заменяет личную логическую оценку доказательств законной их оценкой по наперед установленным правилам, имеющим значение обязательных указаний“ (Фойницкий).

Правильен ли такой путь? Следует ли законом предусматривать силу доказательств?

На данный вопрос современная теория доказательств дает категорический отрицательный ответ.

Коренная ошибка формальной теории в том, что она считала возможным наперед в законе установить, какие доказательства, при каких условиях и какую имеют силу. Между тем ни в каком самом исчерпывающем и совершенном законе этого наперед предусмотреть невозможно в виду бесконечного разнообразия жизни. В виду этого разнообразия силу доказательств нельзя уложить в заранее предусмотренные рамки; рамки эти неизбежно должны превратиться в помеху для раскрытия материальной истины. Казалось бы, например, что относительно сознания подсудимого, сделанного добровольно, сознательно, в соответствии с обстоятельствами дела, закон без риска может установить обязательную силу для суда. Оказывается, что даже относительно такого доказательства заранее в законе предусмотреть силу его все же рискованно: разнообразие жизни выдвигает факты таких добровольных и согласных с обстоятельствами дела сознаний, которые в действительности оказываются ложными. Если суд, который непосредственно по делу сталкивается с конкретным эпизодом бесконечно разнообразной действительности, свою оценивающую деятельность вынужден связывать схематическими предписаниями закона о силе отдельных доказательств, он неизбежно, именно в виду своей связанности, вынужден будет строить выводы не на основании конкретной действительности, а на основании мертвых законных схем. Правильно решить вопрос о ценности того или иного доказательства в деле суд поэтому может лишь тогда, когда он в своей оценивающей деятельности не скован мертвыми схемами.

Защитники формальной теории доказательств в свое время, в качестве довода за предположение в законе силы доказательств, приводили то соображение, что нельзя пренебрегать тысячелетним опытом человечества и ставить выше его судебское убеждение.

Мы видели отдельные примеры тех нелепых и курьезных предписаний о силе доказательств, которыми изобиловали законодательства. Но если даже отвлечься от такого рода явных

нелепостей, если и согласиться с тем, что многое в предписаниях о силе доказательств было само по себе весьма ценно, то остается фактом то, что и это ценное представляло собою и может представить собою ничто иное, как лишь приблизительные логические обобщения, имеющие не абсолютную, а лишь относительную ценность. „Все они,—замечает проф. Владимиров,—представляют только приблизительные обобщения, допускающие множество исключений. Поэтому возведение их в обязательные для судьи правила—такая же нелепость, как если бы законодатель признал для поведения людей обязательными пословицы, также составляющие наследие веков. Все приблизительные обобщения — более или менее верны, и их можно привлекать с правом совещательного голоса, но сделать их обязательными наперекор прямому убеждению того, кто составил себе по делу живое убеждение, значит законным предписанием заменить работу ума и совести“.

Навряд ли приходится распространяться и относительно того, что ссылка на тысячелетние традиции еще менее убедительна с точки зрения строящейся, наперекор тысячелетним традициям рабства и эксплуатации, социализма: не отвергая „тысячелетний опыт веков“, используя для своих классовых целей все ценное в нем, рабочий класс вместе с тем заинтересован в том, чтобы решительно отмести все то в этом „тысячелетнем опыте“, что носит печать идеологии, интересов и быта, враждебных трудящимся классам. Формальная оценка доказательств носит на себе именно такую печать полицейско-дворянского бюрократического государства с его всепоглощающей мертвящей опекой всего и вся, в том числе и „работы ума и совести судей“. Стоит себе на минуту представить рабочего и крестьянина — судью, скованного тысячами законных предписаний о силе доказательств, в роли пассивного и механического счетчика казуистических правил, чтобы понять всю неприемлемость формальной оценки доказательств в условиях пролетарского государства, не говоря уже о непригодности ее для раскрытия материальной истины в деле.

Следует заметить, что теория формальных доказательств отброшена и буржуазной юридической мыслью и практикой, вместе с чисто-следственной формой процесса, которая являлась одним из атрибутов дворянско-полицейского государства.

В корне неправильна, далее, и самая идея возможности замены собою законом суда в оценке доказательств, так как оценка доказательств и вывод из них того или иного заключения по самому своему существу есть умственная деятельность, неотделимая от личности судьи. Замена суда в оценке доказательств законом есть создание искусственного убеждения вместо естественного.

**Оценка доказа-
тельств на
основе судеб-
ского убежде-
ния.**

Современные теории доказательств признают не свойства доказательств, но степень судебного убеждения единственным принципом оценки, единственным мерилom силы доказательств.

Тем самым отбрасывается предустановление в законе силы доказательств. Современная теория стоит на той точке зрения, что правильное разрешение вопроса о ценности того или иного доказательства возможно только в том случае, когда она производится в каждом отдельном случае судьей, свободным в своей оценивающей деятельности и руководствующимся не велением закона, а своими собственными выводами, сделанными на основании всех обстоятельств дела (Гродзинский).

Возникает вопрос: не является ли система свободной оценки доказательств по судебскому убеждению такой же крайностью, как система формальной оценки, но крайностью диаметрально противоположного характера? Формальная теория впадает в крайность тем, что совершенно сковывает судебское убеждение, и оценку доказательств судом заменяет оценкой их законом. Но не означает ли свободная оценка крайности в том отношении, что она совершенно развязывает субъективное усмотрение суда? Нет, не означает...

Но прежде чем остановиться на тех ограничениях судебного усмотрения и тех методах об'ективизации оценки доказательств, которые выдвигаются современной теорией и которые большею частью разделяются и советской системой доказательств, остановимся на особенностях советского понимания внутреннего убеждения, как критерия оценки доказательств.

**Отличие совет-
ского понима-
ния оценки до-
казательств
по внутреннему
судейскому убе-
ждению от бур-
жуазного.**

Основное различие в понимании свободной оценки доказательств советской системой доказательств от буржуазных, сводится к тому, что, во-первых, буржуазная теория всячески затушевывает классовый характер деятельности суда по оценке доказательств, классовую подоплеку внутреннего судебного убеждения и окружает последнее мистическим и метафизическим туманом именно для того, чтобы затушевать классовую сущность, между тем как советская теория выдвигает классовый момент, как один из решающих.

„Разница между нашим пониманием роли и значения внутреннего убеждения и пониманием ее теорией буржуазного процесса заключается только в том, что мы открыто признаем классовый характер этого внутреннего убеждения, ставим его в связь с общими задачами строительства и не прикрываем его никакими метафизическими ссылками“ (Вышинский).

Что это конкретно означает? Это означает, прежде всего снятие мистического покрывала с внутреннего убеждения. Не с волей богов, а с волей и интересами класса должно связываться это убеждение. Фактически оно так и бывает. Мистические покрывала отнюдь не мешают ф а к т и ч е с к и внутреннему

убеждению буржуазного суда теснейшим образом связываться с классовыми интересами буржуазии. Процесс Сакко и Ванцетти и тысячи и десятки тысяч менее громких процессов повседневной практики буржуазных судов дают достаточно ярких демонстраций этой истины. В применении к советским условиям это значит, что внутреннее убеждение суда должно связываться с классовыми интересами пролетарского государства или, употребляя термин УПК РСФСР, с „социалистическим правосознанием“. Связь эта должна выражаться в том, что при оценке конкретных фактов того или иного уголовного дела, следовательно, при формировании внутреннего убеждения, не только нельзя отвлекаться от правильного понимания общеклассовых интересов пролетариата („социалистического правосознания“), но, наоборот, необходимо исходить из этого понимания, необходимо мобилизовать его для приложения, как общего мировоззрения, к каждому конкретному случаю оценки. То решение, которое основано на непонимании задач, стоящих перед судом, как органом власти социалистического государства, не может считаться правильным, как нарушающее классовый подход. Трудно в таких случаях говорить о правильном понимании конкретных фактов: правильное с классовой точки зрения понимание конкретных фактов нельзя мыслить, как нечто возможное при игнорировании или неправильном понимании общеклассовых задач.

Классовый характер внутреннего убеждения ставит в зависимость формирование этого убеждения не только от конкретных фактов данного судебного дела, но и от понимания общеклассовых задач, от общего буржуазного или пролетарского мировоззрения.

Это не следует понимать ни слишком широко, ни слишком узко. Конечно, немислимо формирование правильного внутреннего убеждения по конкретному судебному делу на основании только, скажем, общего социалистического правосознания с игнорированием конкретных фактов дела. Нельзя на основании социалистического правосознания правильно решить вопрос, имели или не имели места в данном конкретном случае растрата или убийство.

Но нельзя представлять приложение классового подхода отражающимся только при определении меры социальной защиты, как это некоторые представляют. Конечно, в этой стадии оценки классовый подход особенно нагляден. По вопросу о мере социальной защиты нередко у суда возникают колебания, правильно разрешить которые суд в состоянии в том случае, если учтет социальную опасность данного конкретного совершителя преступления и совершенного им деяния в условиях общей социально-политической обстановки, исходя из общеклассовых задач социалистического строительства в данный отрезок времени. Но неправильно думать, будто только указанным моментом и ограничивается применение классового подхода, „социалистиче-

ского правосознания". Оно сказывается и должно сказываться и при оценке собранных доказательств для решения основного вопроса о социальной опасности деяния вообще, вопроса о том, надо ли вообще в данном конкретном случае применять какие бы то ни было меры социальной защиты. Материальное определение, даваемое советским уголовным правом понятию „преступление“, как правильно замечают Карницкий и Тривус („Вопросы угол. - суд. и следст. практики“, стр. 5) обязывает суд-след. органы оценивать сущность исследуемых действий с точки зрения соц. опасности. Далее, при оценке внутренней связи между отдельными фактами, мотивов преступления, его социальных факторов и причин, при анализе всей истории, так сказать, преступления, должно сказываться различие в классовом подходе буржуазного и пролетарского суда, буржуазного и пролетарского мировоззрения. Буржуазное и пролетарское мировоззрение различно оценивают значение религии, сущность семьи, брака, экономических факторов и т. д. Подобно тому, как история совершенно различное освещение получает при буржуазном и революционно-марксистском ее анализе, так и судебная драма и ее движущие силы выглядят далеко не тождественно, если к оценке ее подходить с различными критериями буржуазного и пролетарского мировоззрения. Говоря о том, что в римском праве в качестве ограничения судейского усмотрения выдвигалась „норма благоразумия, присущего заботливому отцу семейства“ („bonus pater familias“), Фельдштейн пишет:

„Содержание понятия изменилось и продолжает изменяться в соответствии с новыми условиями жизни, но сохранилась идея, которая в каждый исторический момент дает определенный масштаб... Речь идет о свободе неполной, о свободе относительной, определяющейся факторами культурного состояния общества, его правосознанием и проч“.

Здесь буржуазные юристы близко подходят к пониманию отнюдь не мистической основы внутреннего убеждения, но все же далеки от открытого и четкого признания его классового характера.

Наряду и в тесной связи с указанным основным отличием в понимании внутреннего судейского убеждения буржуазной и советской теории, следует отметить и то, что советская теория и советское доказательственное право по существу своему чужды сбиваний на путь крайнего индивидуализма судейского усмотрения, которые, как мы видели, весьма характерны для буржуазной теории. Советская теория и практика более последовательно стоят на пути об'ективизации деятельности суда по оценке доказательств, более решительны в требовании соответствия выводов суда на основе внутреннего убеждения с действительными об'ективными фактами.

После сказанного о различиях в понимании советской и буржуазной мыслью „внутреннего убеждения“ перейдем к тем

ограничениям судейского усмотрения, которые представляются необходимыми с точки зрения современной теории, частью общим для буржуазной и советской системы доказательств, частью специфически выдвигаемым советской системой.

Границы свободы судейского убеждения в оценке доказательств. Не касаясь постановлений по данному вопросу советского доказательственного права и указаний, выработанных в процессе кассационной практики по уголовным делам Верховного Суда, анализ которых дается в специальной главе, мы здесь касаемся лишь общих теоретических положений о границах свободы судейского убеждения в оценке доказательств.

Прежде всего, судейское убеждение никоим образом не должно отождествлять с судейским впечатлением. Одно дело — впечатление, другое — убеждение. Впечатление есть продукт одних лишь чувственных восприятий, не проверенных умственным процессом. Убеждение же является в результате оценивающей умственной деятельности (Фойницкий).

Судейское убеждение, далее, нельзя понимать и как полную свободу судейского усмотрения. Одним из ограничений является требование непротиворечия выводов суда (равно и следователя) законам логики. Из процесса оценки никак нельзя исключить логику. Выводы должны быть логически обоснованы. Это положение однако требует некоторого разъяснения. Дело в том, что некоторые придают преувеличенное значение формальным законам логики в процессе доказывания и оценки. Некоторые весь процесс доказывания и оценки отождествляют с процессом обычного образования силлогизмов.

В действительности процесс уголовно-судебного доказывания целиком свести к обычному образованию силлогизмов неправильно; процесс доказывания значительно сложнее, глубже и шире процесса обычного образования силлогизмов. Логическим обобщениям, имеющим относительное значение, нельзя придавать значения безусловного. Огромное разнообразие жизни не мирится с такого рода переоценкой значения логических обобщений. В судебно-следственной практике не редки такие ситуации, когда по одному и тому же вопросу создаются два или даже большее число одинаково безупречных логически версий. Спрашивается, мыслимо ли при таких ситуациях приходить к выводу исключительно формально логическим путем? Очевидно, одной формальной логики здесь мало, и решающим моментом здесь будет внутреннее судейское убеждение, невыразимое в терминах логики; рабское же следование требованиям отвлеченной логики может увести суд далеко от той самой истины, которая составляет предмет всех его усилий... „Судья, даже именно судья, должен уметь мыслить диалектически, именно для него истина не должна быть никогда абстрактной, а всегда конкретной“. (Вышинский). Но одно дело отождествлять процесс доказывания

и оценки с процессом обычного образования силлогизмов (что, как мы видели, неправильно) и другое дело игнорировать требования логики, оставлять без логического объяснения все обстоятельства дела. Уголовно-судебное, как всякое иное, доказывание и оценка, безусловно, предполагают мыслительный процесс и хотя целиком к логическому процессу сведены быть не могут, однако, игнорировать требование логики нельзя. Поэтому свободная оценка связана с необходимостью дать правильное и последовательное логически объяснение всем обстоятельствам дела; оставление логически необъяснимыми хотя бы части этих обстоятельств делает оценку и решение суда неприемлемыми.

Далее, ограничением судейского усмотрения является общепризнанное современной теорией требование, чтобы приговор суда и внутреннее судейское убеждение основывались на объективных основаниях, на всей совокупности обстоятельств дела. Убеждение, вытекающее только из субъективных ощущений судьи, не может быть положено в основании приговора. „Материальная истина, к обнаружению которой стремится судья, как и всякая истина, должна быть познаваема, а не только чувствуема“. (Случевский). С другой стороны, в основание оценки могут быть положены только данные, имеющиеся в деле, а отнюдь не данные, в деле не имеющиеся, и лишь в частном порядке известные судье.

Значительные границы свободе судебной оценки кладет и развитие точных наук. Выводы научной экспертизы, опирающиеся на точных данных науки, разумеется, никоим образом не могут быть ни игнорируемы, ни отвергаемы судом без достаточных оснований. Распространение научных методов доказывания и исследования имеет громадное значение. Но нельзя согласиться с теми, кто полагает, что методы научного доказывания могут вытеснить и заменить собой внутреннее убеждение, как критерий оценки доказательств. Оценка никогда не может свестись к механически получаемым итогам на основе точных научных данных. Этому препятствует, с одной стороны, состояние большинства наук, к помощи которых приходится прибегать суду, а с другой — самая сущность оценки, исключаяющая возможность сведения ее к механическому подсчету. Верно лишь то, что выводы и следователя и суда не должны игнорировать и безосновательно отвергать выводы исследований, производящихся точными научными методами.

Наконец, отвергая решительно целесообразность предоставления законом силы доказательств, современная теория не отвергает целесообразности определения в законе условий и правил, гарантирующих наибольшую достоверность выводов суда и такой порядок, которым обеспечивается положение, при котором (видоизменяя формулировку Фойницкого) всякий „рассудительный и здравомыслящий“ представитель класса при тех же данных пришел бы к одинаковому заключению. В частности,

признается целесообразным вовсе исключить некоторые доказательства, как негодные источники достоверности (например, неизвестно от кого исходящие слухи и т. п.).

Г Л А В А IX.

Исторический очерк учения о доказательствах.

Уголовно-судебные доказательства при господстве обвинительного процесса. Основные исторические этапы в развитии учения об уголовно-судебных доказательствах совпадают с основными этапами в развитии уголовно-процессуального права. Различным историческим типам процессов соответствуют различные типы учений о доказательствах. Социальная природа уголовного процесса определяет метод исследования причин изменений уголовно-процессуального права: исторический материализм—таков этот метод. В задачу настоящего труда не входит подробный анализ причин, в силу которых происходили смены одних исторических форм и типов процессов другими. Такого рода анализ может составить предмет специального изыскания в области марксистского освещения истории уголовного процесса, нужда в котором несомненно существует, поскольку большинство имеющихся трудов в данной области рассматривает вопрос не с точки зрения исторического материализма. Можно а priori предположить, что марксистский анализ не мало в данной области рассеет традиционных положений. Настоящий очерк касается не истории процесса, а ставит своей задачей охарактеризовать типы и этапы в учении о доказательствах в соответствии с основными историческими типами процесса и поэтому ограничивается лишь схематической и краткой обрисовкой социально-экономических изменений и факторов, обусловивших изменения формы процессов.

Обвинительная форма процесса—такова одна из наиболее ранних исторических форм процесса. Эта форма процесса зарождается в условиях, когда на почве технической и экономической отсталости центральная государственная власть еще не успевает сложиться в ту могучую силу и аппарат классового господства, в какую она разворачивается в процессе дальнейшего развития производительных сил, классовой дифференциации, обострения классовых противоречий,—в условиях, когда еще сильно дают о себе знать пережитки родового строя.

Кровная месть, самосуд—те способы расправы, от которых ведет свое начало обвинительный процесс и которые находили благоприятную почву в условиях отсталых экономически общественных форм родового строя. Ведение общими силами общего хозяйства, замкнутость отдельных общин, острая нужда в рабочей силе, вред для всей общины при выпадении отдельного ра-

ботника и т. п. условия родового быта порождают институт кровной мести у различных народов. Вот где основа принципа „око за око, зуб за зуб“, нашедшего свое отражение в законодательствах древности. Там, где отсталые формы родового строя еще не изжиты и в настоящее время, там и до сих пор продолжает сохраняться институт кровной мести, как, например, среди племен Средней Азии, горских племен Кавказа, в Сицилии и др. Месть за убийство одного из членов семьи со стороны ближайших кровных родственников убитого в указанных условиях является не только правом, но обязанностью, неисполнение которой навлекает на себя гнев богов и презрение окружающей общественной среды. Экономические корни этого обычая объясняют и чрезвычайно характерный факт неприменения кровной мести в случаях, если убийцей оказывался родственник убитого: применение кровной мести было бы невыгодно с точки зрения интересов рода, так как вело бы к гибели, помимо убитого, еще другого члена рода—убийцы.

Когда государственная власть начинает брать на себя регулирование борьбы с преступностью, она не может не считаться с укоренившимися в течение веков обычаями. Обиженный обязывается обращаться в суд. Но суд играет в процессе пассивную роль, приближающуюся к роли посредника между обидчиком и обиженным, к роли наблюдателя за ходом борьбы сторон, отстаивающих перед судом свою правоту и интересы при помощи находящихся в их распоряжении доказательств, изыскание и установление которых происходит без всякого содействия со стороны суда. При отсутствии обвинителя не могло возбуждаться и самое преследование. Внешний облик процесса напоминал состязательный гражданский порядок взыскания.

Таким образом, исключительная инициатива частного обвинителя в возбуждении дела, исключительная инициатива сторон в представлении доказательств, состязание противников перед судом, пассивная роль посредника и наблюдателя, которою ограничивался суд—таковы характерные черты обвинительного процесса.

Какова же та система доказательств, которая мыслима была при господстве обвинительного процесса? Самая сущность последнего исключала возможность создания логически обоснованной и юридически развитой системы доказательств в современном значении этого слова. Доказательства в условиях обвинительного процесса по существу были приемами и средствами состязания сторон перед судом. Доказательственное право по существу сводилось к правилам состязания сторон перед судом.

Одним из характерных доказательств в эту эпоху является „судебный поединок“. Судебный поединок—простое физическое состязание противников перед судом. Дрались преимущественно на дубинах. Спор выигрывал победивший в драке. Крестное целование борющихся перед поединком освящало поединок авторитетом ре-

лигии и в то же время означало согласие сторон заранее подчиниться любому исходу поединка. Судебный поединок представлял собою видоизменение способа физической расправы с противником путем самосуда. Теперь эту физическую расправу совершают перед судом. Этот вид доказательств просуществовал в России почти до конца XVI века. В Англии требование стороны о допущении судебного поединка пред'явлено было даже в XIX столетии (в 1817 г.). Не трудно понять, что судебный поединок, как уголовно-судебное доказательство, совершенно не соответствует современному понятию о доказательстве. Этот вид „доказательств“ совершенно не связан с обстоятельствами самого преступления и по существу, следовательно, не мог устанавливать наличие или отсутствие тех или иных фактов, связанных с преступлением. Но в суеверном представлении той эпохи вмешательство небесных сил обеспечивает победу в физической борьбе правому. Не в обстоятельствах дела, а в вмешательстве божества искали доказательств.

Это особенно ясно сказалось на другом виде доказательств эпохи обвинительного процесса, известном под именем „суда божия“, ордалий, также просуществовавших в ряде стран до конца XVI столетия и заключавшихся в испытании состязавшихся в процессе сторон при помощи огня, раскаленного железа, кипящей воды и т. п. Сторонам предлагалось, например, взять в руки раскаленное железо или погрузить часть тела в кипяток. Выигравшим дело считался тот, кто выходил из подобных испытаний с меньшими повреждениями. Отсутствие следов ожогов считалось доказательством невиновности. Испытание водою иногда выражалось и в том, что обвиняемого бросали в реку, предварительно связав ему руки и ноги, и обвиняемый признавался невиновным, если он всплывал на поверхность. Ясно, что и в данном случае доказательство берется из области совершенно чуждой уголовному делу.

То же надо сказать и о таком доказательстве, как очистительная присяга. Очистительную присягу должен был приносить не сознающийся в преступлении обвиняемый. Но не всегда очистительная присяга решала дело. В древне-германском уголовном процессе, например, целая категория лиц не могла „очиститься“ при помощи присяги, а могла очиститься лишь при помощи ордалий, суда божия. К этой категории лиц относились лица подозрительные, пользующиеся дурной славой; лица, ранее осужденные, как воры или разбойники. Главное значение придавалось не объективной вероятности утверждаемого, а доверию, внушаемому утверждающим (Глазер). Право на доверие должно было быть засвидетельствовано в ряде случаев соприсяжниками, т. е. определенным числом друзей обвиняемого.

Все перечисленные виды доказательств (судебный поединок, ордалии, очистительная присяга), так далекие от современного нам понимания сущности доказательств, однако соответ-

ствовали социально-экономическим условиям своего времени. В частности, они находили свое объяснение в слабости публичной власти, сущности феодального строя, характеризовавшегося отсутствием централизации, частыми вооруженными столкновениями, влиянием церкви и т. п.

Из других доказательств, приближающихся к доказательствам позднейшего времени, должно отметить сознание свидетельские показания, вещественные доказательства.

Сознанию придавалось решающее значение, что вполне соответствовало состязательному характеру процесса. В свидетелях же суд видел заинтересованных в исходе процесса лиц. Вызывались свидетели исключительно по инициативе сторон в качестве их помощников. Принимая участие в качестве соприсяжников в очистительной присяге наравне с обвиняемым, свидетели призывались к вселению в суде уверенности не в том, что утверждение обвиняемого объективно вероятно, а в том, что обвиняемый обладает правдивыми свойствами и что поэтому, независимо от объективной достоверности утверждаемого, обвиняемому можно доверять. Свидетели обеих сторон нередко принимали участие и в судебном поединке. Свидетельские показания поэтому расценивались, как доказательства, не могущие по значению своему приравниваться к таким доказательствам, как суд божий. Сторона могла против направленного против нее свидетельского показания выдвинуть требование суда божия. Только тогда, когда сторона заранее отказывалась оспаривать показание свидетеля, последнее приобретало решающее значение и принималось судом без всякой критической оценки его достоверности.

Роль вещественных улик была значительна в случаях, когда дело не доходило до судебного поединка или суда божия. Обнаруженная у обвиняемого украденная вещь, следы причиненных потерпевшему телесных повреждений и т. п. вещественные доказательства принимались во внимание при решении дела. Но конкурировать с судом божим и судебным поединком, они, разумеется, не могли.

Такова в кратких чертах система доказательств эпохи обвинительного процесса. Одной из существенных частей учения о доказательствах, как указывалось выше, является вопрос об оценке доказательств. Что же можно сказать о принципах оценки судом доказательств в обвинительном процессе? Внешним образом суд никакими предустановленными в законе правилами о силе доказательств связан не был. Внешним образом мы имеем здесь решение дела по свободному убеждению. Но правильнее и точнее будет сказать, что никаких принципов оценки не существовало, потому что по сути отсутствовала сама функция судебной оценки доказательств в современном значении этого понятия. Когда суд наблюдал и регистрировал исход судебного поединка или суда божия или принимал без всякой проверки показание свидетеля

(которое заранее признавалось стороной), то здесь можно говорить не об оценке доказательств, не о проверке их судом, а о простой регистрации исхода состязания сторон. Оценка доказательств предполагает, что суд добирается до истины путем естественного мышления, здесь же естественное мышление отбрасывается; не в нем, а в обращении к суевериям и указаниям божества ищут путь к истине. Исход дела, таким образом, зависел не от оценки судом степени достоверности представленных доказательств, а от голого случая.

Эта форма процесса и система доказательств с теми или иными отклонениями от схематически очерченной выше картины существовали у различных народов на определенной ступени их развития. Мы находим такую форму обвинительного процесса в древнем Риме во второй половине Республики, когда суды народных собраний заменены были особыми судебными комиссиями (*Questiones perpetuae*).

Чертами обвинительного процесса характеризуется и древнерусский процесс до эпохи Судебников, т. е., примерно, до 2 половины 16 столетия: в эту эпоху и у нас фигурируют в качестве доказательств присяга, ордалии, судебный поединок.

Система доказательств при господстве следственного процесса. Развитие торговли и промышленности, объединение и подчинение феодальных владений королевской власти, смена феодализма абсолютизмом, усиление центральной власти, повлекли резкие изменения в строе уголовного процесса. Обвинительный процесс уступает место следственному (розыскному). С XI по XIV век продолжается на Западе борьба новой формы процесса с прежней, в XV веке борьба эта заканчивается окончательным сконструированием на Западе следственного процесса, просуществовавшего до конца XVIII века. Зачатки его появились в т. н. каноническом процессе, а затем из церковных судов он перешел в светские. В каноническом процессе мы имеем инквизитора, т. е. лицо, снабженное особыми полномочиями центральной церковной власти,—папы или епископа,—который, приехав в какое-либо место, начинал собирать сведения об имевших место преступлениях. Здесь уже не требуется непременно заявления обиженного, частного обвинителя для возбуждения дела; инициативу в возбуждении дела берет на себя сам инквизитор-судья, который сам спрашивает и розыскивает доказательства. Даже тогда, когда дело начинается по заявлению потерпевшего, центр тяжести процесса переносится на инициативу самого суда. Поводом к начатию уголовного преследования признается донос, причем доносчик не принимал на себя обязанностей и ответственности обвинителя. Главным же средством раскрытия преступления и преступника делается розыск-инквизиция, отчего и данный тип процесса иначе называется инквизиционным. Папа Иннокентий III через постановление Латеранского собора 1213 г. объявил народную молву (инфам-

цию) достаточным поводом, заменяющим обвинение и обязывающим суд производить расследование лишь на основании доходящих до него слухов. Письменная запись молвы заступала место жалобы потерпевшего. Тайна производства и письменность его сделались неизбежными спутниками процесса: в первой видели основное условие успешного раскрытия истины; вторая необходима была в виду того, что вместо деятельности сторон по обнаружению доказательств приходилось решение строить на основании результатов розыска, которые поэтому требовали оформления в письменном виде; кроме того, письменность необходима была для проверки высшим судом решений низших судов.

Таким образом, возбуждение преследования не только по инициативе потерпевшего, но и по инициативе власти в лице специально уполномоченных на то органов, ведение расследования особыми органами власти, постановление решений на основании доказательств, добытых самими представителями власти, письменный и тайный характер производства—таковы основные черты следственного процесса, явившегося на смену обвинительному.

Зародившись в недрах канонического процесса, эта форма процесса распространилась на светский процесс и вполне соответствовала строю полицейского государства и абсолютизма, крайнее развитие которого в Западной Европе имело место в XVII и XVIII веках.

В России мы также имеем полосу борьбы между новою формою процесса и прежней, охватывающую приблизительно период от Судебников до издания в начале XVIII столетия (при Петре I в 1716 г.) „Краткого изображения процессов или судебных дел“, с какого момента следственная форма процесса окончательно оформляется и господствует вплоть до судебной реформы 1864 г. В первой полосе между собою конкурируют „суд“ (составительная форма) и „сыск“ (чисто следственная форма). Сыск допускался лишь в отношении тяжких преступлений, как, напр. „татьбы с поличным“, разбоя, тяжких случаев поджога и подлога, душегубства, измены. Дела же о менее тяжких преступлениях, как, например, о ранах и увечьях, об убийствах и драках разбирались при помощи производства, носившего все черты обвинительного процесса. Вторая полоса характеризуется безраздельным господством следственной формы процесса.

Следственная форма процесса внесла резкие изменения в систему доказательств, точнее—в эпоху следственного процесса впервые возникла развернутая система доказательств. Весь процесс доказывания, начиная с порядка собирания и рассмотрения и кончая моментом оценки доказательств, детальнейшим образом регламентируется публичными нормами доказательственного права и охватывается учением о доказательствах того времени. Так возникает формальная теория и система доказательств, сущность которой в части оценки доказательств нами уже очерчена была выше. Здесь нам остается остановиться

на отдельных видах доказательств следственного процесса и на некоторых моментах, характеризующих дальнейшие исторические этапы формальной теории и системы доказательств.

Из отдельных видов доказательств также, как и при обвинительной системе, решающее значение получает сознание обвиняемого. Например, по упомянутому выше „Краткому изображению процессов“ собственное сознание „приостанавливает отыскание других доказательств по тому соображению, что оно есть лучшее доказательство всего света“. „Лучшим свидетельством всего света“ сознание признается и 2 ч. XV тома свода царских законов, действовавших до реформы 1864 г., хотя здесь уже вводятся некоторые ограничения и, в частности, для того, чтобы сознание считалось совершенным доказательством, выдвигается условие его добровольности. Но в первой исторической полосе развития теории формальных доказательств для получения этого „лучшего свидетельства всего света“, этой „царицы доказательств“ — сознания — считались допустимыми все средства принуждения, и широчайшее применение получила пытка, являвшаяся в этом фазисе центральным моментом инквизиционного процесса.

Если при господстве обвинительного процесса от подозрений обвиняемый мог очиститься посредством раскаленного железа, кипящей воды, судебного поединка, то теперь путь к тому открывало терпеливое перенесение пытки. Божество поможет невинному перенести пытку, как оно помогало переносить ордалии. Результаты пытки разрешали дело. Для пыточного процесса важно лишь установить условия, когда пытку можно и когда нельзя применять. К определению этих условий обычно и преимущественно сводились указания закона. Так, например, в числе таких условий, устанавливавшихся западными законодательствами, мы встречаем требование отсутствия сомнений в событии преступления, производства предварительного допроса подсудимого (причем допрос ставил своей целью добиться признания без пытки) и т. п. Все учение о доказательствах сосредоточивалось вокруг одного вопроса: какие улики достаточны для пытки (Глазер).

Учение о доказательствах и закон достаточно широко допускали применение пыток. Судебная практика считала для себя, однако, и эти границы узкими и фактически расширила их в громадных размерах. Говоря о некоторых ограничениях и рамках, которые Каролина (устав уголовного суда Карла V) ставила пытке, Глазер констатирует, что практика позднейшего времени допустила широкие нарушения этих рамок, что „в буре, произведенной эпидемией процессов о колдовстве, не удержалась ни одна из тех охранительных форм, которые еще оставались в германском процессе“. Вошло прочно в обычай применение пытки не только в стадии следствия в целях обнаружения виновности, но и после осуждения в целях обнаружения сообщников осуж-

денного. Изощрялись в изобретении новых и новых способов пыток, которых, например, в Германии насчитывалось до 70. Причинение тяжких страданий, жестокость—общая черта их. Во всем этом князья духовные, церковь усердствовала отнюдь не менее, чем светская власть. Пытка для церкви явилась грозным средством в борьбе с инакомыслием, ересью. Еретики отправлялись на костры (в одной только Испании было католической инквизицией сожжено свыше 30000 еретиков). Характерно заметить, что в России пытки преимущественно применялись лишь в отношении „нищих“ слоев; для применения ее к представителям высших сословий требовалось специальное каждый раз разрешение Сената.

Только во 2-й половине XVIII века пытка окончательно отменена была на Западе; официальное запрещение пытки в России относится к 1802 г.

Но и с отменой пытки, во второй исторической фазе развития теории формальных доказательств, за сознанием обвиняемого сохраняется преобладающее значение, и к получению этого драгоценного доказательства направлены главные усилия следственного процесса. Верхом совершенства следственного искусства признается умение различными приемами и уловками добиться признания.

Масса казуистических правил предустанавливала силу свидетельских показаний, в оценке которых суд был также связан, как в оценке прочих доказательств. Не в силу внутреннего свободного убеждения, а в силу предписания закона суд обязан был верить одним свидетелям, одним доказательствам и не верить другим. К числу совершенных доказательств „Краткое изображение процесса“ относил письменные документы, при условии, если подсудимый не оспаривал их содержания и подлинности, личный осмотр на месте совершения преступления, при условии если обвиняемый не мог представить убедительных опровержений.

В качестве своеобразного доказательства применялся „повальный обыск“, состоявший в опросе жителей данной местности о поведении заподозренного или о совершенных преступлениях. Губные старосты, институт которых учрежден был при Иване Грозном и означал организационное укрепление „сыска“, обязаны были при вступлении в должность созывать с'езд и под присягой опрашивать население о „лихих людях, татях и разбойниках“. Впрочем, повальный обыск наибольшее значение имел в первом „пыточном“ фазисе, когда достаточно было голословного оговора кого-либо молвой для того, чтобы к заподозренному применить пытку. Впоследствии, с отменой пытки, повальный обыск расценивался, как несовершенное доказательство и являлся средством, главным образом, для установления характеристики обвиняемого.

Система формальных доказательств допускала и экспертизу, как, например, по ссылке обвиняемого на подложность до-

жумента. Разумеется, и экспертизе суд обязывался верить или не верить не в силу своего свободного внутреннего убеждения, а в силу наличия или отсутствия заранее предписанных законом условий. Так, например, при единогласном мнении сведущих лиц о правильности подписи, суд обязан был документ считать действительным и совершенным доказательством.

Говоря об этапах исторического развития теории формальных доказательств, необходимо еще упомянуть о двух разновидностях ее: положительной и отрицательной теории. Первая строилась по такому типу, при котором суд обязывался выносить обвинительный приговор при наличии доказательств предустановленного в законе вида и числа. Вторая, наоборот, строилась по такому типу, когда суд обязывался не выносить обвинительного приговора (а выносить или оправдательный приговор, или же оставлять подсудимого под подозрением) при отсутствии доказательств предустановленного в законе вида и числа. Первая—более ранняя разновидность теории формальных доказательств; вторая явилась уже на закате ее. Впервые последовательно проведена она была в виртембергском уставе уголовного судопроизводства (1843 г.) и в баденском уставе (1846 г.); зачатки ее в русском процессе положены были наказом Екатерины II.

Система доказательств при господстве смешанного процесса.

Видвинутый и укрепившийся в процессе дальнейшего исторического развития новый общественный класс—буржуазия, в борьбе с отживающим дворянством, не мог не выступить и против следственного процесса, игравшего роль одного из грозных орудий дворянско-полицейского государства. Еще до того, как шквал французской революции похоронил самое абсолютистско-дворянское государство, буржуазные мыслители подвергли уничтожающей критике все основные устои следственного процесса и формальной теории доказательств. Против практики пыток восстает Томазий; варварство средневекового уголовного законодательства бичующую оценку находит у Беккариа (1735—1794 г.).

Монтескье, хотя и допускал существование правил о формальных доказательствах, но протестовал против пыток и настаивал на суде присяжных. Вольтер на конкретных процессах Каласа и др. показал ужасное значение судебных ошибок, обуславливаемых процессуальными порядками того времени.

Революция повела к преобразованию следственного процесса в смешанный. Основные черты его—сохранение тайны и письменности и прочих черт розыскного процесса в стадии предварительного расследования, и состязательность в судебной стадии расследования с оценкой доказательств судом по внутреннему свободному убеждению.

Вполне четкое выражение смешанный тип процесса нашел во французском уголовно-процессуальном кодексе 1808 г., а с середины XIX столетия сделался господствующим на Западе. После

реформы 1864 г. эта форма процесса усвоена была и русским законодательством. Правда, у нас реформа не явилась в результате победоносной буржуазной революции и по сути даже помогла царскому самодержавию окопаться на несколько десятков лет против надвигающейся бури революции (Вышинский). Но при всем том реформа эта уничтожила многие крепостнические пережитки в суде.

О сущности системы свободной оценки доказательств нами уже указывалось выше. Укажем изменения, которые в отношении к теории свободной оценки доказательств внесло дальнейшее развитие буржуазного процесса. Наиболее крайнее выражение эта теория и принцип свободной оценки доказательств получили во французском Уголовно-процессуальном кодексе, параграф 342 которого указывает, что „закон не требует от присяжных отчета в данных, послуживших основанием для их убеждений“, что закон требует от них исследовать „в глубине своей совести вопрос, какое впечатление произвели на их разум доказательства...“ На практике это могло означать переход от полной связанности судьи предписаниями законов к беспредельной свободе судейского усмотрения. Но и после того, как в ряде законодательств других стран принцип свободной оценки доказательств был формулирован более узко и умеренно, чем во французском уголовно-процессуальном кодексе, реальная судебная практика продолжала вызывать нарекания на произвол судейского усмотрения.

Исканием путей и способов к обеспечению объективности судебных приговоров и ограничению свободы судейского усмотрения и характеризуются новейшие течения в теории доказательств.

Вопрос, понятно, не ставится в плоскости воскрешения формальной связанности судьи предустановленными в законе признаками достоверности доказательств. Некоторые, как, например, немецкий ученый Бар („Право и доказательство в суде присяжных“), считая, что никого не могут удовлетворить „оракульские изречения“ судей, ищут выхода в формах английского процесса и английского доказательственного права, другие (в особенности Ферри) путь к ограничению судейского усмотрения видят в обосновании судебных решений на данных науки, при чем некоторые заходят так далеко, что говорят не об ограничении, а о полной подмене свободы судейского убеждения „механизацией“ судейской функции. Еще Бентам считал возможным получать судейское убеждение в результате механического процесса исчисления различных степеней достоверности при помощи особого „градусника“ и „лестницы убеждений“. Однако „такая затея стоит в решительном противоречии со всей природой судейского решения, отвергающего всякую механичность, всякий формализм“ (Вышинский).

При всем громадном значении введения научных элементов в судебную деятельность и расширения сферы применения на-

учной экспертизы, говорить о какой-либо замене научной экспертизой свободы судейской оценки доказательств немыслимо, хотя бы по той простой причине, что далеко не все отрасли науки при современном их уровне могут служить бесспорным основанием судебного приговора. Общеизвестны противоречивые заключения экспертизы по вопросу о психическом состоянии обвиняемого.

Поэтому на более правильном пути стоят те течения современной теории доказательств, которые настаивают не на замене, а на согласовании свободы судейского убеждения с научными данными. Об'ективизация оценки доказательств—такова основная мысль представителей указанных течений. При чем научная об'ективизация не должна ограничиваться только оценкой вещественных доказательств. Не менее важное значение имеет она и в области оценки личных доказательств (показания обвиняемого и свидетелей). Криминалистика, по мысли проф. Гродзинского, должна „охватить изучение доказательств всех видов, следовательно, как вещественных, так и личных, и вместе с тем, лечь в основу того ныне возникающего на новых началах отдела учения о доказательствах, который охватывает вопросы, относящиеся к установлению внутренней ценности отдельных доказательств. Развитие этого отдела должно будет оказать значительное влияние и на другие области учения о доказательствах, каковы, например, вопросы допустимости доказательств, регулирующие условия, при которых те или иные доказательства могут быть допущены к рассмотрению их на суде, или же, напротив того, должны быть устранены“.

Но при этом результаты научных изысканий в области оценки доказательств, конечно, не должны носить обязательного характера и могут быть воспринимаемы судом не в силу веления закона, а исключительно в силу своего внутреннего авторитета.

Таковы некоторые из новейших течений в теории доказательств. Об отличиях в буржуазном и советском понимании принципа „внутреннего убеждения“ нами уже говорилось выше. Тенденция к наибольшей в пределах реальных возможностей об'ективизации судебной оценки и согласованию ее с научными точными данными, наряду с подчеркиванием связи оценки с социалистическим правосознанием, несомненно, характерные черты советской системы доказательств. Пределы внутреннего убеждения законы о революционных трибуналах (в частности, изданные и о народном суде в первое 5-летие после Октябрьской революции) определяли широкой формулой вынесения приговора на основании „социалистического правосознания и революционной совести“. Впоследствии эта формула дополняется ограничением — „на основании обстоятельств дела“, и затем уточнениями — „на основании оценки обстоятельств“. Но критерием остается „судейское убеждение“. — „Суб'ективный и формально-обязательный об'ектив-

ный моменты были установлены, таким образом, как два параллельных фактора, определяющих приговор, при чем во главу угла был поставлен все же субъективный фактор (Крыленко). Однако приводимый ниже анализ советского доказательственного права подтверждает только что упомянутую тенденцию к „объективизации“ судебной оценки.

Англо-американская система доказательств. Своеобразною особенностью английского процессуального права по вопросу о доказательствах является то, что присяжные совершенно свободны в окончательной оценке доказательств, но признание тех или иных доказательств относящимися или не относящимися к делу зависит исключительно от коронных судей и регулируется сложнейшими и казуистическими правилами. Помимо правил относимости, практика английских судов выработала ряд правил, регулирующих вопрос о бремени доказательств, о классификации их, о т. н. судебных презумпциях (законных предположениях). Для некоторых категорий уголовных дел английское доказательственное право требует определенный минимум доказательств, как условие для вынесения обвинительного приговора; так, например, требуется минимум в два свидетеля по делам о государственной измене.

Правила о доказательствах формально не обязательны ни для присяжных, ни для коронного суда, за немногими исключениями тех из них, обязательная сила которых санкционирована законодателем. Правила эти—своего рода неписанные законы, имеющие не юридическую, а моральную обязательность. В совокупности своей они, однако, не представляют стройной и единой системы и содержат весьма много казуистичного, архаического, устарелого. Кроме того, они определяют почти исключительно внешнюю сторону деятельности суда в данной области и регулируют не столько деятельность присяжных, решающих основной вопрос о виновности, сколько деятельность судьи, который обязан руководить присяжными и решать вопрос о том, какие доказательства, в каком объеме и в каком порядке должны быть допущены на суде и тем самым сделаться предметом рассмотрения со стороны присяжных. Что же касается вопроса о ценности доказательств и об условиях, ценность эту повышающих или понижающих, то эти моменты нашли лишь частичное отражение в английском праве. (Гродзинский).

К тому же следует отметить особенности английского уголовного процесса вообще, сводящиеся к сохранению черт обвинительного процесса. Во всех стадиях английского процесса господствует начало состязательности, не исключая и стадии предварительного расследования. Обратная сторона английского процесса аналогична обратной стороне вообще буржуазных „равноправий“ и „свобод“: формально—равноправие и свобода для всех, а фактически—равноправие, свобода и демократия только для богатых. Чисто состязательный строй процесса в усло-

виях экономического неравенства и классовой борьбы в конечном счете оборотной стороной своей направляется против трудящихся, против бедняков, не имеющих возможности фактически „состояться“.

Тем не менее, соединение коллективного опыта с самостоятельностью судейской оценки доказательств,—несомненно, положительная черта английской системы доказательств и, отбросив все специфическое буржуазное, метод этот может быть использован и в условиях советского уголовного процесса.

Г Л А В А X.

Доказательственное право.

(Основные положения советского доказательственного права).

Определение доказательственного права. Процесс судебного исследования уголовных дел, как мы уже видели, обнимает собою целый ряд действий, направленных к собиранию, исследованию и оценке доказательств. Уголовное дело обычно проходит ряд этапов или стадий, начиная с момента возбуждения дела и кончая вынесением судебного приговора. Движение дела в этих стадиях есть ничто иное, как установка доказательств целым рядом операций, производимых органами расследования и суда. Органы предварительного расследования отыскивают, собирают доказательства, подвергают исследованию и проверке отдельные факты, относящиеся к преступлению, а суд завершает процесс исследования, проверяет добытые по делу доказательства и на основании оценки их выносит приговор.

Таким образом, сложный процесс установки доказательств не ограничивается тесными рамками оперативной работы суда, судебным заседанием, а начинается с расследовательской работы органов предварительного расследования.

Поэтому выработанные теорией положения имеют применение не только в практике суда, как инстанции, решающей дело, но и в практике органов предварительного расследования с теми особенностями, которые вытекают из специфических (сравнительно с задачами судебного исследования) задач расследования предварительного и о которых говорится ниже.

Однако те или иные положения учения о доказательствах, разумеется, сами по себе, могут иметь большую теоретическую и практическую ценность, но обязательной силы, как теоретические лишь положения, не имеют. Таковую силу они получают только в том случае, когда им придается в той или иной форме принудительное значение государством, когда они находят свое отражение в уголовно-процессуальном праве.

Так как, в соответствии с основными целями уголовного процесса, деятельность судебно-следственных органов в основном и главным сводится к отысканию, установлению, проверке и оценке доказательств, то обычно одной из наиболее существенных частей уголовно процессуального права и является доказательственное право.

Доказательственное право, таким образом, может быть определено, как часть уголовно-процессуального права, регулирующая порядок отыскания, установления, проверки и оценки доказательств.

Естественно, что в доказательственном праве того или иного государства той или иной эпохи находят свое отражение господствующие в данном государстве и в данное время идеи теории доказательств, при чем как эти идеи, так и доказательственное право изменяются в зависимости от изменений, совершающихся в экономике и социально-политической обстановке.

При господстве обвинительного процесса о доказательственном праве, в современном значении этого слова, можно говорить весьма условно. Если под доказательственным правом понимать часть уголовно-процессуального права, регулирующую порядок собирания, установления, проверки и оценки доказательств, то ясно, что при господстве обвинительного процесса развитой системы доказательственного права существовать не могло, поскольку данная форма процесса сводилась к состязанию сторон перед судом, к пассивной регистрации судом исхода борьбы сторон, к представлению доказательств исключительно по инициативе сторон и к обращению к доказательствам из области, совершенно посторонней уголовному делу. Нормы доказательственного права того времени сводились к правилам ритуала и процедуры судебных поединков, ордалий, очистительной присяги и т. п.

Совершенно иное положение вещей мы имеем при господстве следственного процесса. Формальная теория доказательств, характеризующая данную форму процесса, по самому существу своему предполагала чрезвычайную детализацию норм доказательственного права. Характерной чертой доказательственного права того времени поэтому и является то, что оно (доказательственное право) подробно регулировало не только порядок отыскания, собирания, установления и рассмотрения доказательств, но и деятельность по оценке доказательств, предопределяя силу отдельных доказательств. Таким образом, доказательственное право той эпохи по объему регулирования было наиболее исчерпывающего характера.

Доказательственное право современного смешанного процесса по объему регулирования значительно уже. Современные уголовно-процессуальные кодексы подробно регламентируют порядок производства отдельных судебно-следственных действий. Например, мы находим в современных уголовно-процессуальных кодексах

сах подробные правила о порядке производства допросов, осмотров. Имеем в них, далее, правила о порядке ведения протоколов, составления актов осмотров и освидетельствований, о правах и обязанностях сторон и суда по представлению и истребованию доказательств, о правах и обязанностях свидетелей, экспертов, сторон. Но в современных уголовно-процессуальных кодексах мы тщетно стали бы искать хоть сколько-нибудь подробной регламентации оснований, по которым должна производиться оценка силы и значения доказательств. Вместо такой подробной регламентации, в отличие от доказательственных норм следственного процесса, современные уголовно-процессуальные кодексы ограничиваются лишь формулировкой общего положения, общего принципа оценки доказательств, «по внутреннему судейскому убеждению». Вопрос же о силе и значимости отдельных доказательств остается совершенно открытым.

Если доказательственные процессуальные нормы при господстве следственного процесса ничего не оставляли для судейского убеждения в деле оценки доказательств, связывая суд по рукам и ногам и в сущности заменяя оценку доказательств судом оценкою их законом, то нормы современного нам доказательственного права, наоборот, оставляют полный простор судейскому убеждению в деле оценки доказательств.

Мы видели, что новейшие течения в теории доказательств ищут коррективов, ищут путей к ограничению судейского усмотрения, к устранению субъективизма оценки, к объективизации ее. Но пока эти искания никакого отражения в уголовно-процессуальных кодексах не нашли. Коррективы в указанном направлении вносятся, но вносятся они не путем включения в уголовно-процессуальные кодексы соответствующих общеобязательных норм о силе доказательств, а обычно в процессе кассационного и ревизионного руководства судебной практикой. Таким именно путем обычно и расшифровывается понимание „внутреннего судейского убеждения“, как критерия оценки; таким путем устанавливаются отдельные подчас высокой ценности положения, но положения эти распылены, разбросаны, не собраны в стройную систему.

Не представляет в этом отношении исключения и советское доказательственное право.

Все процессуальные нормы, характеризующие нашу систему доказательств, могут быть разбиты на три категории: 1) правила, определяющие самый доказательственный материал, т. е. дающие перечень тех средств, которые могут служить доказательствами в уголовном процессе; 2) правила, регулирующие порядок и условия собирания, проверки и исследования доказательств и 3) общие лишь положения, относящиеся к оценке доказательств и указывающие суду пределы свободы в этой оценке.

Поскольку речь заходит об оценке, и советские уголовно-процессуальные кодексы ограничиваются лишь лаконической формулировкой немногих общих положений.

Основные черты норм советского доказательственного права, касающихся собирания, исследования и проверки доказательств.

Подробный анализ норм советского процессуального права, регулирующих порядок и условия собирания, проверки и исследования доказательств, выходит за рамки настоящей книги. Частично такой анализ дается ниже, попутно при рассмотрении отдельных видов доказательств. Здесь для нас важно лишь указать некоторые основные черты этих норм.

Главной чертой их следует считать стремление обеспечить в наибольшей степени получение достоверных доказательств с использованием для этой цели принципов и положений, выдвигаемых современной теорией доказательств.

Поэтому в отношении допроса свидетелей, например, устанавливается определенный порядок: требуется удостоверение в самоличности свидетелей и способности их к правильному восприятию и к изложению воспринятых ими событий (ст. 61, 164 УПК РСФСР ред. 1926 г.); предлагается допрос начинать с свободного рассказа свидетеля о лично известном ему по делу и т. п. Достоверность заключения экспертов обеспечивается указанием на необходимость приглашения не заинтересованных в деле лиц, имеющих специальные научные или технические знания (ст. 63 УПК РСФСР), установлением ответственности за дачу заведомо ложного заключения, правилом об отобрании подписки с предупреждением об ответственности и т. п. Точно также ряд правил специально установлен для того, чтобы вещественные доказательства имели характер достоверных предметов доказывания для суда, как, например, правила, гарантирующие сохранность вещественных доказательств в том виде, как они были обнаружены, правила, относящиеся к осмотру их, к опечатанию и т. п. Ряд правил имеют в виду закрепление и фиксацию объективных фактов и обеспечение точности этой фиксации, составление протоколов и актов таким образом, чтобы не оставалось сомнения, что обнаруженное описано в том именно виде, в каком оно в момент осмотра находилось (190 ст. УПК РСФСР). Для достижения большей достоверности личных доказательств (свидетельских показаний, показаний обвиняемого) выдвигается запрещение незаконного принуждения, угроз, насилий для получения этих доказательств и др.

Другой основной чертой нашего доказательственного права можно считать то, что оно ориентируется не на чисто обвинительный и не на исключительно следственный тип процесса, а на смешанный тип. Наш процесс проникнут началом публичности, считающимся и в теории одним из основных процессуальных начал, началом непосредственности, устности и непрерывности, гласности (в смысле публичности судебных заседаний

и выполнения всех судебных действий перед лицом обвиняемого и сторон), состязательности и равноправия сторон (в судебно-следственной стадии процесса). Все эти начала советского процесса встречаются вообще в современных процессах, и хотя в нашем процессе некоторые из этих начал лишены того абсолютного значения, которое им придает буржуазная теория (а не практика, которая считается с ними в той мере, в какой это соответствует в то или иное время интересам господствующих классов), но они и у нас являются могучими средствами обеспечения раскрытия материальной истины по делу (по существу они расцениваются у нас как технически испытанные и доказавшие свою целесообразность методы) и оказывают громадное влияние на обеспечение большей достоверности и лучшей, более совершенной проверки доказательств

**Формулировка
общего принципа
оценки доказа-
тельств в совет-
ском доказа-
тельном
праве.**

Очень немногие постановления советского доказательственного права касаются оценки доказательств. Как уже указывалось, подобно всем современным уголовно-процессуальным законодательствам, и советское доказательственное право ограничивается лишь немногими общими положениями об оценке доказательств

Сюда прежде всего относится положение, сформулированное в ст. 23 „Основ Уголовного Судопроизводства“, согласно которого „суд основывает свой приговор на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании. Оценка имеющихся в деле доказательств производится судьями по внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности“.

Таким образом критерием судебской оценки выдвигается внутреннее убеждение судьи, основывающееся на рассмотрении всех обстоятельств дела во всей их совокупности. Тот же принцип проводится и в уголовно-процессуальных кодексах отдельных союзных республик.

Так, согласно ст. 319 УПК РСФСР „суд основывает свой приговор исключительно на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании“, при чем „оценка имеющихся в деле доказательств производится судьями по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности“.

Равным образом и ст. 323 УПК УССР гласит: „оценка имеющихся в деле доказательств производится судьями по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела“.

Таким образом, наше доказательственное право решительно порывает с формальной теорией доказательств и отказывается регламентировать силу доказательства. Ст. 20 Основ разрешает суду допускать любые доказательства, кроме клятвы и присяги. „Со всей юридической кабелистикой „основы“ решительно порывают...

В противоположность теории формальных доказательств, предписывающей судам принимать некоторые доказательства, наш закон знает только одну формулу — запрещение принимать некоторые доказательства, к которым относит клятву и присягу“ (Н. В. Крыленко). То же и законодательство союзных республик. Например, согласно 57 ст. УПК РСФСР и 61 ст. УПК УССР, суд не ограничен формальными доказательствами и от него зависит, по обстоятельствам дела, допустить те или иные доказательства.

Но, отвергая теорию формальных доказательств, советское доказательственное право далеко от санкционирования безграничности судейского усмотрения. Советское доказательственное право отнюдь не признает за „внутренним убеждением“ суда право отвергать очевидные факты и бездоказательно признавать наличие несуществующего. Противоречие приговора суда об'ективным фактам дела есть не выполнение, а нарушение устанавливаемого нашим доказательственным правом принципа оценки доказательств, есть то злоупотребление свободной оценкой доказательств, против которого предостерегает в одном из своих определений УКК Верховного суда РСФСР (от 30 марта 1926 г. за № 23832) и которое признается настолько существенным, что подобные нарушения чаще всего у нас являются и поводами для отмены приговоров кассационными инстанциями.

Приведенные выше общие положения об оценке доказательств, при всей своей краткости, однако содержат указания определенных и весьма существенных границ свободы суда в оценке доказательств. Эти границы мы рассмотрим в связи с некоторыми из тех руководящих разъяснений УКК Верховного суда, которые конкретизируют, дополняют и отчасти уточняют ту лаконическую формулировку этих границ, которая дается в общих положениях, определяющих принцип оценки доказательств.

Надо заметить, что кассационная практика Верховных судов союзных республик представляет в этом отношении весьма ценный материал, хотя, к сожалению, мы имеем пока весьма ограниченное отражение в юридической нашей литературе систематизации и анализа этого материала в части, касающейся оценки доказательств (Строгович, Полянский).

Приводим некоторые положения, основанные на указаниях закона и на кассационной практике Верховного суда РСФСР по вопросу об оценке доказательств.

1. Выводы суда и следователя должны основываться на доказательствах, а не на предположениях.

Это положение с очевидностью вытекает из приведенной выше формулировки принципа оценки доказательств, данной и в 23 ст. Основ Уголовного Судопроизводства и соответствующих статьях уголовно-процессуальных кодексов союзных республик. Мы имеем

Границы свободы в оценке доказательств по советскому доказательственному праву. (Некоторые выводы и положения, вытекающие из закона и установленные кассационной практикой).

в кассационной практике Верховного Суда РСФСР целый ряд отмен приговоров, основанных на предположениях, а не доказательствах. Так например, отменяется приговор, в котором относительно денежной растраты указывалось, что она хотя не доказана, но предполагается,—отменяется приговор потому, что „обвинение основано, главным образом, на предположениях“ (опр. по делу № 2793—1926 г.).

В определении УКК по д. № 26353 от 24 апреля 1928 г. указывается, что— „в отношении остальных осужденных, приговор основан исключительно на догадках и предположениях, при чем под большим сомнением остается даже самое событие преступления, поскольку не было вскрытия трупа потерпевшей, и лишь его внешний осмотр.“ („Суд. Практ.“ № 10—28 г.).

Это не значит, что при раскрытии и расследовании уголовного дела весь путь от начала до конца можно пройти, совершенно не прибегая к предположениям. Значение и необходимость гипотез в стадии расследования указывалось выше. Исследование более или менее сложного и запутанного дела без предположений обойтись не может.

Задача заключается в том, чтобы, во-первых, предположения сами строились, исходя из уже добытых данных по делу (а не брались „с потолка“), во-вторых, чтобы они расценивались, только как предположения, которые должны быть всесторонне проверены и в зависимости от результатов проверки или приняты (если они подтверждаются при проверке доказательствами) или отвергнуты (если при проверке никаких подтверждений и доказательств их не окажется) и, в-третьих, чтобы принятие того или иного предположения, скажем, о виновнике преступления не исключало принятия одновременных необходимых мер исследования и фактов, относящихся к делу, но опровергающих предположение.

Наиболее опасной для целей раскрытия материальной истины в деле ошибкой является переоценка значения предположений, некритическое отношение к ним, подмена доказательств предположениями. Таким образом, создается и тот односторонний предвзятый подход, который делает расследование слепым к подчас очевидным фактам действительности, коль скоро эти факты расходятся с предвзятым предположением, при котором не выводы „подгоняются“ к фактам, а односторонне выявляемые и односторонне расследуемые факты подгоняются к выводам.

Следственная практика дает много примеров неудачных результатов расследования исключительно в виду такого рода предвзятого подхода; переоценки однажды сделанного по делу предположения. Некоторые из таких неудачных расследований нами подробно анализированы в книге „Искусство расследования“.

Приведем пару кратких иллюстраций.

В одном случае перед следствием стояла задача разрешить вопрос, имело-ли место убийство или самоубийство. В числе веще-

ственных доказательств фигурировал дневник покойной, в котором встречались записи, свидетельствующие о намерении покончить жизнь самоубийством. Затем имелись показания подруг о том, что покойная имела при себе яд. При таких условиях естественно возникало предположение о самоубийстве. Но ошибка расследования заключалась в том, что предположению этому придано было значение не предположения, нуждающегося во всесторонней проверке, а достоверности. В результате расследование не соблюдает элементарных требований техники при производстве судебно-медицинского вскрытия, при осмотре места обнаружения трупа; расследование совершенно не интересуется выяснением существенных подробностей, касавшихся последних дней пребывания покойной в селе, куда она незадолго до смерти прибыла, проходит мимо некоторых имевшихся в деле указаний на убийство, словом, расследование ведется не для того, чтобы проверить предположение о самоубийстве, а чтобы непременно подтвердить это предположение. В конечном счете все это привело к тому, что, с одной стороны, при дознании пришлось констатировать ряд указаний на убийство, но, с другой, вследствие несвоевременно принятых мер к установлению ряда фактов, опровергавших версию о самоубийстве, раскрыть истину в деле оказалось уже невозможным.

В другом случае расследование даже не поставило перед собою вопроса о мотивах убийства, исходя из предположения, что убийство совершено в корыстных целях, и соответственно квалифицировало в обвинительном заключении данное убийство. Единственным основанием к предположению именно о корыстном убийстве было то, что пропали некоторые вещи убитого. Суд должен был однако отвергнуть версию о корыстном убийстве, так как в деле имелись яркие данные, свидетельствующие о том, что убийство совершено было на почве мести за изнасилование, постоянные истязания и оскорбления. Характерно то, что эти данные имелись уже в стадии предварительного следствия, но некритически положенное в основание расследования предположение буквально помешало видеть вещи и взаимоотношения в их подлинном свете.

Тем менее допустимо строить не на доказательствах, а на предположениях окончательные выводы по делу суду.

2. Приговор суда и выводы следователя должны основываться на доказательствах, имеющихся в деле.

Это положение еще в более резкой форме выражено в ст. 23 Основ, которая предоставляет суду право при вынесении приговора использовать только те имеющиеся в деле данные, которые были рассмотрены в судебном заседании. Действующий УПК РСФСР повторяет это ограничение для народных судов, но прочим судам (губернским и др.) предоставляет право использовать все имеющиеся в деле данные, независимо от того, оглашались

или не оглашались они на судебном следствии. Еще проект нового УПК (ст. 131) допускает и народный суд к пользованию всеми материалами, независимо от того, оглашались или не оглашались они на судебном заседании. Но все без исключения формулировки сходятся на том, что приговор должен основываться на данных, имеющихся в деле. Даже и стороны при изложении выводов не вправе ссылаться на материалы, не имеющиеся в деле (ст. 127 проекта УПК РСФСР,—ЕСЮ № 29—23 г.

Вопрос же о том, следует или не следует вводить дальнейшее ограничение в смысле обоснования приговора только теми имеющимися в деле данными, которые рассмотрены в судебном заседании, представляется спорным и, как видим, разрешается неодинаково. Принимая во внимание, что задачей судебной стадии расследования является проверка всех имеющихся по делу существенных данных, что подавляющая масса проходящих через суды подсудимых из числа трудящихся не умеет разобраться в подчас весьма сложных материалах дела и не сможет в ряде случаев обратить внимание на те имеющиеся в деле материалы, которые могут оказать решающее значение по делу и которые поэтому требуют освещения в судебном следствии, приходится признать более правильной формулировку, даваемую ст. 23 Основ, допуская отступления лишь в самых исключительных случаях.

С другой стороны, как указывает Н. В. Крыленко, из этого нельзя делать и вывода об обязательности оглашения в суде всех без исключения имеющихся в деле, подчас крайне громоздких, документов.

„Наш процесс не знает такого узко-формального отношения к делу и допускает и неоглашение тех или иных документов, при чем разрешает даже сторонам пользоваться этими неоглашенными документами, оперируя ими в прениях сторон“ (Крыленко).

Исходя из требования обоснования приговора только на имеющихся в деле данных, УПК Верховного суда РСФСР отменяет приговор, в основание которого положен был документ, не приобщенный к делу (опр. № 212435 от 4/XI—25 г.).

Следовательно, ни приговор суда, ни выводы следователя не могут основываться на данных, не имеющихся в деле, но только лично известных судье или следователю. Какой выход существует для судьи или следователя, которым лично известно что-либо существенное по делу? Выход единственно правильный заключается в том, чтобы «лично известное» включить в материалы дела предусмотренными в законе способами. В иных случаях для этого требуется составление соответствующего акта или протокола, в других—надо истребовать дополнительные доказательства, в третьих—целесообразно вступить в процесс в качестве свидетеля.

3. Приговор суда и выводы следователя должны основываться на рассмотрении и оценке всех имеющихся в деле доказательств.

Неправильно выводы строить на основании рассмотрения только части имеющихся в деле доказательств и полном игнорировании другой части. Игнорирование части доказательств не есть свободная оценка доказательств по судейскому убеждению. Оценка предполагает не игнорирование, а критическое рассмотрение всех имеющихся в деле доказательств, относящихся к предмету исследования.

В применении к работе в стадии предварительного расследования данное положение преломляется, кроме того, как требование объективности и полноты собирания доказательств. Согласно ст. 15 проекта УПК РСФСР, органы расследования обязаны расследовать все обстоятельства как отягчающие, так и смягчающие степень и характер ответственности привлекаемых к ответственности лиц, либо вовсе освобождая их от ответственности. Органы расследования не вправе отказать подозреваемому, подсудственному и потерпевшему в допросе свидетелей, экспертов и собирании других доказательств, если обстоятельства, об установлении которых возбуждается ходатайство, могут иметь значение по делу. С другой стороны, это требование отнюдь не должно вести к излишнему расширению рамок и границ расследования. «После предъявления обвинения (говорится в ст. 44 проекта)—расследование должно вестись в направлении выяснения обстоятельств, имеющих наиболее существенное значение для определения общественной опасности преступления и лица, его совершившего, и не должно осложняться выявлением излишних в указанном смысле обстоятельств». (Курсив наш).

В определении УКК Верховсуда от 26 февраля 26 г. № 22053 (Собр. Опр. 26 г. стр. 74) указанное выше положение сформулировано достаточно категорически. «Хотя оценка всех доказательств по делу—говорится в определении—принадлежит суду, тем не менее оценка эта не может быть произвольной, но должна основываться на всех обстоятельствах дела в совокупности.

4. Оценка имеющихся в деле доказательств должна производиться в связи со всеми обстоятельствами дела (совокупностью их). Противоречивые обстоятельства в приговоре должны найти объяснение и логическое обоснование.

Рассмотрение всех имеющихся в деле данных, разумеется, не обязывает суд придать одинаковую веру и достоверность всем данным. Из противоречивых доказательств по необходимости приходится отдать предпочтение той, а не другой группе доказательств. Но отдавая предпочтение в смысле большей достовер-

ности одной группе доказательств, необходимо согласовать устанавливаемые ими факты со всеми прочими обстоятельствами дела, установленными другими доказательствами. Без такого согласования со всеми обстоятельствами дела выводы суда и следователя противоречивы и неубедительны.

Допустим (такой факт действительно имел место по делу об убийстве в Астрахани профессора Брауна), по делу суд признает достоверными сознание обвиняемого в убийстве на дознании и показания двух опознавших обвиняемого свидетелей-очевидцев убийства, но в то же время ряд заслуживающих доверие свидетелей категорически устанавливают *alibi* подсудимого, утверждают, что в момент убийства подсудимый находился в другом месте. Если вывод суда тот, что подсудимый все же убийство совершил, то суд должен согласовать этот вывод с другими обстоятельствами, в данном случае показаниями свидетелей об *alibi*, должен логически объяснить, скажем, возможность по делу того, что подсудимый с *alibi* ушел, совершил убийство и быстро опять возвратился, так что у свидетелей могло сложиться убеждение в том, что подсудимый никуда не отлучался.

Это положение применимо не только к приговору суда, но и к обвинительному заключению следователя и должно найти свое отражение как в том логическом процессе, путем которого следователь и суд идут к определенному выводу при наличии в деле противоречивых обстоятельств, так и в самой формулировке обвинения. Путь к тому, а не иному выводу обязательно при таких условиях лежит через разрешение имеющихся в деле противоречий.

5. Выводы суда и следователя не должны противоречить бесспорным обстоятельствам дела.

Это положение естественно вытекает из предыдущего. Если какое-либо обстоятельство по делу является бесспорным, если вывод суда и следователя не согласован с бесспорным доказательством, если нет возможности разрешить противоречие между выводом и бесспорными обстоятельствами, то совершенно ясно, что выводы правильными считаться не могут.

Если бы, например, продолжая приведенную выше иллюстрацию, по делу бесспорно установлено было бы, что обвиняемый в момент убийства находился совершенно в другом месте и физически не мог участвовать в убийстве, то вывод о совершении убийства именно подсудимым, хотя и подкрепленный некоторыми другими указаниями, был бы неправилен.

Или, берем другой пример: Смоленским губсудом осужден был по 108 ст. УК ред. 1922 г. гр. Поярков, причем одним из пунктов обвинения являлось то, что он, состоя зав. магазином и зная о совершавшихся в магазине кражах, не принимал никаких мер к точному установлению количества и стоимости

похищенного, не представлял соответствующих актов в правление ЦРК и не проверял наличие товара. Отменяя приговор, УКК Верхсуда указала (Сб. за 1926 г. ч. I, стр. 99), что «приговор не соответствует обстоятельствам дела, так как преступление, инкриминируемое Пояркову, опровергается имеющимся в деле материалом, из коего видно, что о кражах товара Поярков общал и даже просил разрешения на производство проверки товаров и на обнаружение украденного, в чем ему было отказано» (Строгович).

Противоречие бесспорным обстоятельствам дела в некоторых случаях выражается в искажении в приговоре содержания бесспорного доказательства. Например, свидетель или потерпевший так излагают события, что из них ясно, что никакого изнасилования со стороны обвиняемого не было, суд же ссылается на эти показания, как якобы подтверждающие факт изнасилования.

Башкирский Главсуд признал почтово-телеграфную работницу Уколову виновной по ст. 111 УК в том, что она, состоя на должности квалифицированного работника почтово-телеграфного отдел. в с. Инглино, не выполнила циркуляр НКП и Т от 23 августа 1923 года, коим предлагалось всем квалифицированным работникам участвовать в проверке кассы своего отделения, между тем как осужденная, зная, что за отделением живет не по своим средствам, ни разу не заинтересовалась состоянием кассы, в результате чего заведующий получил широкую возможность злоупотреблять своим служебным положением и растратил более 14400 р. Определением Верхсуда от 30 апреля 1927 г. приговор этот был отменен, так как по делу бесспорно было установлено, что осужденная квалифицированной должности не занимала, а из содержания инструкции также ясно было, что на обвиняемой по занимаемой должности обязанность проверки кассы не лежала.

Приговором Курского губернского суда от 11 марта 1928 г. г-н Новаченко признан был виновным в том, что он произвел выстрел через окно и ранил лесника Нижегородского лесничества Тарасова. Одним из доказательств виновности суд считал обнаружение у обвиняемого отреза в разобранном виде. Между тем, содержание протокола обыска и выемки не давало никакого основания считать, что у Новаченко были обнаружены именно части отреза, по составлению которых можно было получить огнестрельное оружие. „Суд (говорится в определении УКК от 4 мая 1928 г.) мог прийти к выводу, что и некоторые части отреза должны в данном случае почитаться доказательством виновности Новаченко, но нельзя в приговоре писать то, что не подтверждается данными дела“ („Суд. Практика“ № 13—28 г.).

Утверждение приговора о том (читаем в опр. УКК от 19/V—28 г. по делу № 23713), что Иван Коротков наносил лежавшему Нефедьеву удары „по неизвестным частям тела“ — находится в полном противоречии с объективным материалом дела — заключением экспертизы, которая не установила на трупе никаких ранений и следов побоев, кроме раны, нанесенной ему („Суд. Прак.“ № 11—28 г.).

Указание приговора, что по заключению врачебно-контрольной комиссии побои отнесены к разряду тяжелых, не соответствует действительности, ибо из удостоверения, имеющегося на л. д. 44, видно, что потерпевший отнесен ко 2-й группе инвалидов, ни о каких тяжелых повреждениях там не говорится, а отнесение его ко второй группе инвалидов, как видно из дела, было, главным образом, вследствие его 70-летнего возраста. („Суд. Практика“ № 17—1928 г., д. № 21005).

6. Допуская или устраняя доказательства необходимо учитывать наличие или отсутствие связи их с теми вопросами, которые

требуется разрешить в том или ином конкретном деле.

Устранение или недопущение доказательств, необходимых для разрешения существенных по делу вопросов, ведет к неполноте расследования, часто являющейся причиной отмены приговоров и направления следственных дел к доследованию. Наоборот, допущение доказательств по вопросам, к делу не относящимся, влечет загромождение дела ненужными материалами и волокиту. Выше уже указывалось о границах расследования.

Директор фабрики кондитерской в Сталинграде обвинялся и признан был виновным в халатности, в результате которой на фабрике возник пожар, которым причинены были значительные убытки. Очевидно, одним из наиболее существенных вопросов, который следовало разрешить по данному делу, был вопрос о причинной связи между действиями или бездействием обвиняемого и пожаром. Между тем, несмотря на имевшиеся в деле указания на то, что пожар произошел не по причине халатности кого-либо из администрации, но или от поджога, или от случайно загоревшейся балки, расположенной вблизи дымохода, предварительное расследование ограничилось крайне неопределенным заключением экспертной комиссии, суд же отказал в вызове в качестве экспертов лиц, производивших обследование причин пожара. Отказ суда в допущении доказательств по вопросу о причинной связи, имевшему существенное значение по делу, и послужил причиной отмены приговора Сталинградского Губсуда («Судебная Практика» № 20—1927 г.).

Обычно правильное разрешение судом вопроса об относимости или неотносимости того или иного доказательства к существенным вопросам дела не представляет особой сложности при условии внимательного отношения к делу и продуманности тех основных вопросов, без разрешения которых не может быть правильно разрешено и само дело.

7. Как правило, не следует устранять доказательства, могущие служить к опровержению имеющихся в деле других доказательств, устанавливающих существенные обстоятельства, а равно доказательства—при сомнении в их достоверности, но при возможности проверки их доброкачественности.

Если по делу те или иные обстоятельства имеют существенное значение, то обязанность объективной проверки требует допущения опровержения тех доказательств, которыми существенные обстоятельства устанавливаются.

«Представитель гражданского истца—говорится в определении УКК за № 2515—1926 г.—утверждал, что эти свидетели подкуплены обвиняемыми, суду надлежало этих свидетелей вызвать и проверить заявление гражданского истца». В другом случае

поводом к отмене приговора послужило то, что «суд устранил из дела показание свидетеля Иванова Алексея на том основании, что производивший дознание инструктор угрозыска Скворцов привлечен к ответственности за вымогательство показаний путем применения угроз, однако суд не принял никаких мер к выяснению условий, при которых производилось дознание,—в частности допрос указанного свидетеля,—и не допросил самого Скворцова, хотя эти обстоятельства имеют существенное значение именно для данного дела, а не только для дела по обвинению Скворцова». (Полянский).

8. Доказательством виновности обвиняемого не может служить отсутствие доказательств его невиновности.

Не касаясь здесь различных теоретических формулировок вопроса о бремени доказывания (см. Владимирова «Учение об уголовных доказательствах») и считая, что в каждом отдельном случае нетрудно разрешить вопрос о том, кто именно должен взять на себя бремя доказывания в процессе, мы ограничиваемся лишь приведением указанного в подзаголовке положения, прочно установленного рядом определений УКК и рядом директив НКЮ, направленных против т. н. обвинительного уклона.

Исходным пунктом этого положения является презумпция (предположение) невиновности, которой придерживается как западно-европейский, так и советский процесс. Из того указанного выше правила, согласно которого приговор суда не должен основываться на предположениях, презумпция невиновности является исключением и обязывает признать обвиняемого невиновным, основываясь на презумпции невиновности, если не доказано обратное.

«...В качестве основания для обвинения Попова и Соколова суд привел то обстоятельство, что подсудимые не представили доказательства своей невиновности. Такая мотивировка является в корне неправильной, так как подсудимый вовсе не обязан доказывать свою невиновность, а наоборот, на следствии и на суде лежит прямая обязанность обосновать пред'явленное подсудимому обвинение и собрать достаточные доказательства». (Определение УКК № 211830 от 30/X—1926 г. «Судебная Практика РСФСР» № 2—1927). В определении от 19 апреля № 25800 читаем: «Приговор говорит, что обвиняемые Скворцов и Лыков виновными себя не признали, но и пред'явленного обвинения ничем не опровергнули, а потому таковое является доказанным. Подобная постановка вопроса об установлении совершения преступления абсолютно недопустима, как чуждая основам нашего права. При разборе дела не требуется, чтобы обвиняемый доказал свою непричастность к совершению преступления, а требуется определенное установление преступления судом» (сб. 1926 г. ст. 153). В тесной связи со сказанным отметим и недо-

пустимость строить окончательный вывод о виновности исключительно или хотя-бы преимущественно на неблагоприятных данных о прежней судимости и вообще о прошлом обвиняемого. Такого рода данные создают лишь не более, как предположение о возможности участия обвиняемого и в данном преступлении,—предположение, которое как всякое предположение, нуждается в обязательной проверке доказательствами.

«Основания для обвинения Попова и Соколова... их прежняя неоднократная судимость за кражи—приведены неправильно, так как прежняя судимость может рассматриваться, как отягчающее обстоятельство (ст. 25 УК) при доказанности обвинения, но ни в какой мере не является самостоятельным доказательством виновности подсудимого в предъявленном ему обвинении» (опр. от 30 октября 1926 г., по д. № 211830).

Равным образом в определении от 24 февраля 1926 г. по д. № 21387 указывается, что и прежняя судимость обвиняемого и его связь с преступной средой дают основание к применению 49 ст. УК, но не к осуждению за преступление. (Сб. стр. 90).

10. Будучи неограниченным никакими формальными доказательствами, суд, однако, не вправе основывать свои выводы на такого рода материалах, за которыми согласно УПК не признается значение доказательств.

11. Выводы следователя и суда не должны противоречить элементарным законам логики.

Об этом уже подробно говорилось выше. Хотя процесс доказывания и оценки целиком и полностью не сводится к логическим процессам образования силлогизмов, но тем не менее это обстоятельство не исключает необходимости правильности тех силлогизмов, на которых следователь или суд строит свои выводы. Внутренняя логичность выводов суда 1-й инстанции, в смысле соответствия их ряду установленных на судебном следствии фактов, может быть (и действительно часто бывает) и предметом кассационной проверки (Крыленко).

«Представляется совершенно непонятным,—говорится в определении от 13 мая 1926 г. по делу № 25045 (сб. стр. 149),—каким образом, отвергнув, в общем, выводы правления и оправдав 14 обвиняемых, суд в отношении трех лиц—Пименова, Михеенкова и Белощицкой . . . нашел данные правления правильными и осудил указанных обвиняемых».

В данном случае суд вступил в противоречие с требованием логической последовательности, так как он из одних и тех же данных делает для одних подсудимых один вывод, а для других (без каких-либо условий, изменяющих значение тех же данных)—другой. (Полянский).

Выездная сессия Вотского Областного Суда приговором от 16 февраля 1928 г. оправдала обвинявшихся в изнасиловании двух граждан, причем, главным мотивом к оправданию суд выдвинул «обычную распространенность половых сношений среди молодежи удмурского населения и своеобразное при этом поведение женщин, оказывающих для вида сопротивление». Отменяя приговор, УКК указала, что приведенный в приговоре мотив «настолько нелеп и содержит такой выпад против местной молодежи, что помещение такого мотива в приговор недопустимо». («Суд. Практика» № 9—1928 г.).

В другом случае единственным доказательством, на основании которого суд признал доказанным факт изнасилования, было удостоверение врача, который спустя 5 месяцев после заявления потерпевшей установил в удостоверении своем, что потерпевшая—«тронутая девица». УКК приговор отменила (Опред. от 24 января по делу № 2466 см. сб. стр. 116). «Вывод суда в этом случае был бы законен (логически), если бы за большую посылку умозаключения можно было принять положение: девственность утрачивается только в результате изнасилования. Так как такая посылка противоречит действительности, то требования логики оказываются элементарно нарушенными» (Полянский).

12. Убеждение должно основываться на проверке доказательств по делу, производимой с соблюдением общих принципов уголовного процесса, установленных законом в целях обеспечения раскрытия материальной истины по делу.

«.....По настоящему делу все судебное следствие сведено к зачитыванию документов и актов дознания и предварительного следствия, в то время как ни обвиняемый, ни потерпевший не присутствовали на суде».

Таким образом, УКК констатирует нарушение принципа непосредственности и устности судебной стадии процесса. Но, разумеется, как нами уже указывалось, принципы эти не имеют абсолютного значения. Отступление от них поэтому тоже не всегда имеет решающее значение. Но в данном случае—оно имело существенное значение, так как«материалы предварительного следствия весьма противоречивы.....» («Суд. Практика» № 7—28 г., стр. 22).

«.....Кроме того, по данному делу никакого судебного следствия не было, так как за исключением обвиняемого, никто допрошен не был, не были даже допрошены потерпевшие, что, безусловно, отразилось на выяснении характера преступления». («Суд. Практика» № 6—1928 г., стр. 21).

Таковы некоторые из положений нашего доказательственного права, имеющих отношение к оценке доказательств. О других будет указано ниже при анализе отдельных видов

доказательств. Мы здесь не останавливаемся на вопросе о пределах и границах проверки кассинстанциями оценки доказательств судами 1-й инстанции. Что проверка не может ограничиться только формой, что она должна неизбежно затрагивать (хотя-бы в ревизионном порядке) и «существо» — это совершенно ясно. Но в то же время — ясно, что эта проверка не должна переходить определенные границы, не должна превращаться, по выражению т. Крыленко, в переоценку доказательств ¹⁾.

Приведенный неисчерпывающий перечень положений нашего доказательственного права необходимо дополнить еще одним, имеющим глубокое принципиальное значение и служащее одним из отличий нашего доказательственного права от буржуазного. Речь идет об обязательности увязки приговора суда не только с конкретными обстоятельствами дела, но и задачами социалистического строительства, о чем уже подробно говорилось выше.

Г Л А В А X I.

Значение отдельных видов доказательств.

Оценка значения отдельных видов доказательств в связи с нормами уголовно-процессуального права.

Как мы уже отмечали неоднократно, современное учение о доказательствах отвергает всякую предустановленную оценку тех или других доказательств в области уголовно-судебного исследования. Материальная истина не может быть установлена на суде, если суду будет наперед указано законом, какие факты он должен признавать за достоверные доказательства, которые могут быть положены в основу судебного приговора. Оценка значения отдельных видов доказательств есть вопрос каждого отдельного случая и зависит от внутреннего убеждения судьи. Таково основное положение теории, которое вошло в законодательную практику современных государств. Это же положение лежит в основе системы доказательств по действующему советскому процессуальному праву.

¹⁾ „Оценке (кассинстанциями) может быть подвергнута лишь формальная правильность приговора и внутренняя логичность выводов судей первой инстанции в смысле соответствия их ряду установленных на судебном следствии фактов, причем, однако, эти установленные факты должны быть воспринимаемы так, как их установил суд первой инстанции; суд второй инстанции может верить лишь правомерность выводов из этих фактов, но не больше“. Так формулирует критерий и границы кас.-ревизионной проверки т. Крыленко. Анализ этой формулы, намечающей лишь общие вехи, выходит за рамки настоящего труда.

Однако, чтобы устранить из судебного производства возможность произвола и ошибок со стороны судебных органов в процессе исследования истины—процессуальные кодексы, согласно указаниям теории, устанавливают правила, относящиеся к процессу собирания, исследования и рассмотрения доказательств. Эти правила определяют как средства и источники, которыми может пользоваться суд и из которых суд может черпать доказательства, так и порядок и условия установления этих доказательств. Соблюдением этих правил обеспечивается в наибольшей степени достижение судом материальной истины. Отдельные виды доказательств получают для суда то или другое значение только при условии соблюдения этих процессуальных правил, установленных законом. В конечном же счете оценка всех доказательств предоставлена свободному усмотрению суда.

Чтобы оценить силу и значение отдельных видов доказательств, необходимо рассмотреть эти виды доказательств раздельно. По системе нашего УПК доказательствами являются: показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства, протоколы осмотров и иные письменные документы и личные объяснения обвиняемых (58 ст. УПК). В соответствии с этим делением и имея в виду различную природу этих отдельных видов доказательств и в связи с этим различное доказательственное значение их в процессе, мы полагаем наиболее удобным рассмотрение доказательств, как мы указывали в главе о классификации доказательств, по следующей группировке. Группа 1: показания подсудимого, показания свидетелей и экспертиза (заключение сведующих людей); группа 2: осмотры, вещественные и письменные доказательства.

1. ПОКАЗАНИЕ ПОДСУДИМОГО.

Особенности показания подсудимого, как доказательства в уголовном процессе. Под показанием подсудимого в уголовном процессе понимаются все те объяснения или заявления, которые он делает об обстоятельствах данного дела, подтверждая свое участие в этом деле, как совершителя преступления, или отрицая участие в нем.

Вопросу о значении показания или объяснения подсудимого и об оценке этого показания теория доказательств уделяет особое внимание в виду исключительного характера этого доказательства среди других видов уголовно-судебных доказательств. Личность подсудимого является центральной в процессе судебного разбирательства. Суд исследует общественно-опасное действие лица, поставленного целою совокупностью выяснившихся обстоятельств в положение сначала подозреваемого и обвиняемого при предварительном расследовании и затем подсудимого на судебном следствии. Задача суда—разрешить вопросы о со-

циальной опасности этого подсудимого и применения к нему той или другой меры социальной защиты. Разрешение судом указанных вопросов при отсутствии показания подсудимого, хотя-бы и на основании всех других доказательств, представляло бы для суда чрезвычайные трудности.

Есть во всяком деле обстоятельства, которые могут быть выяснены лучше всего путем получения сведений от самого подсудимого. В каждом более или менее сложном уголовном деле представляется необходимым прежде всего выяснить весьма существенный вопрос о мотивах преступления, о внутренних побуждениях, которые толкнули подсудимого на преступление, которые руководили им в момент совершения преступления. Часто бывает важно уяснить суду весь процесс мыслительной работы подсудимого, его душевных переживаний, идей, чувств и намерений, с которыми он шел на преступление и совершил его. Это важно суду знать, чтобы прийти к убеждению о степени социальной опасности подсудимого. Другие доказательства, которыми устанавливается состав преступления и участие в этом преступлении подсудимого, часто не дают для выяснения этих именно обстоятельств достаточно полного доказательственного материала для суда, обязанного вынести тот или другой приговор.

Вот почему личное объяснение подсудимого, его показание, в ряду других доказательств по делу, приобретает большое значение. Суду важно знать, что скажет сам подсудимый, как он сам объясняет обстоятельства и доказательственные факты, которые, быть может, роковым образом сложившись вокруг него, и послужили основанием для его привлечения.

Таким образом, с одной стороны, только сам подсудимый лучше других может рассказать и разъяснить суду, как и по каким внутренним побуждениям он совершил преступление, или как он оказался в такой близости к преступлению, что был привлечен за участие в нем. С другой стороны, подсудимый, находясь под угрозой стоящей перед ним ответственности, ближе всего заинтересован в том, чтобы снять с себя подозрение, представить свои доказательства, оправдать себя и даже иногда скрыть только ему одному известную истину. Все это вместе взятое ставит перед судом трудную задачу—дать правильную оценку показания подсудимого, в смысле достоверности этого показания, как доказательства в деле.

Сознание подсудимого и формы этого сознания. Показание или объяснение подсудимого, как видно из сделанного нами определения, может выражаться или в форме признания им своей виновности или отрицания ее. В первом случае принято говорить, что мы имеем налицо доказательство в виде сознания подсудимого; во втором случае говорят, что подсудимый не признает себя виновным, оспаривает доказательства виновности. И в том и другом случае своим показанием подсудимый

«доказывает» в процессе судебного следствия существование или несуществование тех или других фактов или обстоятельств.

Сознание может быть п о л н ы м, когда подсудимый, признавая себя виновным, вполне подтверждает обстоятельства дела в том виде, как они установлены другими доказательствами, и н е п о л н ы м, когда он, признавая себя виновным, отрицает однако некоторые факты, из которых слагается состав вменяемого ему преступления.

Подсудимый, например, обвиняется в умышленном убийстве, совершенном с корыстной целью или из мести, но он на суде объясняет, что хотя действительно он совершил это убийство, но он не имел намерения убить потерпевшего, и произошло убийство во время возникшей ссоры в состоянии сильного душевного волнения, вызванного оскорблением со стороны потерпевшего.

Или, например, подсудимому вменяется в вину совершение ряда вредных разрушительных действий по работе его в государственном предприятии, учиненных им с контр-революционными целями и в качестве лица, состоявшего в контр-революционной организации. Подсудимый объясняет, что он действительно совершил приписываемые ему действия, но они являются результатом только небрежного исполнения им своих обязанностей, и что контр-революционных целей он не преследовал и в контр-революционной организации не состоял.

В обоих указанных примерах мы имеем наличность неполного сознания подсудимых. Такое неполное сознание в практике наших судов принято называть *частичным сознанием*. Это название прочно утвердилось у нас после процесса 1928 года шахтинских вредителей, где целый ряд обвиняемых принесли частичное признание в совершении вменяемых им судом действий.

По целому ряду причин оценка показаний подсудимого, как доказательства, в смысле его достоверности, в отдельных случаях может встретить серьезные для суда затруднения. Судебная практика показывает, что были случаи, когда не только не признавшие себя виновными, но и сознавшие обвиняемые давали при предварительном расследовании, а затем и на суде неверные или прямо ложные показания. Мотивы таких ложных показаний кроются часто в тайниках внутренних психологических переживаний привлеченных лиц и не всегда поддаются проверке другими доказательствами. Были случаи, когда ложное сознание давали подозреваемые лица под влиянием подговора других лиц, прикосновенных или неприкосновенных к делу, или под влиянием принуждения или увещания лиц, принимавших участие в предварительном расследовании дела и прибегавших к неправомерным приемам допросов, или, наконец из желания своим сознанием ускорить процесс расследо-

Причины исключительной трудности оценки показаний подсудимого, как доказательства в уголовных делах.

вания и довести дело до суда, где рассчитывали получить оправдание и т. д. Известен, наконец, ряд случаев из практики дореволюционного суда, когда воры-профессионалы, ошибочно задержанные, например, осенью по подозрению в краже, принимали на себя вину и сознавались, признавая для себя более выгодным при отсутствии средств, квартиры и теплой одежды просидеть зимнее время в тюрьме, чем на свободе, и рассчитывая к весне на суде «очиститься» от дела и выйти на свободу тогда, когда можно «работать» и проводить ночи под открытым небом.

Наконец, суду иногда приходится считаться и с такими сознанными на предварительном следствии обвиняемыми, объяснения которых неправильно были зафиксированы лицом, производившим расследование. Обвиняемый малокультурный крестьянин, например, не отрицал фактических обстоятельств дела или тех или других своих действий, но не умел в своем рассказе объяснить факты, исключаящие его виновность в совершении данного преступления; показание его, однако, записывалось в форме признания им своей виновности, а рассказ обвиняемого по существу дела фиксировался недостаточно ясно и полно и противоречил этому сознанию. Возьмем грубый пример. Задержан крестьянин, ехавший в тесном, набитом пассажирами вагоне, по подозрению в краже кошелька из кармана его соседа: его схватил потерпевший за руку в то время, когда он только что вложил руку в карман, где был кошелек. Задержанный при первом допросе объясняет: «Верно, признаю себя виновным. Только вышло дело так: в вагоне была давка, стоял я прижатый в проходе; подъезжали к станции; полез я в карман, достать кисет свой смахоркой—хотел выйти на станции покурить, да попал как-то в карман соседа». Ясно, что такое показание не содержит в себе признания виновности в покушении на кражу.

Подобные случаи происходят от того, что лицо, производящее расследование, иногда спешно производит допрос, ограничивается поверхностным распросом привлеченного и записывает это показание буквально, не контролируя внутреннее противоречие объяснений обвиняемого. Обвиняемый же, как правильно замечает проф. Фойницкий, «не всегда понимает фактическое, а особенно юридическое значение признания: даже если он способен оценить фактическую сторону дела, то для оценки юридических его оттенков, он часто бывает далеко недостаточно сведущ».

Необходимость соблюдения условий, обеспечивающих правильную передачу показания обвиняемого при его допросе.

Все эти положения, отмечаемые теорией и практикой, показывают, что самый допрос и запись в протоколе показания привлеченного, как методы получения личных объяснений обвиняемого, должны производиться с соблюдением условий, гарантирующих правильную передачу показания обвиняемого.

Некоторые юристы указывают, например, что обвиняемому при допросе не могут быть предлагаемы вопросы:

1) темные или двусмысленные, связь которых с предметом показаний не может быть понята обвиняемым; 2) уличающие, которые вынуждают у обвиняемого ответ, значения которого он не сознает и 3) наводящие, когда известные обстоятельства представляются обвиняемому так, что ему остается лишь утвердительно отвечать (Тальберг).

Эти положения вытекают логически из основного принципа современного процессуального права, по которому подсудимый не отвечает за лживость своих утверждений на суде. Давать или не давать перед судом вообще своих показаний это право подсудимого, а не обязанность его. Говоря о значении сознания подсудимого в уголовном процессе, нельзя не обратить внимание на факт широкого использования в практике судов этого сознания, как уголовно-судебного доказательства, принимаемого за основание для вынесения обвинительных приговоров. Правильен взгляд, по которому собственное сознание является в судебной практике «излюбленным доказательством», по вполне понятным причинам. «Оно уменьшает количество тех затруднений, которые возникают в уголовном деле при отсутствии сознания, облегчают работу суда и дают ему возможность основать свое убеждение на этом сознании, не прибегая к утомительной и часто опасной борьбе с сомнениями по делу» (Случевский).

Из всего изложенного, таким образом, ясно, насколько сложна задача суда—получить от обвиняемого ясно выраженное им объяснение по делу и оценить это объяснение, как доказательство в деле, с точки зрения его достоверности, в особенности если оно содержит в себе признание обвиняемым своей виновности.

Теория доказательств намечает целый ряд признаков, необходимых для того, чтобы признание подсудимого могло иметь значение уголовно-судебного доказательства.

Условия, при которых признание подсудимого может иметь значение уголовно-судебного доказательства.

1) Признание должно быть дано подсудимым свободно, вполне добровольно без всякого с чьей бы то ни было стороны принуждения. Всякое признание, полученное путем насилия, угроз, вообще под влиянием какого-либо психического или физического воздействия теряет свою доказательственную ценность и не может быть признано достоверным.

Действующий у нас процессуальный закон указывает, что расследующие органы не имеют права домогаться показания или сознания обвиняемого путем насилия, угроз и других подобных мер (136 ст.). На суде председатель предлагает подсудимому вопрос о виновности и предоставляет ему право давать объяснения по обстоятельствам дела в любой момент судебного следствия (277, 280, 282 ст. ст.).

2) Признание должно быть сознательным актом воли подсудимого, содержать определенные

утверждения или отрицания и должно быть лишено всяких внутренних противоречий. Если признание сделано по легкомыслию, в силу безучастного отношения подсудимого к своей судьбе, если оно не уверенно, противоречиво в своих отдельных частях, сбивчиво, то естественно, что оно также не может вызвать в суде уверенности в его достоверности или соответствии с действительностью. В обеспечение получения от обвиняемого сознательного, ясного и полного объяснения по делу, по нашему УПК допрос обвиняемого при предварительном расследовании обставлен известной обрядовой формальностью: обвиняемому предоставляется сначала рассказать все известное ему по делу, а затем предлагаются отдельные вопросы. Показания обвиняемого заносятся в протокол в первом лице и по возможности дословно. По прочтении обвиняемому его показания ему предоставляется право требовать дополнения протокола и внесения в него поправок. В случае просьбы обвиняемого, ему предоставляется возможность написать свое показание собственноручно (138—139 ст. ст.).

3) Признание должно быть сделано перед подлежащим судебным органом или лицом, имеющим по закону правомочия допрашивать или принимать заявление от обвиняемого. Признание, сделанное перед посторонним лицом, словесно или в письме, и не в условиях, установленных законом для получения доказательств, не подлежит, по общему правилу, допущению в качестве судебного доказательства.

По этому вопросу, правда, в литературе нет достаточно согласованных мнений. Следует, однако, признать, что в отдельных случаях внесудебное признание обвиняемого может быть принято судом к рассмотрению, как дополнительное доказательство, в целях проверки сомнительного показания, представляемого суду подсудимым. Факты внесудебного признания обвиняемого, сделанного не только при предварительном следствии органу расследования, но и в разговоре со свидетелем, в письме знакомому или соучастнику, или записанного в дневнике обвиняемого и т. п.—иногда могут послужить при проверке их, в процессе судебного исследования,—ценным доказательственным материалом для оценки судом признания, сделанного обвиняемым на суде. Степень оценки судом их значения, конечно, в значительной степени зависит от доверия суда к источнику, из которого черпаются эти доказательства и от удостоверения в их истинности и подлинности.

Наш УПК, как сказано было выше, предоставляет суду право в определенных случаях, оглашения внесудебных показаний, данных подсудимым при предварительном расследовании.

4) Признание подсудимого, чтобы оно могло иметь доказательственное значение для суда, естественно, должно быть

согласным с другими обстоятельствами дела и подтверждено другими доказательствами. Об'яснение подсудимого, идущее в разрез со всеми другими достоверными доказательствами, противоречащее им, или ничем не подтвержденное, не может внушить суду доверие предпочтительно перед другими данными, которыми доказываются факты. Поэтому, в отношении органов, производящих предварительное расследование, из указанного положения вытекает логически требование, чтобы и при наличии сознания обвиняемого обстоятельства дела продолжали выясняться другими доказательствами в целях наиболее полного и всестороннего исследования истины.

Хотя прямого указания на такое требование нет в нашем УПК, но на него неоднократно указывалось в постановлениях Верховного Суда и НКЮ. В частности, в циркуляре, относящемся к мероприятиям по организации процессов по должностным и хозяйственным преступлениям, НКЮ признал «неправильным методом ведения следствия», когда следователи, придавая большое значение сознанию обвиняемого, «игнорируют необходимость собирания объективных доказательств путем допроса свидетелей, производства экспертизы и выяснения других обстоятельств, рисующих обстановку преступления и изобличающих привлеченных к делу лиц» (Цирк. 31 января 1924 г. № 20). Одинокое стоящее в деле признание обвиняемого, не гармонирующее с другими, является изолированным доказательством, которое, как мы указывали ранее, имеет малоценное значение и внутренним убеждением суда не может быть воспринято и оценено, как вполне достоверное.

5) Вместе с тем, признание подсудимого не может ограничиваться голым ответом на вопрос о виновности, а должно по существу своему быть обстоятельным об'яснением, т.е. связным рассказом, доказывающим исследуемый факт. Один ответ подсудимого: «да, я признаю себя виновным в предъявленном обвинении», тоже не может дать суду и следователю убедительного материала для полного суждения об истине и достоверности исследуемых фактов. Оценка судом признания подсудимого, как доказательства, возможна лишь при сопоставлении обстоятельств, о которых более или менее подробно рассказывает подсудимый, с другими обстоятельствами дела. Один короткий ответ о виновности не дает никакого материала для суда: это есть только формальное утверждение, имевшее значение при господстве теории формальных доказательств.

Наш УПК учитывает значение изложенного теоретического положения и указывает, что при допросе подсудимого на суде, при утвердительном ответе его о виновности, ему предлагается сейчас же дать об'яснение по существу предъявленного обвинения,

т.е. изложить доказательственный материал, подтверждающий его признание (280 ст.).

Оценка молчания подсудимого, как доказательства в деле.

Молчание подсудимого на суде или полный отказ его от представления каких-бы то ни было объяснений по делу, конечно, могут иногда повлиять на внутреннее убеждение судей в ту или другую сторону. Однако, следует помнить, что такое молчание само по себе является весьма часто психологической загадкой: оно не дает никакого нового доказательства, оно ничего конкретного не подтверждает, ни отрицает. Практика давала нередко такие случаи, когда подсудимый молчал потому, что был взволнован, подавлен обстановкой суда, присутствием публики или просто в силу каких-либо индивидуальных особенностей своей умственной или душевной деятельности.

По дореволюционному русскому процессуальному закону указанное положение было признано, как прямое руководящее правило для суда при оценке доказательств (685 ст. Уст. Угол. Суд). Наш УПК вполне правильно исключил это правило из числа обязательных условий для оценки доказательств показания обвиняемого, как противоречащее общему принципу свободной оценки доказательств. Хотя изложенное положение теории доказательств содержит разумное предостережение для суда против предубежденных выводов при наличии молчания подсудимого, однако, нельзя обязать суд совсем не учитывать своим внутренним сознанием молчания нормального психически и сознательно действующего подсудимого в связи с другими убедительными доказательствами, устанавливающими участие подсудимого в совершении преступления.

Таковы общие положения, которые дает теория доказательств в отношении тех наименее надежных и достоверных видов доказательств, к которым относится показание подсудимого (Случевский, Тальберг, Владимиров и др.).

В соответствии с оценкой показания обвиняемого, теория доказательств разрешает вопрос и о значении оговора, как доказательства в уголовных делах.

Оговор и значение его, как доказательства при исследовании судебной истины.

Под оговором понимается такое объяснение подсудимого, которое содержит не только его собственное признание, но и обвинение против других лиц, как соучастников того же преступления. Оговор иногда является верным источником обнаружения истины при исследовании преступления, совершенного несколькими лицами. Но с другой стороны, судебная практика знает нередкие случаи ложных оговоров подсудимыми других лиц, сделанные из желания впутать в дело этих других лиц и тем облегчить свою ответственность или переложить ее на других, как бы на главных виновников или вдохновителей преступления.

Во всяком случае, теория склоняется к мнению, что хотя оговор нельзя устранить из числа уголовно-судебных доказательств, но относиться к этому виду доказательств суд должен с чрезвычайной осторожностью. При этом тщательным образом должны быть судом выяснены мотивы оговора и заинтересованность в этом оговоре со стороны подсудимого, сделавшего оговор (Фойницкий). Один оговор, сам по себе, однако, не может иметь решающего значения для привлечения других лиц, и придавать подобным показаниям подсудимого особую силу суд не должен (Фельдштейн).

Оценка оговора с точки зрения его достоверности, как доказательства.

В судебной практике последних лет был чрезвычайно интересный случай оговора, послужившего для суда основанием к осуждению оговоренного по делу о хищениях и растратах в государственной карточной монополии. Отменив приговор, кассационная инстанция признала, что объективными данными оговор подсудимого не подтвержден, что напротив оговор опровергается показаниями других участников дела, и что, наконец, оговор этот находит себе объяснение в том, что в оговоре подсудимого, как инициатора преступления, были заинтересованы оговаривавшие подсудимые Батурлов и Колосков (Опред. УКК Верховсуда РСФСР от 16 марта 1926 г.).

Еще осторожнее следует относиться к оговору, когда оговорщик в своем показании изменяет содержание оговора, входя в противоречие с своими же прежними заявлениями в отношении оговариваемых. Оценка этого вида судебного доказательства весьма метко охарактеризована одним из старых русских юристов.—«Оговор вообще мутный источник—черпать из него следует осторожно, и оценка достоверности его сложна. При этом нельзя обойтись без обследования психологической стороны оговора, а оно крайне трудно. Мы имеем здесь дело с темными страстями, подвигающими к оговору: мстостью, ненавистью, ревностью, завистью, гневом» (Владимиров).

Наше процессуальное законодательство не дает никаких указаний относительно допустимости или недопустимости принятия оговора, как доказательства при уголовно-судебном исследовании. Однако, поскольку оговор является фактически весьма часто составной и существенной частью показания подсудимого, суд не может оставить его без рассмотрения и оценки. Оговор, как и другие доказательства, должен подвергнуться судебной проверке; как и другие доказательства, он подлежит свободной оценке суда по внутреннему убеждению, и значение его в деле определяется согласованием его с другими доказательственными фактами. Поэтому все те общие положения, которые выдвигает теория доказательств в отношении показания подсудимого вообще, применимы и к такому показанию, которое по существу своему является оговором.

2. СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ.

Свидетельские показания, как количественно преобладающий доказательственный материал.

Редко какой уголовный процесс обходится без вызова и допроса свидетелей. Почти в каждом уголовном деле свидетельские показания являются количественно преобладающим доказательственным материалом. Исключение представляют лишь некоторые дела о хозяйственных преступлениях, при расследовании которых приходится преимущественно оперировать с актами осмотра книг и документов, учета имущества и счетно-бухгалтерской или экономической экспертизы, а также дела о нарушениях правил, регулирующих условия применения труда, разрешаемые обычно на основании простейших актов дознания.

Уже сам по себе факт количественного преобладания свидетельских показаний в качестве доказательственного материала по большинству уголовных дел подчеркивает значение правильного использования этого вида уголовно-судебных доказательств и устранения целого ряда наблюдающихся в судебно-следственной практике недочетов, относящихся как к технике допросов, так и к оценке свидетельских показаний.

Сущность свидетельского показания.

Каковы признаки, отличающие свидетельские показания от других видов уголовно-судебных доказательств и в совокупности своей определяющие сущность свидетельского показания?

Субъектом свидетельского показания может быть только физическое лицо. Юридические же лица, как таковые, субъектами свидетельских показаний быть не могут. Сообщение того или иного учреждения следователю или суду относящихся к делу сведений не есть свидетельское показание. Но указанный только что признак (то, что субъектом свидетельского показания может быть только физическое лицо) еще не есть сам по себе решающий признак. Правда, этот признак отличает свидетельское показание, скажем, от заключения экспертизы, которое может даваться не только физическими лицами, но и учреждениями, научными кабинетами и т. п. Но и обвиняемым в процессе также может быть исключительно физическое лицо.

Есть другой признак, формальный. Состоит он в том, что только те лица признаются свидетелями, которые приглашены и допущены при производстве предварительного и судебного расследования именно как свидетели. Гражданин, который не вызван и не допущен в качестве свидетеля, свидетелем не считается, хотя-бы он знал по делу весьма существенные подробности. Если такой гражданин письменно или словесно сообщит, скажем, следователю что-либо о деле, его словесные или письменные сообщения, поскольку он в качестве свидетеля не допрошен,

свидетельскими показаниями считаться не будут. Понятно, трудно допустить такие случаи, чтобы следователь или суд не вызвали таких граждан (то-есть заявивших о том, что они знают важные для дела обстоятельства) в качестве свидетелей. Гораздо чаще встречаются такие факты, когда гражданин, зная весьма важные для дела обстоятельства, сообщение которых помогло-бы правильному разрешению дела, тем не менее старается не попасть в свидетели. По мере того, как более широкие массы трудящихся будут втянуты в повседневную борьбу с преступностью, будет, несомненно, умножаться и число фактов «свидетельской инициативы» в лучшем смысле этого слова. Свидетельская инициатива — одна из форм активного содействия советскому государству в борьбе с преступностью. Она может быть поставлена наряду с другими формами содействия, как, например, жалобой на преступные действия тех или иных лиц, участием в процессе в качестве общественного обвинителя или сообщением о злоупотреблениях в советскую печать (рабселькоровские заметки). Значение ее для успешной борьбы с преступностью очевидно.

Однако, вызов и допущение судебно-следственным органом в качестве свидетеля есть более внешний, формальный, так сказать, признак, по которому без труда всякий может распознать среди участвующих в деле лиц свидетелей. По существу же этот признак еще недостаточен для того, чтобы охарактеризовать сущность свидетеля. Представим себе, что к следователю или в суд вызван в качестве свидетеля гражданин, который ровно ничего по делу не знает. Формально гражданин, конечно, является свидетелем, но по сути очевидно, что такого гражданина напрасно отрывали от повседневной работы. Вызов был необоснован. Одна из задач расследования — не допускать такого рода необоснованных вызовов.

Поэтому свидетеля можно определить, как физическое лицо, имеющее об обстоятельствах данного уголовного дела сведения, известные ему на основании личных наблюдений, и вызываемое судебно-следственными органами для словесного (как правило) изложения этих сведений, для удостоверения тех или иных обстоятельств в установленном процессуальным законом порядке.

Наблюдение может осуществляться при помощи различных внешних органов чувств, безразлично каких — зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса. Свидетель мог случайно слышать крик потерпевшего, шум выстрела. Он мог видеть быстро удалявшегося с места убийства или грабежа обвиняемого и т. д. С наблюдаемым свидетель может знакомиться непосредственно (например, свидетель видел документ или слышал выстрел, которым произведено убийство) или посредственно (например, свидетель видел копию документа, почему либо интересующего суд, или слышал от третьего лица об обстоятельствах преступления). Свидетельское показание по слуху не представляет ничего от-

личного от показаний по зрению, обонянию и т. п., и в одних случаях является первичным, в других—вторичным, третичным и т. д. доказательством (Фойницкий). Советское право, в отличие от английского, не стоит на точке зрения, крайне отрицательно относящейся к свидетельству по слуху. Вторичные и третичные показания «по слуху» в ряде случаев могут сыграть серьезное значение в раскрытии истины; необходимо лишь обращать тщательное внимание на наличие связи их с первоисточником и на возможность проверки их путем такой связи. Поэтому свидетельство по слуху не должно приниматься только тогда, когда первоисточник слухов свидетелю неизвестен и когда, стало быть, слухи не могут быть проверены.

Предмет свидетельского показания.

Предметом свидетельских показаний являются факты и обстоятельства, подлежащие установлению в деле, и характеристика личности обвиняемого. Не только внешние наблюдавшиеся свидетелем обстоятельства, но и различные душевные движения (испуг, гнев, радость и т. п.) могут быть предметом свидетельского показания. Но показания о тех или иных душевных движениях для проверки своей правильности требуют подкрепления их указанием на внешние, материальные признаки, на основании которых свидетель утверждает наличие душевных движений. Без указания таких объективных признаков свидетель передает не то, что он наблюдал, а лишь свое мнение и впечатление. Равным образом, характеристика свидетелем обвиняемого должна основываться не на неподдающемся контролю и проверке мнению свидетеля, а на фактах поведения обвиняемого, могущих пролить свет на его характер. Собираение же одних мнений явилось бы ничем иным, как восстановлением «упраздненного ныне дознания через окольных людей, притом еще в менее удовлетворительной форме» (Люблинский). Предметом свидетельского показания может быть фактическая характеристика не только обвиняемого, но и потерпевшего или другого свидетеля, если нужда в такой характеристике возникает в процессе расследования и суда.

Границы, в пределах которых должен производиться допрос свидетеля, определяются конкретными задачами расследования каждого дела. Не всякое обстоятельство, которое наблюдал данный свидетель, имеет значение для дела. Соображения не только экономии, но и четкости расследования требуют соблюдения определенных границ при допросе свидетелей, требуют устранения вопросов свидетелю о таких обстоятельствах, которые для дела никакого значения не имеют. В общих чертах указанные границы определяются вопросами, которые обычно возникают при расследовании и разрешении уголовного дела—имело ли место событие преступления, совершил ли преступление подозреваемый, если совершил, то имеется ли наличие условий,

при которых может применяться уголовная репрессия или иная мера социальной защиты. Как уже указывалось, свидетельское показание может касаться и характеристики обвиняемого, поскольку такая характеристика нужна для определения степени социальной опасности обвиняемого и нередко может пролить свет по вопросу об участии его в преступлении и мотивах этого участия. Таковы обычные и, как видим, весьма широкие рамки допроса свидетелей, которые однако не могут быть механически и трафаретно применяемы в каждом отдельном случае. Если, например, в данной стадии расследования данного дела событие преступления установлено с исчерпывающей полнотой, то было бы совершенно излишней тратой энергии продолжать вызовы и допросы свидетелей только по вопросу о событии преступления. Из этого ясно, что вызов и допрос свидетелей требуют строгой продуманности и плановости. Игнорирование этих требований—причина тех «излишеств», которые наблюдаются в судебно-следственной практике по линии использования рассматриваемого вида уголовно-судебных доказательств.

Пробелы в использовании свидетельских показаний идут в двояком направлении. С одной стороны, не вызываются или несвоевременно вызываются существенные свидетели. Нередко это делается по соображениям превратно понимаемой экономии, в результате которой получается двойная волокита: дело, в виду допущенной оплошности, приходится откладывать слушанием, и явившимся к разбору дела свидетелям приходится еще раз являться в суд по тому же делу. В некоторых случаях эта «экономия» оказывает роковое влияние на раскрытие преступления и означает неполноту обследования фактической стороны дела¹⁾.

С другой стороны—большое зло представляют многократные допросы в стадии предварительного расследования одних и тех же свидетелей. В некоторых случаях совершенно обойтись без повторных допросов нельзя. Иногда после того, как прошло некоторое время после допроса свидетеля, выявляется необходимость выяснить путем дополнительного допроса его какие-либо новые подробности, которые при первоначальном допросе предвидеть нельзя было: например, возникло резкое противоречие по существенному для дела обстоятельству в показаниях одновременно допрошенных свидетелей, которое требует дополнительного допроса некоторых из свидетелей или очной ставки между ними. Но в других случаях повторные допросы обуславливаются тем, что первоначальный допрос свидетеля произведен был крайне поверхностно, не продуманно, что свидетелю позабыли предложить нужные вопросы, что свидетельское показание во время не

¹⁾ Иллюстрацию такого рода пробелов в использовании свидетельских показаний читатель может найти в книге нашей „Искусство расследования“, в частности—в очерке, анализирующем расследование по делу о смерти Марии Розановой.

использовали с той исчерпывающей полнотою, какая требовалась по делу и какая была возможна. Против такой практики и следует самым решительным образом возражать. То же надо сказать о наблюдаемой в ряде случаев механической штамповке прокурором и судом следовательских списков и неосновательного отложения дел свидетелей, в то время как, например, 391 ст. действующего УПК РСФСР дает довольно конкретные признаки, которыми должны руководствоваться губсуды при вызове свидетелей: обязательному вызову подлежат лишь такие свидетели, показания которых вызывают сомнения в их достоверности или страдают существенной неполнотой или находятся в противоречии с показаниями других свидетелей.

Незаменимость свидетеля в процессе.

Из данного выше определения свидетеля вытекает незаменимость в процессе свидетеля. Поскольку свидетель излагает о фактах, которые он лично наблюдал, совершенно ясно, что заменить данного свидетеля другим лицом невозможно. Этим свидетель отличается от ряда других участвующих в процессе лиц. Как, например, ни ценна подчас экспертиза, но знание эксперта дается определенной профессией или определенной подготовкою в той или иной научной отрасли, знание же свидетеля дается обстоятельствами дела, поэтому эксперт может быть заменен другим представителем данной профессии, свидетель же никаким другим лицом заменен быть не может. Точно также вместо данного народного заседателя, судьи, прокурора мыслимо пригласить другого заседателя, судью, прокурора. Немыслима лишь замена в процессе свидетеля. Поэтому всякий раз, когда по делу возникает альтернатива, вызывать ли данное лицо в качестве свидетеля, или в качестве эксперта, судьи, и т. д., предпочтение безусловно должно быть сделано в пользу вызова данного лица в качестве свидетеля.

Сказанное о том, что свидетель дается обстоятельствами, которые он наблюдал и которые являются предметом его показания, не исключает возможности обладания свидетелем особыми специальными познаниями. Это—тип так называемых «сведущих свидетелей», которые так же, как и всякие свидетели, даются обстоятельствами дела (в этом их отличие от экспертов), но ценность которых повышается от того, что специальные сведения и познания дают «сведущим свидетелям» возможность более точного и полного наблюдения и изложения наблюдаемого.

Меры и условия обеспечения достоверности свидетельских показаний.

Меры и условия, предусматриваемые современными законодательствами в целях обеспечения достоверности свидетельских показаний, могут быть разделены на две группы: одни из них специально касаются именно свидетелей, другие имеют в виду правильную постановку уголовного процесса в целом.

К первой группе относится установление уголовной ответственности за дачу ложного показания у следователя или на суде,

предупреждение об этой ответственности перед допросом и отобрание подписки о том, что такое предупреждение сделано.

К той же группе мер, непосредственно направленных к обеспечению достоверности свидетельских показаний, можно отнести установление ответственности за незаконные способы принуждения со стороны производящего допрос свидетеля лица (угрозы, физическое насилие и т. п.). История уголовных процессов доказывает, что больше всего ложных показаний дается именно под влиянием насилий и принуждения.

Целям обеспечения достоверности свидетельских показаний отчасти служит и ряд технических правил допроса свидетелей, устанавливаемых обычно процессуальными законодательствами. Рамки настоящей книги не позволяют подробно останавливаться на этих правилах, поэтому ограничиваемся лишь некоторыми примерами: так, нормальным считается такой порядок при допросе, когда сперва свидетелю предлагается и дается возможность свободно рассказать все известное ему по делу, и только после того, как свидетель даст связный рассказ, задаются вопросы. Этим предупреждаются те невольные ошибки, которые возможны при системе допроса в форме вопросов и ответов под влиянием внушения наводящих вопросов. Для того, чтобы свидетель сохранил известную свежесть впечатлений, чтобы он не смешал своих личных впечатлений и наблюдений с теми, которые имеются у других свидетелей по делу, существует и другое техническое правило допроса, заключающееся в том, что свидетели допрашиваются порознь. Чтобы оградить свидетеля от влияния других свидетелей, необходимо решительно избегать такого, к сожалению, еще неизжитого способа допроса, когда свидетелю прочитывается показание другого свидетеля, которое он подтверждает полностью или частично (обычно—и это весьма характерно—«полностью»).

Некоторые из технических правил имеют в виду обеспечение точности записей свидетельских показаний, что имеет немало важное значение, поскольку протоколы допросов на предварительном следствии и дознании ложатся в основании выводов о виновности или невиновности. Неясное и неточное изложение в протоколах дознания и предварительного следствия свидетельских показаний вносят зачастую огромную путаницу в дело и являются источником многих противоречий между тем, что свидетель показал следователю, и тем, что он показывает на суде. Отсюда вытекает целесообразность правил о прочтении следователем (органом дознания) протокола допроса свидетелю, о подписании протокола свидетелем, о предоставлении свидетелю права делать замечания по поводу протокола и требовать внесения в него исправлений, о предоставлении в стадии предварительного расследования свидетелю права собственноручного написания своего показания. Отсюда же вытекает и ненормаль-

ность пререканий между следователем и свидетелем по поводу вносимых свидетелем исправлений в протокол допроса, каковые исправления должны приниматься к исполнению беспрекословно.

Косвенным образом к той же группе мер, направленных к обеспечению достоверности свидетельских показаний, относится и недопущение некоторых категорий лиц в качестве свидетелей. Так, например, действующий и новый проект УПК РСФСР запрещает вызывать и допрашивать в качестве свидетелей лиц, которые в виду своих физических и психических недостатков неспособны правильно воспринять имеющее значение по делу явления и давать о них правильное показание. Такая формулировка представляется теоретически наиболее правильной. Нельзя допускать заведомо недоброкачественный свидетельский материал, нельзя, скажем, глухого допрашивать об обстоятельствах, для восприятия которых требуется хороший слух, или слепого об обстоятельствах, для восприятия которых необходимо зрение. С другой стороны, нельзя лиц, страдающих тем или иным физическим недостатком устранять от свидетельства о таких обстоятельствах, которые они воспринимали при помощи своих неповрежденных органов чувств. Точно также отказ от критерия дореволюционного права, не допускавшего к даче свидетельских показаний безумных и сумасшедших, и введение в качестве критерия способность правильно воспринимать имеющие по делу значение явления и давать о них правильные показания—является более соответствующим учению о психологии свидетельских показаний. Наука и практика доказали, что при многих видах психических расстройств больной может вполне воспринимать внешние явления и правильно передавать о воспринятом, что в известные моменты у душевно-больных наступают так называемые «светлые промежутки».

Сказанное не исключает необходимости крайне осторожной оценки показаний душевно-больных и лиц, страдающих физическими недостатками, необходимости при возникновении серьезного сомнения в способности таких лиц быть свидетелями приглашения экспертизы. То же относительно показания малолетних, допущение которых должно в каждом отдельном случае разрешаться в зависимости от степени развития малолетнего и сложности обстоятельств, для подтверждения которых предполагается вызов малолетнего. (Проект УПК предлагает вызывать не достигших 10 лет в качестве свидетелей лишь в исключительных случаях и допрашивать их в присутствии врача или педагога). Абсолютное же запрещение вызывать в качестве свидетелей малолетних было бы неправильным, что ясно из целого ряда фактов раскрытия преступлений на основании показаний малолетних. Наконец, обеспечению достоверности свидетельских показаний способствуют общие условия современного уголов-

ного процесса—гласность, устность, непосредственность, состоятельность и т. п. В частности, следует отметить одно из сильных средств, даваемых современным процессом и заключающееся в перекрестном допросе.

«При успешном употреблении этого орудия,—говорит Бентам,—опытными руками, свидетель, намеревавшийся обмануть и скрыть истину, приводится к саморазоблачению, атакуемый неожиданными вопросами, на которые он должен отвечать немедленно, под страхом изобличить свое намерение своим молчанием, равно как и своими противоречиями».

Но перекрестным допросом следует пользоваться умело и осторожно, так как неумелое пользование им часто способствует не выявлению истины, а сбиванию с толка вполне добросовестного свидетеля. Рамки перекрестного допроса должны быть ограничены лишь обстоятельствами, имеющими отношение к преступлению и обвиняемому.

То же надо сказать об очных ставках, которую может «в случае надобности» следователь устраивать между свидетелями (163 ст. УПК). Очная ставка, которая по нашему процессуальному закону допускается также и между обвиняемыми, а равно и между обвиняемыми, с одной стороны, и свидетелями—с другой (137 ст. УПК), может иметь значение в отдельных случаях, когда те или другие фактические обстоятельства утверждаются одним свидетелем и отрицаются другим (равно как обвиняемыми или обвиняемым и свидетелем), или же когда разноречие в показаниях отдельных допрошенных лиц относительно одного и того же момента расследования является настолько резким и разительным, что мешает следователю, несмотря на общую согласованность показаний, уяснить точно то или другое обстоятельство, которое может иметь существенное значение для дела. Но злоупотреблять очной ставкой не следует, в особенности, когда речь идет об очных ставках между обвиняемыми и свидетелями, так как почти всегда очная ставка в отношении обвиняемого (а часто и в отношении свидетеля) является принудительным воздействием.

Оценка свидетельских показаний.

Оценка свидетельских показаний должна совершаться на основании общих, изложенных выше, принципов, которые современное учение о доказательствах устанавливает для оценки доказательств

Никакими внешними формальными признаками нельзя заранее предопределить силу свидетельского показания. Безусловно объективных признаков достоверности свидетельских показаний не существует, как не существует их в отношении достоверности прочих видов доказательств. Бентам усердно отыскивал такие признаки и даже дошел до «градусника достоверности» со шкалой, разделенной на 10 ступеней положительных (выражающих степень убеждения в существовании факта) и 10 ступеней отри-

дательных (выражающих степень убеждения в несуществовании факта). Свидетель, по мысли Бентама, и должен математически выразить степень своего убеждения в существовании и несуществовании того или иного факта. Однако, совершенно очевидно, что никакие градусники достоверности и тому подобные механически-действующие инструменты не в состоянии заменить принципа оценки—оценки по внутреннему убеждению. Нами уже указывалось, что личное убеждение не равносильно произволу. Оно должно опираться не только на личный опыт следователя и судьи, но и, по возможности, на выводы на наших глазах развивающейся науки судебной психологии. При всем скептическом отношении к этой науке со стороны части судебно-следственных работников, факт тот, что научное изучение психологии свидетельских показаний уже многое дало для правильной оценки их. В частности, научное изучение психологии свидетельских показаний в значительной степени рассеяло переоценку свидетельских показаний, которою характеризуется продолжительная полоса истории уголовного процесса, и доказало, что даже в показаниях вполне добросовестных свидетелей вполне возможны, а отчасти даже и неизбежны, невольные ошибки. Люди, как показывают наблюдение и наука, часто видят и слышат то, чего не было в действительности, и часто не замечают того, что происходит у них на глазах. Из самых различных источников подстерегают свидетеля совершенно произвольные и тем более опасные ошибки. Дача свидетельского показания о том или ином факте предполагает целый ряд предварительных моментов. Предварительно свидетель должен был этот факт воспринять каким-либо органом чувств. Затем, воспринятое нужно было сохранить в памяти. Далее то, что сохранено в памяти, нужно восстановить, наконец, передать суду или следователю. На каждом из этих этапов возможны, а подчас и неизбежны ошибки. Радость, горе, физическая и душевная боль влияют на восприятие. В каждом восприятии необходимо участвует умозаключение, делающее тот или иной вывод из воспринятого. Нередко получается смешение выводов с непосредственно воспринятым. Выводы вытесняют истинные впечатления. Понятно, далее, и то большое влияние, которое оказывает на правильность свидетельских показаний время, отделяющее момент показания от момента восприятия определенного события. Время изглаживает многое из первоначальных впечатлений, изменяет их, перерабатывает. Пол, возраст, степень умственного развития, профессия свидетеля также оказывают влияние на восприятие и воспоминание. Поэтому естественны встречающиеся часто противоречия в показаниях различных свидетелей об одном и том же событии. Понятны и противоречия, встречающиеся иногда в разновременно данных показаниях одного и того же свидетеля: сказывается влияние времени, запоминания, внушения и т. п.

Что следует из всего сказанного о неизбежных дефектах, ошибках свидетельских показаний? Во-первых, то, что показание добросовестнейшего свидетеля требует от следователя и суда самой внимательной, глубокой и критической оценки и сопоставления с другими обстоятельствами дела. Во-вторых, то, что по мере развития науки экспериментальной психологии она все чаще сможет приходить на помощь следователю и суду в правильной оценке достоверности свидетельских показаний. Пока, конечно, нельзя отрицать того, что судебная психология находится в зачаточном состоянии и еще не вышла из стадии лабораторных изысканий. Однако, и в настоящее время она располагает способами для точной проверки особенностей восприятия (методы Бинэ, Бернштейна, Россоломо, Штерна и др.), для изучения того, что может быть данным свидетелем воспринято лучше и хуже, для определения (при помощи точных методов т. н. мнемометрии) среднего объема памяти свидетеля, для определения аффективной установки допрашиваемого, его способности к словесному оформлению и т. д. Поэтому, как правильно отмечает А. Р. Лурия («Экспериментальная психология в судебно-следственном деле» журн. «Советское Право» № 2, за 1927 г.), необходимо при оценке свидетельских показаний внимательно отнестись к добытым психологией материалам и постараться использовать их для практических целей: с помощью учета психологических данных, относящихся к свидетельским показаниям, лежащих в их основе психологических закономерностей, с помощью изучения условий, влияющих на правильность показания, экспериментальная психология поможет избежать многих ошибок в оценке свидетельских показаний.

Следует заметить, что некритическое отношение и переоценка свидетельских показаний—явление, довольно часто встречающееся и в судебно-следственной практике наших дней. Оно не только непосредственно влияет отрицательным образом на правильность окончательного вывода по делу, но влияет косвенным путем, в том отношении, что под влиянием подобной переоценки не редко ограничиваются накоплением одних лишь свидетельских показаний и пренебрегают собиранием вещественных доказательств.

С другой стороны, нельзя согласиться с утверждением, будто тенденция развития процесса такова, что свидетельские показания если не полностью будут вытеснены другими видами доказательств (имеются в виду главным образом вещественные доказательства), то, во всяком случае, все более и более будут терять свою ценность в процессе (Гросс). В уголовном процессе фигурируют и будут фигурировать на ряду с вещественными доказательствами и личные доказательства—показания обвиняемого и свидетелей. Более того, как уже упомянуто было, свидетельские показания составляют количественно преобладающий

обычно в деле доказательственный материал. Поэтому как теоретически, так и практически правильное решение вопроса об относительной ценности в процессе свидетельских показаний лежит не в плоскости противопоставления одних видов доказательств другим, а в плоскости отведения каждому виду доказательств самостоятельного значения, дополнения и проверки при расследовании одних доказательств другими и постановки самого исследования их по возможности на научную почву.

Руководящие указания Верховного суда РСФСР по вопросу об оценке свидетельских показаний.

В заключении настоящей главы приведем несколько руководящих выводов УКК Верховного суда, относящихся к оценке свидетельских показаний.

Сюда можно отнести ряд указаний Верховного суда насчет необходимости особо осторожного отношения к показаниям потерпевших, в особенности по половым преступлениям, и вообще к показаниям лиц, со стороны которых можно предполагать враждебное отношение к обвиняемому (опр. по д. д. № 2466, 23387, 21042—1926 года).

Но осторожное отношение к показаниям этой категории свидетелей нельзя превращать в формальное и безусловное отрицание за ними какой-бы то ни было доказательственной силы, какая крайняя и неправильная точка зрения нашла свое отражение в одном из определений УКК Украинского Верховного суда от 9 августа 1923 г. по д. Филиппа Бондаренко, в котором указывалось, что «в тех случаях, когда заявление потерпевшего, хотя бы суд и отнесся к нему с большим доверием и верой (курсив наш), не получило в процессе следствия своего подтверждения свидетельскими показаниями, уликами, вещественными доказательствами, собственным признанием и другими способами, оно должно быть отвергнуто».

Характерна, далее, отмена приговора суда Верховным судом частично на том основании, что вывод насчет суммы растраты суд основал «на уснащенном цифровыми данными и расчетами докладе заведующего финотделом», оцененном как свидетельское показание, между тем как заведующий, как свидетель, не допрашивался. Стало-быть, для оценки сообщения того или иного лица, как свидетельского по делу показания, необходимо, чтобы сообщение это представлено было в том формальном порядке, который установлен для отобрания свидетельских показаний.

Затем следует отметить предостережение УКК против злоупотребления губсудами правом прекращать в любой момент допрос свидетелей при признании «ясности дела» (394 ст. УПК) и, в частности, против отказа в допросе на основании 394 ст. УПК свидетеля, вызванного для установления иных обстоятельств, чем те, которые установлены ранее допрошенными свидетелями.

Наряду с указанием в инструктивном письме УКК Верховного суда за № 2—1926 г. (ЕСЮ № 50,—26 г.) на необходимость осторожного отношения к вопросу о привлечении за лжесвидетельство, мы

находим как в данном инструктивном письме, так и в определении УКК за № 28905—25 г. указания на то, что привлечение свидетеля к ответственности за лжесвидетельство исключает из числа доказательств по делу показания данного свидетеля.

3. ЭКСПЕРТИЗА.

Экспертиза, как вид уголовно-судебных доказательств.

Под экспертами понимаются лица, приглашаемые следователем или судом для исследования обстоятельств, могущих иметь значение для дела и требующих для исследования своего специальных знаний в науке, искусстве или ремесле.

Экспертиза, как акт исследования, обычно складывается из ряда действий: сообщения эксперту следователем или судом некоторых данных и материалов из дела, предъявления ему для осмотра тех или других документов и вещественных доказательств, предварительного изучения экспертом и исследования означенных материалов, дачи заключения или оформленного протоколом показания.

Вопрос об оценке экспертизы упирается о другой, более общий вопрос—о процессуальной природе экспертизы. Обзор точек зрения в науке по данному вопросу дает в «Учении об уголовных доказательствах», проф. Владимиров, который сам частично разделяет точку зрения, выводящую экспертизу из числа уголовно-судебных доказательств. Заключение экспертизы, согласно этой точки зрения, есть приговор по вопросам, для уразумения которых необходимы специальные познания,—приговор, входивший в оценку которого следователь и суд не могут и не должны потому, что не обладают такими специальными познаниями. Такое значение, однако, имеют заключения экспертов, основывающих свое заключение на науке. Эксперты именно этой категории, по мнению проф. Владимирова, суть научные судьи. «Суд самостоятелен в выборе экспертов. Но раз последние выбраны, судья следует за ними, как слепой за своим поводырем». Что же касается другой категории экспертов, основывающих свои заключения на опытности в каком-либо ремесле, занятии или промысле, то они являются не судьями, а «справочными свидетелями», объяснения которых могут быть вполне усвоены и оценены судом. Согласиться с правильностью этой точки зрения невозможно. Она возвращает нас к теории формальных доказательств, придавая предустановленное значение заключению экспертов первой категории. Она игнорирует при этом глубокое отличие между деятельностью экспертов, которые вправе воздержаться от категорического заключения, когда данные представляемой ими науки или специальности не дают оснований для категорического заключения, и деятельностью суда,

который законом обязывается дать обычно в краткий срок категорический ответ по вопросу о виновности подсудимого. Точка зрения эта не отличается и последовательностью, поскольку она признает обязательность для суда лишь заключения экспертизы медицинской или психиатрической, между тем как не менее сложные и существенные для дела вопросы могут возникнуть и в других областях.

Неправильна и точка зрения, рассматривающая экспертизу, как вид свидетельского показания или судебного осмотра. Между свидетелем и экспертом глубокие различия. Свидетель—заменяем, так как дается обстоятельствами дела, которые он наблюдал, эксперт—заменяем, так как дается знанием той или иной специальности. Свидетель дает показание о факте, который он наблюдал случайно, во всяком случае—не по поручению суда, эксперт же дает свое заключение о фактах, которые он наблюдает по поручению судебно-следственного органа. Этот признак отличает эксперта и от сведущего свидетеля, с которым сходится обладанием специальными знаниями. От свидетеля требуется показание о наблюдаемом факте, на свидетеля не возлагается никаких иных действий; эксперт же, по поручению судебно-следственных органов, производит осмотры, исследования, наблюдения. Свидетелем может быть только физическое лицо, экспертиза может поручаться коллегии лиц, учреждению (например, заключение врачебного персонала психиатрической больницы по вопросу о вменяемости, заключение кабинетов научно-судебной экспертизы и т. п.).

Неправильность отождествления экспертизы и судебного осмотра (Спасович, Фейербах) ясна из того, что в целом ряде случаев экспертиза не сопровождается никакими осмотрами. Например, эксперту предлагается дать заключение по вопросу о степени опьянения данного лица в условиях, когда почему-либо личный осмотр уже невозможен и когда заключение приходится давать на основании показаний обвиняемого или свидетелей, или по вопросу о том, сколько прожил потерпевший после полученной им смертельной раны, опять-таки в условиях, когда личный осмотр потерпевшего почему-либо уже невозможен.

Поэтому единственно правильный взгляд на процессуальную природу экспертизы тот, который рассматривает экспертизу, как самостоятельный вид уголовно-судебных доказательств.

Этот взгляд и разделяется современным доказательственным правом, разделяется и советским доказательственным правом (См. ст. ст. 67 и 323 УПК УССР, ст. ст. 58, 298 и 319 УПК РСФСР и др., а также ст. 16 проекта нового УПК РСФСР).

Оценка заключения экспертизы. Отвергая взгляд на экспертизу, как на судебный приговор по специальному вопросу, и рассматривая экспертизу, как самостоятельный вид уголовно-судебных доказательств, мы тем самым признаем, что

оценка заключения экспертизы подчиняется тем же принципам, что и оценка всякого иного уголовно-судебного доказательства, и совершается на основании внутреннего свободного убеждения следователя и судьи. Из того факта, что у следователя и судьи нет тех специальных знаний, какие имеются у эксперта, следует только то, что следователь и суд не разрешает без помощи и заключения экспертизы соответствующих вопросов, но из этого не следует, что помощь и заключение экспертизы должны приниматься следователем и судом слепо,—не критически. Проверка ее может основываться на авторитетности эксперта, на точности и ясности его заключения, подлинности и полноте материала исследования, на согласии между собою нескольких экспертов по одному и тому же вопросу, на согласии экспертизы с обстоятельствами дела. Сопоставление заключения экспертизы со всеми другими установленными по делу обстоятельствами—одно из самых реальных и в то же время во всех случаях необходимых средств, которыми располагают следователь и суд для критической проверки вывода экспертизы. При наличии противоречий между заключением экспертизы и другими доказательствами следователь и суд строят выводы или на других доказательствах, отвергая выводы экспертизы, или на экспертизе, отвергая другие доказательства. Отсюда, в частности, вытекает и (предусматриваемое обычно процессуальным современным правом) право следователя на производство повторной экспертизы в случаях, когда,—в силу ли разноречивых выводов экспертов по одному и тому же вопросу, или в силу того, что заключение экспертов не дало ясного ответа на основные поставленные перед ними вопросы, или в силу каких-либо иных соображений,—возникает серьезное сомнение в достаточной достоверности первой экспертизы.

Таковы совершенно бесспорные теоретические общие положения, касающиеся оценки заключения экспертизы. На практике встречаются неправильные уклоны в оценке, в одних случаях выражающиеся в совершенно некритическом отношении к заключению эксперта, а в других, наоборот, в голословном и необоснованном отклонении выводов эксперта, между тем как, если выводы отвергаются следователем или судом, то это должно быть сделано не на основе каких-то интуитивных мотивов, а на основе конкретных, обоснованных и поддающихся контролю соображений, добытых путем проверки выводов экспертизы и сопоставления их с обстоятельствами дела. Точно также и назначение повторной экспертизы допустимо лишь в исключительных случаях при наличии строго обоснованного и серьезного сомнения в достоверности первой экспертизы и при наличии объективной возможности проверить выводы первой экспертизы путем обращения к другой, более авторитетной и квалифицированной.

Приведем иллюстрацию не критического отношения к заключению экспертизы в стадии предварительного расследования и тех последствий для дальнейшей судьбы дела, которые явились в результате такого не критического отношения. Вопрос шел о заключении, на основании данных вскрытия трупа и химического исследования желудка, имело или не имело место отравление. Заключение гласило, что в виду ничтожного количества сулемы, обнаруженной в желудке, сулема могла в желудок попасть случайно уже после смерти. Следовательно счел заключение достаточным основанием для того, чтобы отвергнуть факт отравления. Между тем при критическом отношении к выводу экспертизы, следователь должен был обратить внимание на целый ряд обстоятельств, которые выводы экспертизы ставили под серьезнейший знак сомнения. Прежде всего, следователь должен был обратить внимание на неполноту материала, на основании которого экспертиза строила свой вывод: сердце, желудок и кишечник почему-то не вскрывались, в протоколе вскрытия ни слова не говорилось о печени, почках и других органах, на которые приходится обращать сугубое внимание, когда возникает предположение о возможности отравления; для химического анализа взят был только желудок, в протоколе позабыли упомянуть, в каком растворе и какой концентрации консервировали желудок и что при вскрытии употреблено было в качестве дезинфицирующей жидкости; констатируя, что «девственная плева не цела», протокол вскрытия не давал ни малейшего представления ни о форме девственной плевы и имевшихся на ней разрывов, ни о числе их, ни о степени свежести; говоря о припухлости и кровоподтеках нижней губы и десны, ничего не говорилось о пожизненном или посмертном характере этой припухлости и кровоподтеков и т. д. И вот на основании подобного рода материалов вскрытия, которые ничего, кроме отчаянной путаницы в дело не внесли, строится заключение экспертизы, и заключение это без проверки и слепо принимается следователем.

В результате через некоторое время прокурорский надзор вынужден был предложить произвести эксгумацию и вторичное вскрытие трупа. Было летнее время, когда не только лишний день, но и лишний час кладет на труп неизгладимый отпечаток. К моменту эксгумации труп находился в состоянии сильнейшего разложения, и если первый анализ показал ничтожные следы сулемы, то второй, наоборот, обнаружил ее до 2 граммов, т. е. в таком большом количестве, которое, по мнению повторной экспертизы, исключало возможность как отравления, так и самоотравления. Но это ставило в полный тупик расследование по делу, так как обстоятельства дела были таковы, что покойная могла погибнуть или от отравления или самоотравления. Для того, чтобы рассеять путаницу, созданную крайне неудовлетворительным актом вскрытия трупа, столь же неудовлетворительным

заключением врача, производившего вскрытие, и химической экспертизы, основавшей свое заключение на недоброкачественном и неполном материале, и некритическим отношением к заключениям экспертизы следователя, понадобилась третья экспертиза Ученого Медицинского Совета. Заключение последнего содержит указание на такие существенные недочеты первых экспертиз, что только слепое некритическое отношение могло явиться причиной безоговорочного принятия следователем выводов первых экспертиз. Совсем не требовались какие-либо глубокие специальные познания по медицине для того, чтобы решительным образом эти выводы отвергнуть: для этого достаточно было проявить простой здравый смысл, сопоставить эти выводы с обстоятельствами дела; обратить внимание на явную недостаточность и недоброкачественность материала.

Это — один из многих продолжающих наблюдаться в судебно-следственной практике примеров некритического отношения к заключению экспертов. Можно было бы привести ряд фактов из области расследования дел о растратах и бесхозяйственности, когда слепо на веру принимались выводы некомпетентной и поверхностно произведенной счетоводной экспертизы об огромных якобы недостатках, которые затем опровергались при более глубокой проверке и, вместо огромных недостач, оказывались излишки или недостачи чисто бухгалтерского, а не реального значения.

Все это доказывает, что оценка заключений экспертизы на практике представляет значительные трудности, что нередко фактически проводится теоретически совершенно неприемлемый взгляд на непререкаемость заключения экспертизы. Наряду с этим, наоборот, иногда безосновательно отвергается обоснованное заключение экспертизы и создается ничем неоправдываемая волокита назначением без всякой надобности повторной экспертизы. Чтобы избежать этих крайне отрицательных моментов в оценке экспертизы, помимо определенной квалификации и опытности следователя, помимо внимательного в каждом отдельном случае отношения к делу, необходимо усвоение правильного теоретического положения о том, что заключение эксперта есть самостоятельный вид уголовно-судебных доказательств, критическая оценка которых в ряде случаев представляет несомненные трудности, но тем не менее вполне возможна (и обязательна) и должна производиться теми способами, о которых упомянуто было выше.

Сфера применения экспертизы.

Сферы применения экспертизы по объему своему неодинаковы в различные исторические эпохи. Зачатки экспертизы относятся к каноническому и следственному процессу, но тогда сфера применения экспертизы преимущественно ограничивалась делами об убийствах и ранениях. Рост и специализация знаний постепенно расширили и продолжают расширять сферы применения экспертизы. Не только медицинские

науки, но и прочие науки, и не только науки, но и искусства, ремесла начинают все шире привлекаться на помощь судебно-следственным органам. Мы имеем в настоящее время огромное разнообразие видов экспертиз—медицинской, психиатрической, каллиграфической, дактилоскопической, химической, и т. д. Переход от военного коммунизма к новой экономической политике, рост товарооборота, постепенное изживание царившего в первое время хаоса в учете и отчетности, денежная реформа, необходимость усиления борьбы с хозяйственными и должностными преступлениями, сложность и трудность задачи расследования их в ряде случаев—все это обусловило, в частности, обострение потребности советского уголовного процесса в бухгалтерской и экономической экспертизе, нашедшее свое отражение в ряде официальных постановлений и директив НКЮ и Верховного суда.

Все возрастающее расширение сферы применения экспертизы исключает возможность и целесообразность детализации и конкретного исчерпывающего перечня поводов, при наличии которых может или должна привлекаться экспертиза. Достаточно ограничиться, как правило, общей формулировкой условий, при которых необходимо привлечение эксперта. Так оно и делается современными процессуальными законодательствами. Случаи обязательности для суда назначения экспертизы по УПК РСФСР ограничиваются, а) необходимостью установления причин смерти, б) характера телесных повреждений, в) психического состояния обвиняемого или свидетеля,—да и то обязательность в этих случаях приглашения экспертизы не безусловна и ограничена «когда у суда или следователя возникает относительно этого какие-либо сомнения».

Уменьше, на основе общей теоретической и законодательной формулировки условий необходимости привлечения экспертизы и на основе конкретной ситуации, создающейся при расследовании того или иного дела, в необходимых и экономных рамках использовать экспертизу для целей раскрытия истины—одна из существеннейших предпосылок удовлетворительного расследования и правильного разрешения дел.

Недочеты судебно-следственной практики в области использования экспертизы. Помимо указанных выше неправильностей в оценке экспертизы, ряд недочетов продолжает наблюдаться и по другим моментам использования экспертизы. Так же, как это мы видели в отношении свидетелей, в некоторых случаях мы имеем непривлечение экспертизы тогда, когда привлечение ее диктуется существом дела—с одной стороны, и, наоборот, излишества в пользовании экспертизой—с другой. Возьмем несколько примеров преимущественно из области бухгалтерской экспертизы не потому, что аналогичных недочетов нет по линии других видов экспертиз, но потому, что бухгалтерская экспертиза сравнительно более молода, и относящиеся к ней вопросы пока весьма слабо разработаны в нашей юридической литературе.

Анализ неоднократных директив НКЮ и Верховсуда по вопросам бухгалтерской и экономической экспертизы вскрывают перед нами прежде всего наличие недочетов первой группы, т. е. непривлечения бухгалтерской и экономической экспертизы в необходимых случаях, в результате чего был отменен кассинстанциями ряд приговоров суда. Выводы ревизии или показания свидетелей о наличии материального ущерба и размерах ущерба принимались как нечто безусловно достоверное, между тем как наличие материального ущерба, так и его размеры требовали проверки при помощи специальных бухгалтерских, а иногда и экономических знаний. Таким же образом, без приглашения компетентной экономической экспертизы, устанавливалось наличие преступной бесхозяйственности в тех случаях, когда предварительно для этого требовалось произвести глубокий анализ рыночной конъюнктуры и баланса предприятия.

Можно сказать, что в первые годы после введения НЭПа бухгалтерской и экономической экспертизе приходилось завоевывать право гражданства в ряду прочих традиционных видов экспертиз. Директивы в большинстве случаев и настаивали на более широком применении бухгалтерской и экономической экспертизы при расследовании дел о хозяйственных и должностных преступлениях.

Но вскоре стали наблюдаться перегибы в противоположном направлении. Мы имеем факты вызова бухгалтеров-экспертов для производства простого арифметического подсчета суммы растрат в то время, как все элементы для такого подсчета выявлены по делу, а стало быть, подсчет свободно мог бы произвести сам следователь. Назначается бухгалтерская экспертиза только для того, чтобы произвести простую проверку соответствия кассовой книги оправдательным документам или товарной книги накладным. Или вызывается бухгалтерская экспертиза для досконального определения суммы растраты в то время, когда в основном эта сумма совершенно ясна и когда уточнение, которое может внести экспертиза, может выразиться всего лишь в нескольких рублях. Мы имеем такие излишества в использовании экспертизы, когда на нее возлагается обязанность приведения в порядок отчетности, составления бухгалтерских книг, заведения отсутствующего в данном учреждении счетоводства и т. д.

Крупным недочетом в использовании экспертизы является, далее, неуказание следователем и судом точной, ясной и определенной границы для исследования при помощи экспертизы, вследствие чего экспертиза далеко уходит от тех основных вопросов, которые являются существенными для дела и для уяснения которых экспертиза только и требовалась.

Таковы основные дефекты в использовании экспертизы, продолжающиеся наблюдаться в судебно-следственной практике.

Не касаясь порядка вызова, вознаграждения и оформления заключения экспертов, порядка ответственности их за ложное заключение, заметим лишь, что здесь приложимо многое, что выше указывалось в отношении свидетелей. В частности, так же, как это отмечалось нами в отношении свидетелей, и здесь приходится подчеркнуть ненормальность пререканий по поводу объема предоставляемого в распоряжение эксперта материала для заключения: в определенных случаях соображения тайны предварительного расследования и экономии могут обусловить необходимость сужения объема указанных материалов, но, как правило, ставку должно ставить на выбор заслуживающего доверия эксперта, которому должны быть предоставляемы для ознакомления материалы в объеме, который он признает необходимым для возможности дачи правильного и объективного заключения.

4. ОСМОТРЫ.

Личный осмотр суда и его значение.

Лучшим средством познания истины в уголовном деле—является личное непосредственное наблюдение исследуемых фактов со стороны суда. Однако, суд, естественно, не может личным осмотром воспринять всю картину совершившегося преступного деяния. Преступное событие совершилось в прошлом, оставив лишь некоторые сохранившиеся следы во внешнем мире (на месте преступления, в обстановке и имуществе, на вещественных предметах и на людях и т. п.) и во внутреннем восприятии живых людей (в памяти свидетелей, подсудимого). Только некоторые немногие фактические обстоятельства, как следы прошлого,—могут быть установлены путем такого процессуального действия—как личный осмотр суда.

При предварительном расследовании орган расследующий имеет возможность произвести осмотр места преступления, осмотр трупа, освидетельствование и т. п. Эти осмотры, произведенные в целях установления тех или других обстоятельств совершения преступления, создают в исследующем уверенность в наличии того или другого факта, как доказательства в деле. Личным непосредственным осмотром яснее постигается истина и достоверность факта.

Суд же не всегда может получить доказательство и убедиться в достоверности исследуемого факта путем личного непосредственного осмотра: следы преступления и объективная обстановка события, насколько было возможно в порядке предварительного расследования, ранее зафиксированы, и суд только посредственным путем по протоколам осмотра воспринимает на судебном следствии исследуемые факты. В редких случаях суд может, однако, произвести осмотр места преступления для получения личного впечатления об обстановке, в которой было совершено пре-

ступление. Такой способ получения доказательств судом—путем непосредственного наблюдения—предусмотрен и нашим УПК.— «В случае необходимости для производства осмотра выезда на место преступления, суд может поручить производство такового одному из членов суда, либо в назначенное для этого время выезжает туда в полном составе». (301 ст.).

**Условия произ-
водства осмотра
в процессе пред-
варительного
следствия.**

Естественно, что личный осмотр для суда может иметь более доказательственное значение, чем ознакомление с местом совершения преступления по протоколам органов расследования. Чтобы в глазах суда эти протоколы имели значение достоверных доказательств, суду нужна уверенность, что эти протоколы отражают действительные факты в том виде, как они были обнаружены.

Поэтому процессуальный закон требует соблюдения известных правил, относящихся к производству осмотров в порядке предварительного расследования. Сущность этих правил сводится в общих чертах к тому, что осмотры и освидетельствования, кроме случаев, не терпящих отлагательства, производятся днем, что в протоколе осмотра или освидетельствования описывается все в той последовательности, в какой осматривалось и открывалось и в том именно виде, в каком оно в момент осмотра находилось, и что для участия в этих актах приглашаются понятые, которые являются как бы свидетелями, удостоверяющими правильность того, что было найдено при осмотре (190, 192, 194 ст. ст. УПК).

Помимо этого, согласно действующему УПК—право личного осмотра и освидетельствования по уголовным делам принадлежит исключительно лицам, специально на то уполномоченным (органы первоначального и предварительного расследования, т. е. органы дознания и следствия).

**Осмотр простой
и квалифициро-
ванный.**

Ясно, что соблюдение этих условий гарантирует наибольшую объективность осмотра, как акта, воспроизводящего действительность и дающего достоверность описанного в протоколе. Являясь для суда посредственным или производным доказательством, протокол осмотра тем не менее приобретает для суда значение такого доказательства, к которому суд может отнестись с полным доверием в смысле признания описанных в нем фактов соответствующими действительности, так как этот осмотр произведен в условиях, обеспечивающих достоверность наблюдавшегося факта и при том официальным уполномоченным на то органом. Поэтому, на наш взгляд, не правы те юристы, которые рассматривают протокол осмотра, как «своего рода свидетельское показание лиц, его подписавших» (Владимиров). Сравнительная достоверность этого вида доказательства, как имеющего наиболее объективный характер и удостоверяемого официальным органом, несомненно, для суда должна представляться более высокой, чем передача суб'ек-

тивных впечатлений свидетелями. Таково значение простого акта осмотра, как уголовно-судебного доказательства.

Тем большее значение для суда может иметь акт, так называемого квалифицированного (или сложного) осмотра, т. е. такого, который произведен с применением к этому акту научно-технических приемов или с привлечением квалифицированных сил, т. е. специалистов или сведущих людей (осмотры при участии «сведущих свидетелей», как называют их германские процессуалисты). Последние, естественно, в силу своего опыта и знаний могут лучше и правильнее сохранить и закрепить все найденное при осмотре в том виде, как оно находилось в действительности.

Осмотр пальцевых отпечатков, оставленных совершителем на месте преступления при помощи дактилоскопирования; фотографическая съемка места совершения преступления или нахождения трупа; осмотр орудия, оставленного на месте преступления, при участии специалиста по оружию или слесаря, — дадут в результате более наглядный и убедительный, т. е. более достоверный доказательственный материал для суда, чем если бы осмотр места преступления с указанными особенностями был произведен органом расследования без применения квалифицированных приемов и без участия специалистов — людей опыта и техники.

Процессуальные правила не указывают подробно пределов исследования при производстве осмотра и не перечисляют всех средств, которыми должен воспользоваться орган расследования в том или другом случае для установления возможно более достоверных доказательств. Да это было бы и невозможно в виду чрезвычайного разнообразия фактической обстановки преступлений, которую необходимо бывает осмотреть и описать в протоколе, чтобы представить суду доказательственный по делу материал. Однако, в процессуальном законе содержатся общие положения, допускающие для органов предварительного расследования установление данных осмотра, — путем квалифицированного осмотра в целях получения наиболее доказательственных материалов. Допускается, как общее правило, в необходимых случаях приглашение лиц, обладающих специальными познаниями в науке, искусстве или ремесле, а при осмотре трупов и освидетельствованиях — приглашение врачей специалистов (63, 193 ст. ст. УПК). Если протоколы следственного осмотра допускаются в процессе исследования в качестве судебных доказательств, то естественно, какое важное значение для суда может иметь акт такого осмотра, который произведен в условиях, обеспечивающих наиболее полное, точное и объективное воспроизведение внешних фактов, обнаруженных при осмотре.

В литературе существует мнение, по которому «осмотр вовсе не есть вид доказательств, а лишь способ, посредством которого суд может получить нужный ему доказательственный мате-

риал; таким материалом могут быть или письменные или вещественные доказательства» (Фойницкий). Не отвергая этого тонкого материального различия между доказательственными фактами и «способами» их установления, следует однако отметить, что если при предварительном расследовании о с м о т р есть способ получения доказательственного материала, то протокол этого осмотра на судебном следствии является уже доказательством в полном значении этого слова, т.-е. письменным «посредственным» материалом, которым доказываются определенные факты, установленные осмотром.

Во всяком случае, значение осмотров и освидетельствований (которые являются также особым видом квалифицированного осмотра), получивших свое отражение и оформление в письменных актах,—как доказательств в деле, не подлежит сомнению.

Недочеты органов расследования в отношении актов осмотра.

Судебно-следственная практика дает нам весьма частые примеры того, как органы расследования, не придавая особого значения производству тщательного объективного осмотра места преступления,—допускали непоправимые ошибки и лишали суд возможности получить ценный доказательственный материал на судебном следствии. Несколько таких примеров читатель может найти в указанной выше нашей книге «Искусство расследования преступлений».

Недочеты органов расследования в этом отношении отмечались и УКК Верховсуда. В частности и в Инструктивном письме 1926 г. № 1 обращено внимание на неправильное использование органами дознания подлежащих осмотру и исследованию письменных материалов по делам о хозяйственных преступлениях: УКК констатирует, что собираемый «весьма важный для дела доказательственный материал» органами дознания и следствия весьма часто приобщался к делу совершенно непроработанным, т.-е., значит, без предварительного тщательного осмотра этого материала, отбора его и оценки его доказательственного значения.

5. ВЕЩЕСТВЕННЫЕ И ПИСЬМЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА.

Значение вещественных предметов, как доказательств в уголовных делах.

Значение в процессе судебного исследования всякого рода вещественных предметов, как доказательств по уголовному делу—не подлежит сомнению. Всякое общественно-опасное деяние есть ничто иное, как ряд действий человека, совершенных им в мире вещей, в области предметов материального, вещественного внешнего мира. Этим действиям сопутствуют те или другие изменения во внешней природе, в обстановке, среди которой совершено преступление, в вещах и на живых людях, среди которых оперировал совершитель

преступления. Действия его оставили тот или другой след на этих предметах вещественного мира и сохранили на этих предметах те или другие признаки, по которым мы можем сделать заключение о связи этих предметов с исследуемым преступным действием.

Деление вещественных доказательств.

Вещественные доказательства можно разделить на следующие категории.

1) Вещественными доказательствами являются предметы, которые служили орудиями совершения преступления. В этом смысле под понятие вещественного доказательства подойдут бесчисленные неодушевленные предметы, при помощи которых преступник совершил преступление: палка, ударом которой совершено убийство, револьвер, из которого сделан выстрел в убитого; пуля, извлеченная из трупа убитого, отмычка, стамеска или специальный механизм или аппарат для разрушения непроницаемых стен, при помощи которых подсудимый произвел взлом при совершении кражи; бумага, литографский камень и краски, которыми пользовался подсудимый при подделке знаков государственной оплаты и т. д.

2) Далее, вещественными доказательствами являются предметы, которые сохранили на себе следы преступления, как например,—одежда, на которой сохранились следы крови, брызнувшей из трупа убитого; следы ног и рук, которые оставил на земле или на предметах совершитель преступления, следы ранений и царапины, причиненные им потерпевшему или самому себе при совершении преступления, знаки взломов, оказавшиеся на двери или на окне; клочки одежды, пуговица, окурки папиросы, оставленные или брошенные на месте преступления совершителем его,—все это может служить средством доказывания исследуемого преступного факта, как сохранившее следы пребывания или действий преступника.

3) Предметы, которые были объектами преступных действий обвиняемого, также являются вещественными доказательствами: похищенная вещь, отобранная от подозреваемого; труп убитого, как результат насильственных действий подсудимого; полуобгорелое строение, поджог которого совершил подсудимый,—все эти объекты преступных действий могут служить доказательствами факта совершения преступления.

4) Наконец, под понятие вещественных доказательств подойдут все другие предметы и документы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления и открытия виновных. Таковыми могут быть подложный документ и образцы почерка обвиняемого, предметы одежды и вещи, которые когда-то были в употреблении обвиняемого и принадлежность которых может служить средством установления личности совершителя преступления; записка, написанная подсудимым задолго до совершения

преступления или после того и устанавливающая какую-либо связь с его преступными действиями, дневник подсудимого и т. п.

Наш УПК, давая определение понятия «вещественное доказательство», подводит под это понятие все указанные четыре категории вещественных предметов, непосредственный или посредственный осмотр которых судом может дать на судебном заседании весьма ценный доказательственный по делу материал (66 ст.).

Некоторые из предметов, являющихся вещественными доказательствами, могут быть обнаружены в процессе расследования и изъяты для представления их суду в качестве доказательственных материалов. Другие в виду их объема, громоздкости или физической невозможности превращения их в обособленные предметы и сохранения их не могут быть представлены в суд (взлом в стене, труп, раны на теле и т. п.) и должны быть осмотрены и описаны в протоколе в процессе предварительного расследования. В этом последнем случае доказательствами, удостоверяющими при помощи вещественных предметов те или другие факты, для суда будут служить, как указано ранее, протоколы осмотров, составленные в момент обнаружения этих предметов органами расследования. В остальных случаях представленные на суд эти вещественные предметы могут быть обзриваемы судом непосредственно.

Поличное, как вещественное доказательство. Как частный вид вещественных доказательств, в уголовном процессе рассматривается «поличное», т.-е. вещь, с которой подозреваемый в преступлении застигнут на месте преступления в момент его совершения, и которая таким образом как бы с несомненностью изобличает (поличает) его. Задержание с поличным и отображение этого поличного для представления суду—усиливает как бы в глазах суда достоверность подозрения против этого лица. Представленное суду поличное (вещь), конечно, дает суду большую уверенность в основательности подозрения против данного лица, чем если бы только свидетелями было удостоверено перед судом, что этого подозреваемого видели бежавшим с этой вещью от места совершения преступления.

Способы получения вещественных доказательств в процессе расследования и суда и их оценка. К вещественным доказательствам относятся не только те предметы, которые находятся на месте преступления или отбираются от подозреваемого при задержании его с поличным, но и все те вещественные предметы, которые могут быть добыты путем обысков и выемок или доставлены посторонними или участвующими в деле лицами, как в процессе предварительного расследования, так и при судебном разбирательстве. Ценность предмета, как вещественного доказательства, заключается не в том, что он найден на месте преступления или отобраян у подсудимого, а в том, что наличность его в дан-

мом уголовном деле связана естественной и действительной связью с исследуемым делом и что этот предмет доказывает или подтверждает тот или другой исследуемый факт.

Совершена кража облигаций внутреннего займа. У подозреваемого в этой краже найдена пачка облигаций. Они отобраны и приложены в качестве вещественных доказательств. Но при осмотре их устанавливается, что номера их не совпадают с похищенными. Эти облигации не принадлежат потерпевшему. Может быть, они также похищены у другого лица, а может быть, добросовестно приобретены подозреваемым; это не важно для данного дела. Но эти отобранные у подозреваемого облигации не являются вещественными доказательствами по данному делу: факт обнаружения их у подозреваемого не стоит ни в какой связи с фактом кражи облигаций, имеющих совсем другие номера.

Ложные вещественные доказательства. Кроме того вещественное доказательство может иметь ложный характер и приобщено к делу расследуемым органом ошибочно.

В приведенном в главе VII примере по делу об убийстве— были приобщены в качестве вещественного доказательства башмаки учителя, которые подошли к следу убийцы, оставленному последним на топкой тропинке близ хутора, где совершено убийство. При тщательном осмотре подошв башмаков, оказалось, что подошвы этих башмаков, близко совпадая с рисунком следа каблучков на земле, не вполне совпадают, однако, в передней части: носки башмаков в округлении имеют совсем другую форму, чем след на сырой земле. Это, таким образом, недействительное ложное вещественное доказательство для данного дела. Впоследствии это и подтвердилось, когда был найден истинный виновник этого убийства, башмаки которого в точности по всем приметам совпали с отпечатком следа.

Меры обеспечения достоверности вещественных доказательств. Огромное значение, которое имеют для суда добытые при расследовании и представленные в судебное заседание вещественные доказательства, которыми доказывается достоверность данного исследуемого факта или виновность подсудимого или, наконец, устанавливается с несомненностью средство или орудие совершения исследуемого преступления, обязывает расследующие органы с чрезвычайной осторожностью относиться к своей работе по собиранию относящихся к делу вещественных доказательств.

Поэтому необходимо требовать, чтобы в процессе исследования были приняты меры к добыванию таких вещественных предметов, которые могли бы иметь действительно доказательственное значение, и чтобы они могли быть сохранены для представления в суд и ограждены от всяких возможных изменений, порчи или пропажи. Только при условии соблюдения целого ряда правил вещественные доказательства могут быть приняты

судом за достоверные доказательства и положены в основу убеждений, на которых строится приговор.

Наш УПК требует, чтобы вещественные доказательства при их нахождении были подробно описаны и приобщены к делу особым постановлением, т.е. таким актом, в котором должно быть указано значение для дела данного вещественного доказательства. Далее, вещественные доказательства опечатываются, (даже «по возможности фотографируются») во избежание возможных изменений их внешнего вида до суда (67 ст.). На суде осмотр вещественных доказательств может иметь место как по инициативе суда, так и по ходатайству сторон в любой момент судебного следствия в зависимости от хода его (299 ст.).

Точное соблюдение всех этих условий ограждает суд от ошибочных выводов по поводу значения в деле тех или других вещественных предметов и дает возможность суду составить правильное убеждение в достоверности фактов, которые доказываются этими вещественными доказательствами.

Принятие мер, гарантирующих собирание имеющих действительное значение вещественных доказательств и сохранение их, требуется процессуальным законом и в случае обнаружения вещественных доказательств путем обыска и выемки. И при таких способах установления вещественных доказательств орган расследования обязан ограничиться отображением предметов и документов, имеющих лишь непосредственное отношение к делу. Отбираемые предметы должны быть предъявляемы понятым и присутствовавшим лицам, а затем на месте обыска и выемки немедленно опечатываются (182—184 ст. ст.).

В связи с наблюдавшимися в следственной практике ошибками, УКК Верховсуда и НКЮ неоднократно подтверждали категорически основное требование в отношении вещественных доказательств: чтобы материалы и предметы, не имеющие никакого отношения к делу, не приобщались к делу, чтобы в качестве вещественных доказательств приобщались только такие предметы, наличие которых является безусловно необходимым для разрешения дела (Инструктивн. письмо УКК Верховсуда РСФСР № 1—1926 г., Цирк. НКЮ 18 августа 1927 г. № 153 и др.).

Письменные доказательства и их виды.

Письменные доказательства представляют особый вид доказательств, и понятие их не всегда совпадает с понятием вещественных доказательств. Всякого рода письменные документы, которые могут быть представляемы в удостоверение каких-либо фактов в уголовном деле, следует разделить на три категории.

1) Документы, которые наряду с другими вещественными предметами, сами по себе удостоверяют своим нахождением какой-либо факт, подлежащий исследованию в данном деле,— должны быть отнесены к вещественным доказательствам. Подложный документ или книги и расписки, содержащие записи

о принятии кассиром на хранение вверенных ему сумм—являются вещественными доказательствами по делу о подлоге и растрате: ими устанавливаются факты подлога и растраты, составы исследуемых деяний и доказываются преступные действия обвиняемых. Найденные на месте совершения убийства оброненный совершителем этого преступления его профсоюзный билет или какой-либо другой документ, находившийся при нем,—являются по этому делу вещественными доказательствами наравне с найденным здесь же орудием убийства—ножом, которым совершено убийство. Этими документами доказывается нахождение этого лица на месте преступления в момент совершения его. В связи с другими фактами, подлежащими проверке, эти вещественные доказательства могут убедить суд в достоверности факта совершения убийства именно владельцем этих документов. Это—первичные непосредственные доказательства, личным осмотром которых суд убеждается в существовании или несуществовании исследуемых фактов.

2) Такие документы, которыми удостоверяются произведенные органами расследования те или другие процессуальные действия, относящиеся к установлению доказательств, как, например, протокол обыска, осмотра трупа, осмотра местности, осмотра документа, освидетельствование обвиняемого и т. п.,—не могут быть признаны «вещественными» доказательствами. Но эти документы—тем не менее письменные доказательства, хотя и посредственного характера. Суд на основании ознакомления с ними, хотя не лично и не непосредственно, но получает доказательства в удостоверение тех или других исследуемых фактов. Если эти протоколы составлены с соблюдением установленных, указанных выше, процессуальных правил, суд может с полным доверием отнестись к ним, как к доказательствам, и признать за ними достоверность, равную той, которую суд получил бы, если бы лично произвел обыски, сам осматривал труп, местность, документ и т. д. Но, во всяком случае—по своему источнику—это—доказательства посредственные или производные и с теоретической точки зрения имеют меньшую степень достоверности, чем вещественные доказательства, обзриваемые судом непосредственно.

К этому же виду письменных доказательств относятся протоколы, содержащие показания свидетелей и обвиняемых и заключения экспертов, данные этими лицами на предварительном следствии. По общему правилу процессуального закона, при господстве принципа устности и непосредственности судебного процесса,—свидетели, обвиняемые и эксперты должны быть лично выслушаны судом без отношения к содержанию тех показаний и мнений, которые эти лица дали при предварительном расследовании. Однако, это правило допускает по нашему процессуальному законодательству исключения. Для установления матери-

альной истины в деле, в целях полного и всестороннего выяснения обстоятельств дела,—суд может огласить письменные показания подсудимых в случае противоречия их показаний, данных на судебном следствии, с показаниями, данными ими на предварительном следствии, в случае отказа подсудимого от дачи показания на суде, а равно в случае отсутствия на суде подсудимого или смерти одного из подсудимых, дело которых слушается (294—296 ст. ст.). Точно также суд имеет право огласить показания свидетелей, данные ими на предварительном следствии, в случае запятования ими каких-либо обстоятельств или при наличии противоречия судебного показания свидетеля о показанием, данным им на предварительном следствии; наконец, может быть оглашено и показание неявившегося в суд свидетеля. То же самое допускается и в отношении прочтения заключения эксперта, данного при предварительном расследовании (296—299 ст. ст.).

3) Наконец, к третьему виду письменных доказательств должны быть отнесены все остальные многочисленные виды документов, которые представляются в суд для доказательства тех или других обстоятельств, имеющих отношение к делу. Сюда следует отнести всякого рода удостоверения, акты и справки, исходящие от должностных мест и лиц и общественных организаций и т. п. Подобного рода письменным доказательством могут быть, например, справка о времени службы в учреждении подсудимого, удостоверяющая его служебный стаж, сведения о прежней судимости подсудимого, акт ревизионного или иного обследования, характеризующий прежнюю деятельность подсудимого; уведомление кредитного учреждения о состоянии вкладов на имя подсудимого, выписки из журналов заседаний хозяйственных органов, отмечающие какие-либо стороны деятельности подсудимого, акты научно-технических кабинетов и органов здравоохранения о результатах лабораторных исследований вещественных доказательств, рекомендация, выданная подсудимому какой-либо организацией, и тому подобные письменные сведения, имеющие большею частью второстепенное значение для дела.

Пределы использования письменных доказательств в уголовном процессе и их оценка.

Часть подобных письменных доказательств обычно добывается и приобщается к делу органами предварительного расследования, часть доставляется к делу обвиняемыми до суда или уже во время рассмотрения дела судом. Поскольку сведения, содержащиеся в таких документах, могут иметь какое-либо доказательственное значение, постольку они могут приниматься судом к рассмотрению. Общее же положение теории таково, что «в уголовном процессе нет и не может быть письменных актов, имеющих обязательную силу для суда» (Владимиров).

Хотя, однако, оценка значения и силы этих документов, как письменных доказательств, и зависит от внутреннего убеждения суда, как и всех вообще доказательств,—но следует сказать, что ценность их в значительной степени зависит от степени доверия суда к источнику, из которого они исходят и от уверенности суда в их подлинности.

Вообще же наш закон представляет суду сравнительно с другими законодательствами широкое использование письменных доказательств всякого рода. При рассмотрении дел в губсуде, стороны имеют право ссылаться в прениях на все имеющиеся в деле документы и показания, независимо от того, оглашались или не оглашались в судебном заседании означенные документы и показания (396 ст.).

Письменные документы по нашему УПК могут быть представляемы суду даже свидетелями во время судебного заседания, и если они имеют отношение к исследуемому событию, могут судом быть приобщены к делу (293 ст.). Стороны могут представлять суду до начала прений всякие новые доказательства, значит и письменные, не бывшие в рассмотрении на судебном следствии (305 ст.).

Таким образом мы видим, что область материальных предметов (вещественных и документальных), подлежащих рассмотрению суда, весьма обширна, и значение их, как доказательств в деле,—весьма велико. За ними правильно признается большая доказательственная сила и достоверность, чем, например, за свидетельскими показаниями. «Они как бы свидетели совершившегося, неспособные к тому же вводить судью умышленно в обман, как то в состоянии делать свидетели, а потому имеют много таких преимуществ в смысле доказательств, каких не имеют свидетельские показания». (Случевский).

Г Л А В А XII.

Особенности применения норм доказательственного права в стадии предварительного расследования уголовных дел.

Сравнительная сложность и длительность процессов работы органов расследования, подготовляющих доказательственный материал для суда.

Применение теоретических положений учения об уголовно-судебных доказательствах, положенных в основу доказательственного права, имеет, как мы видим, одинаково важное значение во всех стадиях уголовного процесса: как в стадии предварительного расследования, так и в стадии судебного рассмотрения дела. Основные методы установки и оценки доказательств и на предварительном, и на судебном следствии—одни и те же.

Однако, из изложенного выше не трудно убедиться, что специфические особенности и черты, отличающие процесс предварительного расследования уголовных дел от судебного рассмотрения их, резко разграничивают техническую, если так можно выразиться, работу органов расследования по установке и оценке доказательств, от такой же работы суда.

Если мы припомним, что целый ряд доказательств до их проверки и оценки их судом в условиях устности и гласности процесса добывается и закрепляется в протоколах в стадии первоначального предварительного расследования, в условиях розыскного процесса, то для нас будет ясно, что техника применения норм доказательственного права в этой стадии движения уголовных дел имеет некоторые специфические особенности. Эти особенности обуславливаются общим характером построения нашего уголовного процесса. Наш процесс характеризуется в основном прежде всего тем, что он «построен на предоставлении широких возможностей обвиняемому на суде и на максимальном сжатии этих возможностей к защите до суда». (Крыленко «Суд и право в СССР»). Это объясняется в свою очередь соображениями классового характера. При построении нашего уголовного процесса в основу была положена мысль о необходимости всемерной преимущественной охраны интересов коллектива, интересов пролетарского общества во всех тех случаях, где эти интересы сталкиваются с интересами отдельной личности.

Поэтому интересы подсудимого в процессе были признаны подлежащими охране постольку, поскольку это не противоречит охране интересов рабочего класса, и техника предварительного расследования была построена так, чтобы она лишь в наименьшей степени сопровождалась ограничением прав и отягчением положения лиц, привлеченных до суда. «Условия классовой борьбы, в которых мы живем, говорит т. Крыленко,— условия живой действительности, которая нас окружает, интересы обеспечения диктатуры рабочего класса в период строительства им коммунистического общества—категорически требуют от нас того, что в случаях коллизии интересы личности должны в наших глазах отходить на второй план. Нельзя допустить такого построения следственного производства, при котором бы рабочий класс предоставил своим заведомым врагам сознательно все возможности борьбы, уклонений от репрессий и сокрытия преступлений в момент, когда весь общественный порядок отнюдь еще не представляет собой устоявшегося и оформившегося общественного строя, когда он видит перед собой классовых врагов, для которых все средства к уничтожению данного общественного порядка хороши..... Наш процесс поэтому строится на основе своеобразного компромисса между обеими точками зре-

ния, однако, с явным превалярованием точки зрения охраны интересов целого прежде всего».

При указанном построении нашего уголовного процесса, предварительное расследование ведется негласно. Доказательства по делу собираются в отсутствии обвиняемого; и следователь не обязан предоставить обвиняемому право присутствовать при следственных действиях. Правда, в момент допроса привлеченного обвиняемого последний может узнать некоторые доказательственные данные по делу из постановления следователя о привлечении, но полное ознакомление со всем следственным материалом предоставляется ему только по окончании расследования при предъявлении ему следственного производства. Защита в стадии предварительного следствия не допускается.

Таким образом, процесс собирания и оценки доказательств происходит на предварительном расследовании негласно и не при участии «сторон», как это производится на судебном следствии. Расследующий подготавливает для суда весь доказательственный материал по делу единолично. Помимо этого, весь порядок предварительного расследования установлен такой, что он открывает расследующему органу большие возможности планировать свою работу во времени, постепенно расширяя область исследования не только путем проверки добытых доказательств, но и нащупывая все время новые и новые пути к установлению доказательств, впредь до полного выяснения всех обстоятельств дела. Поэтому деятельность органов расследования преступлений, направленная к собиранию и исследованию доказательств, естественно, представляет более сложный и длительный процесс, чем деятельность суда, заканчивающаяся приговором, основанным на проверке и оценке доказательств, добытых предварительным расследованием.

Для органов расследования предоставляется более свободное и широкое поле и для оценки доказательственных фактов, собираемых по делу. Эти органы, подготавливая доказательственный материал для суда, дают только как бы временную предварительную оценку добываемых доказательств и при том в различные моменты расследования, часто в целях обоснования тех или других предварительных мероприятий по расследованию. При составлении, например, постановлений о привлечении обвиняемого, о мере пересечения и т. п.—орган расследования входит в оценку предварительно добытых доказательственных фактов, как бы временно принимая их за достоверные впредь до окончательной проверки и оценки их судом. Помимо этого, при производстве некоторых действий по расследованию, напр., при производстве обыска или выемки, осмотра и т. п.—орган расследования имеет целью указанными действиями только еще найти, обнаружить или добыть доказательства, ценность которых представляется в данный момент пока

проблематичной. Все это, вместе взятое, придает специфический характер работе органов предварительного расследования по добытию доказательств и обработке доказательственного материала, налагая в то же время на органы расследования обязанности тщательнейшим образом и с особенной осторожностью использовать предоставляемые им возможности по исследованию доказательств. Следует помнить, что добытый недоброкачественный доказательственный материал и ошибочная оценка его при предварительном расследовании—может извратить перспективу всего дела и в дальнейшем лишить суд возможности установить материальную истину.

Правда, суд впоследствии в отдельных случаях может восполнить пробелы и дефекты предварительного расследования—путем получения и проверки новых доказательств, представленных в судебное заседание, но на такой удачный исход рассчитывать не всегда бывает можно. Чаще эти недочеты, ошибки и дефекты предварительного расследования оказываются за пропуском времени непоправимыми, и суду, чтобы не решать дело на основании недоброкачественного или неполного материала, приходится возвращать дело к доследованию.

Специфические особенности техники по применению норм доказательственного права в стадии предварительного расследования, в связи с исключительными трудностями, которые встают перед органами расследования в процессе добывания ими, исследования и оценки доказательств—дают нам основание в последней заключительной главе сделать попытку в связи с обобщением изложенного выше материала дать практические указания, пользуясь которыми органы предварительного расследования могли бы правильнее планировать свою работу и легче преодолеть указанные трудности.

В соответствии с принятым нами делением доказательств на отдельные категории, и в процессе предварительного расследования следует различать методы установления доказательств и способы их оценки—в зависимости от различного характера и природы этих доказательств.

Показание обвиняемого, как доказательство — в стадии предварительного расследования. Показание обвиняемого на суде, как мы видели, не всегда является надежным доказательственным материалом, в виду тенденции подсудимого извращать в своих интересах истинную картину исследуемого события. Суду приходится прибегать к оглашению показания подсудимого, данного им при дознании или на предварительном следствии, чтобы путем сопоставления внесудебного и судебного показаний подсудимого уяснить истинность и правдоподобие излагаемых подсудимым фактов.

Отсюда для органов расследования вытекает первое основное требование, чтобы при допросе привлеченного обвиняемого, кото-

рый не признает себя виновным в предъявленном ему обвинении, в протоколе были зафиксированы обстоятельно, четко и ясно все обстоятельства и факты, которые выдвигает обвиняемый в доказательство своей невиновности. Эти факты в момент допроса должны быть сопоставлены с обстоятельствами дела, установленными при помощи других доказательств, и в случае очевидного противоречия с ними, обвиняемому должны быть заданы соответствующие вопросы для разъяснения этого противоречия. Таким путем выясняется и устанавливается степень достоверности фактов, удостоверяемых обвиняемым, а, следовательно, и обнаруживается правдивость или лживость его объяснений. Вместе с тем, естественно вопросы, задаваемые обвиняемому, не должны касаться подробностей тех фактических обстоятельств из его объяснений, которые не вызывают сомнения и согласуются с другими доказательственными фактами.

При таких условиях показание обвиняемого даст точные, четкие и ясные ответы по отдельным фактическим моментам дела. И в случае, например, представления обвиняемым на суде нового объяснения о тех же фактах, изменяющего прежнее его показание, суду легче будет дать оценку степени достоверности этого нового показания, как путем сопоставления его с объяснениями, данными обвиняемым при предварительном расследовании, так и с другими данными, не вызывающими у суда сомнения в их достоверности.

В случае признания обвиняемым своей виновности при предварительном расследовании дела, объяснения его должны быть зафиксированы подробно и содержать связный рассказ о всех действиях обвиняемого, из которых последовательно слагается вменяемое ему преступление, которого он не отрицает. Если сознавшийся обвиняемый сообщил факты, которые другими доказательствами еще не подтверждены, эти факты подлежат обязательной проверке. При этом сознание обвиняемого не должно служить основанием к отказу от дальнейшего полного и всестороннего обследования тех обстоятельств дела, которые еще не были выяснены до допроса обвиняемого. Все основные моменты дела (время, место совершения преступления, мотивы, средства и орудия преступления и др. обстоятельства) должны выясняться при помощи установления других объективных доказательств с такой же полнотой, какая требовалась бы существом дела в том случае, если бы сознания обвиняемого по этому делу совсем не было.

Возьмем такой пример. На потерпевшего ночью неожиданно напал в глухом переулке грабитель, быстро нанес потерпевшему удар каким-то твердым предметом по лицу, причинил рану, свалил его, вытащил из кармана бумажник с деньгами и побежал. Потерпевший—сильный человек—встал, оправился, собрался

с силами, догнал грабителя, отнял от него бумажник, задержал и привел в милицию. Потерпевший видел, что во втором этаже дома, около которого произошло нападение, отворилось окно, и на его крик высунулись из окна какие-то лица, которые должны были видеть, как его грабил нападавший. Задержанный во всем признался, подробно рассказал о нападении на потерпевшего вполне согласно с показанием, которое сделал при допросе потерпевший, задержавший грабителя. Сознание обвиняемого, однако, не исключает в данном случае необходимости не только допроса потерпевшего, но и освидетельствования его для установления характера и тяжести причиненного ему грабителем повреждения, а также выяснения личностей тех свидетелей, которые из окна наблюдали происшедшее событие, и допроса этих свидетелей, и наконец, подробного обследования личности задержанного, выяснения его местожительства, занятий и т. п. При отсутствии подробного исследования всех этих обстоятельств дела, суд был бы поставлен в затруднительное положение при оценке доказательств, если бы, например, обвиняемый взял на суде обратно свое признание и объяснил бы, что он подрался в переулке с потерпевшим, который толкнул его при встрече с ним и обругал его, поэтому он и ударил его по лицу кулаком, бумажника у него не вытаскивал, а побежал от него, так как увидел, что он человек сильный; в милиции же сознался потому, что увидел изувеченное им лицо потерпевшего, перепугался и, не желая ему препятствовать, во всем согласился с ним.

Оговор привлеченным обвиняемым других лиц, сделанный при предварительном расследовании, легче проверить, чем оговор, сделанный тем же обвиняемым впервые на суде. В последнем случае подсудимому известны уже в подробностях все обстоятельства дела, известно содержание показаний свидетелей и сведения, полученные из других источников. Поэтому подсудимому легче построить хитросплетенный, но правдоподобный оговор на основе имеющегося обширного материала и тем ввести суд в заблуждение. Между тем на предварительном расследовании обвиняемый не знает в подробностях, что именно уже установлено объективными данными по делу и каким располагает расследование материалом по делу. Поэтому ему труднее надумать оговор, лживость которого не могла бы быть установлена: он может вплести в оговор такие обстоятельства, которые явно противоречат достоверно выясненным фактам и сразу обнаружат лживость его объяснений. Обвиняемый в убийстве, например, делает ложный оговор и говорит, что у него были двое таких-то соучастников, которые подговорили его на убийство и которые сами душили потерпевшего, когда они все проникли в помещение убитого, а он только воспользовался вместе с ними имуществом убитого. Ложность такого оговора нетрудно выяснить, если, например, осмотром следов и всей обстановки на месте преступления (о чем,

может быть, не знает еще обвиняемый) точно установлено, что убийцей был один человек, а не трое, и что оговариваемые им лица уже имелись в виду, как подозреваемые, но их alibi доказано достоверными доказательствами, при чем выяснено, что указаниям этих лиц следствие до некоторой степени обязано обнаружению убийцы в лице обвиняемого.

С другой стороны, истинность оговора, исходящего из искреннего признания оговаривающего обвиняемого, также легче может быть проверена при предварительном расследовании, когда по свежим следам могут быть задержаны и опрошены оговариваемые и установлены факты, указывающие на вероятную прикосновенность оговариваемых лиц к данному преступлению.

Конечно, проверка достоверности оговора, как доказательства, требует от расследующего известной процессуальной сноровки, умения произвести допрос оговорщика и собрать факты, имеющие реальное значение для подтверждения оговора.

В этих целях при допросе оговорщика прежде всего никаких наводящих вопросов последнему не должно быть предлагаемо: необходимо предоставить ему подробно рассказать весь процесс совершения им преступления при участии оговариваемых им лиц, не посвящая при этом оговорщика ни в какие детали, которые установлены уже по делу данными осмотра, нахождением тех или других следов, вещественных доказательств и т. п., если есть основание думать, что эти детали обвиняемому неизвестны. Кроме того, следует выяснить допросом оговорщика или уяснить из других данных дела, что именно могло побудить обвиняемого к оговору, какие выгоды он извлекал из этого оговора для себя, в какой степени мог быть заинтересован он в этом, под влиянием каких событий, фактов или условий могло сложиться у обвиняемого сознание о необходимости выдать своих соучастников и какие отношения или связи были у обвиняемого с оговариваемыми до совершения преступления, когда и где впервые он с ними познакомился и т. д.

Наконец, после допроса оговорщика расследующий должен прежде всего сопоставить содержание оговора с другими, выясненными уже по делу обстоятельствами, и если содержание оговора не опровергается и объективными данными и представляется вероятным, необходимо принять в срочном порядке следственные действия, направленные к проверке тех отдельных фактов, указанных оговорщиком, которые могут дать неопровержимые твердые доказательства по делу: осмотр, обыск, выемку, допрос существенных, незаинтересованных в деле лиц и т. п. В отдельных случаях может потребоваться и немедленное задержание оговариваемых лиц с предварительным допросом их или с оставлением допроса до выяснения обстоятельств, которые временно должны быть сохранены в тайне от оговариваемых.

В этом отношении требуется от расследующего чрезвычайная осторожность и умение быстро планировать в собирании доказательств, подтверждающих оговор, с тщательной критической оценкой их. Нужно помнить, что и ложный оговор всяким обвиняемым строится на основе «правдоподобной» причинной связи фактов; поэтому увлечение в сторону полного доверия к оговору при наличии некоторой вероятности совпадающих обстоятельств, может иногда повести расследующего по ложному пути и отвлечь его от установления действительно ценных реальных доказательств по делу, изобличающих действительных виновников преступления.

Очные ставки оговорщика с отрицающими свое участие в деле оговариваемыми должны быть последним по времени средством установления истины—и только после проверки показания оговорщика другими объективными доказательствами. Иначе очная ставка может только дать оговариваемым обвиняемым возможность преждевременно узнать степень осведомленности расследующего об обстоятельствах дела и легче сговориться между собою по вопросу о том, как надо в дальнейшем вести свою защиту, чтобы опровергнуть достоверность оговора.

Способы проверки достоверности свидетельских показаний при предварительном расследовании.

Применение норм доказательственного права в отношении оценки свидетельских показаний сопряжено с менее сложным процессом мышления для расследующего органа, чем при оценке показаний обвиняемого. При оценке показаний обвиняемого расследующий исходит из предположения, что обвиняемому, не обязанному говорить правду, весьма часто выгодно из естественного чувства самосохранения извращать истину, и поэтому достоверность его показания ставится с самого начала под знак сомнения впрямь до проверки его другими доказательствами. Показание свидетеля, наоборот, обычно предполагается достоверным доказательственным фактом. Сомнение в его достоверности возбуждается лишь в случаях имеющих сведения о заинтересованности свидетеля в виду родственных и иных отношений к обвиняемому. Или же иногда подвергается сомнению недостаточно точная объективная передача свидетелем показаний в зависимости от тех или других психологических или иных причин, лежащих, как мы видели, в индивидуальной личности данного свидетеля.

Этими особенностями и определяется в процессе предварительного расследования отношение расследуемого органа к доказательственным материалам, которые получаются от свидетелей. Когда по делу имеется ряд показаний свидетелей, которые воспроизводят картину исследуемого события не только правдоподобно, но и одинаково, и их показания согласуются

между собой в основных частях—следствием могут быть приняты эти показания, как достоверные. Занести их в протокол более или менее подробно и по возможности дословно с рассказа свидетеля—это уже вопрос техники оформления.

Другое дело, если показание свидетеля, удостоверяющего какие-либо весьма важные для дела обстоятельства, резко расходится с другими свидетельскими показаниями. Здесь расследующему при оценке показания этого свидетеля, как доказательства в деле, приходится разрешать вопрос о сравнительном значении этого показания по данному делу в ряду других таких же доказательств и в зависимости от этого принять те или другие меры следственного характера (привлечение обвиняемого, выбор меры пресечения и т. п.). Какие же основания для оценки показания этого свидетеля могут быть у расследующего? Возможно, что этот свидетель является лично заинтересованным в деле, и тогда его показание теряет доказательственную ценность по сравнению с другими. А возможно, что он стоял ближе к преступлению, чем другие, мог лучше видеть, воспринять или понять происходившее пред ним, чем другие свидетели, с показаниями которых расходится его показание. Может быть, наконец, что этот свидетель по своей психологической природе склонен к некоторому искажению фактов, преувеличениям и наслоению своих непосредственных впечатлений не имевшими место в действительности подробностями и т. д. Во всех этих случаях следователь должен попытаться выяснить внутреннюю причину указанного несоответствия показания такого свидетеля с другими данными дела. Следователь, как и суд, не может руководиться при оценке какими-либо формальными моментами, например, численным превосходством свидетелей, которые дают показания, несогласное с показанием этого одного свидетеля. Он должен исследовать сомнительные доказательства, чтобы дать им определенную оценку, как материалу предварительного, досудебного расследования, тем более, что для этого он имеет большие возможности, чем суд, перед которым проходит уже законченное расследованием дело.

Способами такого исследования могут быть допросы новых свидетелей для проверки сомнительного содержания свидетельского показания, и при том в отдельных случаях, путем выяснения характеристики самого свидетеля, давшего по делу сомнительное показание.

Далее, передопрос свидетеля с предложением ему новых вопросов, относящихся к отдельным спорным моментам, и очная ставка его с другими свидетелями,—также могут в иных случаях дать ценные результаты и выявить степень достоверности этого «сомнительного» свидетеля. В этих случаях, как и на судебном следствии, свидетель может случайно свое первое показание дополнить какой-либо подробностью, которая может

вызвать у следователя уверенность в лживости его показания или, наоборот, повторный допрос и очная ставка дадут какие-либо новые оттенки в показании, которые вызовут в следователе полное доверие к показанию этого свидетеля.

Помимо этого, серьезным критерием оценки для органа расследования в подобном случае может служить соответствие или несоответствие показания данного свидетеля с другими объективными доказательствами: данными осмотра места преступления, бесспорными письменными или вещественными доказательствами и т. д.

Следует при этом помнить, что даже круг лиц, которые могут быть использованы в качестве свидетелей, при предварительном расследовании, гораздо шире, чем на судебном следствии. В суд вызывается обычно незначительное количество свидетелей, показание которых имеют существенное значение.

Следователь же менее ограничен в выборе свидетелей и имеет всегда возможность пополнить доказательственный материал путем вызова к следствию новых лиц в целях проверки сомнительного показания существенного свидетеля. И эти возможности, которые не всегда имеются у суда, должны быть органами расследования использованы в максимальной степени в целях добывания наиболее достоверного доказательственного материала.

Важнейшие условия производства экспертного исследования для получения доказательственного материала при расследовании.

Заключения экспертов, как мы видели, не являются для суда безусловно обязательными для принятия их в качестве достоверных уголовно-судебных доказательств.

Это положение имеет в полной мере применение и в отношении органов расследования. Эти органы, обязанные принимать все дозволенные законом меры к выяснению уголовного дела, имеют право через экспертов проверять факты, значение которых не может быть оценено без участия лиц, имеющих специальные познания в той или иной области.

Всякая экспертиза должна давать полноценный материал для дела, не оставляя сомнений в ее научной или технической достоверности, как доказательства. Хотя экспертиза на суде может быть всегда развернута в сторону более широкого освещения специальных вопросов путем допроса вызванного на суд эксперта, однако не следует забывать, что поверхностная экспертиза, не уточнившая на предварительном следствии пределов экспертного исследования, иногда может изменить самую перспективу дела и повлечь за собой неправильное направление дела на прекращение. Суд же, прекращая дело в распорядительном заседании, не всегда может проконтролировать такую экспертизу, не имея возможности лично и непосредственно заслушать эксперта и проверить неполноту или недостаточную ясность его показания, и вынужден бывает возвратить дело к доследованию,

В целях избежания подобных ошибок в процессе расследования, следует иметь в виду, что экспертиза дает наиболее полноценный доказательственный материал лишь при условиях: 1) если в качестве эксперта было приглашено лицо вполне компетентное, т.-е. сведущее в тех вопросах, разрешение которых требуется в данном деле, 2) когда для экспертизы расследующим органом были точно определены границы, т.-е. указан определенный круг вопросов, которые вызываются существом дела и должны быть обязательно разрешены экспертом и 3) когда на эти вопросы экспертизой были даны полные и ясные ответы.

Этими условиями вполне определяется и направление работы органов расследования при производстве экспертизы.

В целях извлечения из экспертизы наиболее достоверного доказательственного материала, расследующий должен прежде всего озаботиться выбором эксперта и известной квалификацией, достаточно сведущего в той области знаний, искусства или ремесла, к которой относится подлежащий исследованию факт.

Вторым важнейшим моментом при производстве экспертизы является постановка вопросов, которые должны быть разрешены экспертом. Практика расследования отмечала случаи, когда экспертиза давала ненадежный и недостаточно ценный материал, исключительно в виду неумения расследующего наметить границы экспертного исследования, неумения сформировать и поставить эксперту точные вопросы, на которые он должен ответить. Эксперт не всегда может проявить инициативу и дать исчерпывающие ответы на вопросы, которые хотя и не были ему поставлены, но вытекают из существа дела, обстоятельства которого ему сообщены органом расследования. Поэтому представляется весьма важным для органа расследования сделать предварительный анализ исследуемых обстоятельств дела в соответствии со статьей материального закона, под которую может быть подведено данное преступление, составить исчерпывающий список вопросов, разрешение которых может дать возможность правильно квалифицировать преступление и уяснить все признаки исследуемого экспертизой факта. Дать какой-либо примерный перечень таких вопросов невозможно, так как они имеют всегда индивидуальный характер в зависимости не только от рода преступления, но и других специфических особенностей каждого данного дела. Даже по делам о нанесении телесных повреждений—общими вопросами, указанными в правилах о судебно-медицинской экспертизе: о свойстве и тяжести повреждения и об орудии, которым оно могло быть нанесено, обычно не исчерпывается сущность вопросов полноценной экспертизы, и требуется постановка других уточняющих и детализирующих вопросов.

Наконец, заключение эксперта требует со стороны расследующего органа, как указывалось, обязательной критической проверки, которая возможна бывает в условиях лишь соблюдения указанного выше требования—о постановке эксперту точных вопросов.

Расследующий, оценивая данное экспертом заключение, должен уяснить себе, на все ли вопросы, предложенные эксперту, последний дал полные ответы, и все ли ответы эксперта ясны, не содержат ли они внутреннего противоречия или неопределенности, не допускают ли они возможность сделать произвольные двусмысленные выводы и т. д., и, наконец, нет ли в этих ответах таких суждений, которые не вытекают из обстоятельств дела или явно противоречат им.

Такая проверка заключения эксперта возможна для органа расследования при условии быстрой ориентировки в фактических обстоятельствах дела, выясненных по этому делу объективными данными. При этом, конечно, такая проверка не может выражаться в оспаривании органом расследования тех или других научных положений, на основании которых эксперт дал свое заключение, а ограничивается лишь контролем заключения эксперта с точки зрения полноты, ясности и определенности данных экспертом ответов и соответствия их с обстоятельствами дела.

Одной из специфических особенностей, которая вызывает необходимость именно при предварительном расследовании исчерпывающе использовать экспертизу, является то, что эксперт всегда стоит ближе к объекту исследования в процессе предварительного следствия, чем на суде. Например, врач-эксперт, вскрывавший труп убитого, или производивший освидетельствование потерпевшего, сам непосредственно наблюдал труп или повреждения на теле у потерпевшего и дал заключение на основании данных наблюдения этих объектов. Может случиться, что на суде необходимо разрешить вопросы, которые не имел в виду этот эксперт и которые не были предложены ему следователем. Для разрешения этих вопросов эксперту нужно вспомнить в подробностях какие-либо данные вскрытия трупа или освидетельствования, которые могли им быть недостаточно полно описаны в протоколе. Но на суде этих объектов его исследования (трупа или освидетельствованного потерпевшего) нет, и за давностью времени эксперт лишен возможности припомнить нужные подробности и не может дать ответов на предложенные судом вопросы. Еще затруднительнее бывает разрешение подобных вопросов на суде, когда в судебное заседание приглашается другой эксперт, а не тот, который производил экспертизу на предварительном следствии.

Поэтому, естественно, что органы предварительного расследования с особенной тщательностью и исчерпывающей полнотой

должны производить экспертизы, в особенности экспертизы по исследованию объектов, которые не могут фигурировать на суде.

Осмотр, как способ получения достоверных доказательств в процессе предварительного расследования.

Осмотр предметов, которые могут иметь доказательственное значение для дела, но которые не могут быть представлены в суд, в частности осмотр места преступления,—производятся в процессе первоначального или предварительного расследования немедленно по обнаружении этих объектов исследования. Суд в судебном заседании

ознакомляется с доказательствами этого вида почти всегда или, по крайней мере, в огромном большинстве случаев только по протоколам осмотров, которые составляются органами расследования.

Описание в протоколе всего найденного при осмотре в полном соответствии с действительностью—дело чрезвычайно трудное. Никакой художник и мастер слова не в состоянии словами описать, например, место совершения убийства и нахождения трупа настолько точно и объективно, чтобы описанное в этом протоколе осмотра для читающего могло бы вполне заменить личный непосредственный осмотр этого места. Кроме того, благодаря несовершенству техники, а часто и недостаточной опытности агента розыска или следователя—не все, обнаруженное при осмотре, что могло бы иметь доказательственное значение для данного дела, отмечается, и в достаточной степени точно фиксируется в протоколе. Даже протоколы квалифицированных осмотров, произведенных при участии «сведущих свидетелей», с приложенными чертежами и дактилограммами, изображающими обнаруженные «невидимые следы преступника», и фотографическими снимками—не всегда дают полную, исчерпывающую картину места преступления.

Отсюда ясно, насколько трудна задача органов расследования—дать суду в протоколе осмотра такой доказательственный материал, который мог бы в глазах суда иметь значение полной достоверности. Перед следователем, производящим осмотр, стоит задача: во-первых, найти и отметить в осматриваемом объекте все те особенности, которые могут иметь значение для данного дела, и, во-вторых, суметь описать все найденное и установленное при осмотре настолько точно и подробно, чтобы протокол осмотра дал полную словесную фотографию осмотренного. Только при этих условиях акт осмотра, посредственно воспринимаемый судом путем оглашения протокола осмотра, может быть принят судом за достоверное доказательство.

А для этого расследующие органы при осмотре должны произвести тщательный сложный процесс наблюдения, освещаемый логическими методами мышления, чтобы по результатам этого осмотра можно было сделать вывод о том, какими признаками и особенностями, установленными при осмотре, могут быть доказаны те или другие обстоятельства по делу.

При осмотре места преступления следователь не только тщательно осматривает предметы окружающей обстановки, но выясняет и взаимное соотношение этих предметов в том виде, в каком они могли находиться или находились до момента совершения здесь преступления. Необходимо бывает установить также, не было ли произведено каких-либо изменений или перемещений этих предметов после обнаружения преступления лицами, которые первыми явились на место преступления до прибытия на это место органов расследования.

По установлении всего этого, расследующему необходимо оценить значение каждого отдельного предмета, который может впоследствии послужить доказательством того или иного исследуемого факта, или уликой против совершителя преступления.

Тщательному детальному наблюдению всех внешних предметов, на которых остались следы преступного события, должен сопутствовать критический анализ и оценка всего обнаруженного осмотром: вопросы о том, что же может из всего найденного иметь значение для дела и что лишено всякой доказательственной силы—должны регулировать и направлять работу следователя при производстве осмотра.

В соответствии с изложенной сложной аналитической работой при составлении протокола осмотра, расследующий разрешает и вопрос о том, что из результатов осмотра должно быть закреплено в протоколе, при чем описание обнаруженного должно быть сделано исчерпывающе полно и точно и в той последовательности, как это осматривалось.

Чем больше времени было уделено осмотру, чем тщательнее и детальнее этот осмотр производился, чем вдумчивее была произведена оценка всякого найденного предмета, являющегося средством доказывания исследуемого события или отдельных моментов его, и чем, наконец, полнее, точнее и нагляднее воспроизведено в протоколе все то, что добыто осмотром,—тем более ценный и веский материал будет представлен суду наряду с другими доказательствами по делу.

Наоборот, всякая неполнота, недосказанность, неясность, а тем более отсутствие точности и объектизма в изложении могут свести протокол осмотра в глазах суда на степень материала сомнительной ценности, который никакой доказательственной силы иметь не может.

В акте осмотра часто не столько имеет значение использование техники и соблюдение общих процессуальных правил, сколько критический анализ и умственное проникновение в сущность всего наблюдаемого с целью установления внутренней логической связи и доказательственного значения наблюдаемых предметов.

Оценка значения вещественных и письменных доказательств и принятие мер к их сохранению при предварительном расследовании.

Процесс собирания и оценки вещественных и письменных доказательств, которые могут без труда перемещаться и могут быть сохранены для представления их в суд, не представляет особенных трудностей для органов расследования. Применение норм доказательственного права в отношении их сводится, как мы уже указывали выше, к немногим простейшим процессуальным требованиям, которые должны иметь в виду лица, производящие расследование преступлений.

В процессе первоначального и предварительного расследования важно бывает лишь определить значение тех или других добытых по делу вещественных предметов и письменных документов, как доказательств, и принять меры к сохранению их до суда. Оценка значения их для дела, как мы видели ранее, определяется связью их с исследуемым делом. Предмет, на котором оставлен вещественный след преступника, орудие, при помощи которого совершено преступление, вещь, которая явилась объектом преступного действия, и всякий документ или предмет, нахождение которого устанавливает или доказывает какой-либо отдельный момент преступного события или участие подозреваемого лица в совершении преступления,—важны постольку, поскольку естественна и очевидна связь их с делом и постольку выясняется прямое и непосредственное отношение их к делу.

Простым, присущим каждому человеку, логическим процессом мышления, следовательно, обнаруживший вещественный предмет или письменный документ, определяет доказательственную ценность их, оставляя окончательное разрешение вопроса о значении их, как доказательств, до суда. Поличное, отобранное у обвиняемого, булыжник со следами крови и мозга, найденный около трупа человека, череп которого разбит, или записка обвиняемого, написанная соучастнику преступления, с указанием, где нужно скрыть добытые преступником ценности и т. п.,—обычно не представляют особенных затруднений для предварительной досудебной оценки их, как имеющих непосредственное отношение к делу доказательств.

Если трудно бывает отыскать, обнаружить, добыть те или другие вещественные предметы, наличием которых доказываются исследуемые факты, что зависит от розыскных способностей, опыта и техники расследующего,—то значительно легче бывает установить непосредственную связанность этих предметов с исследуемыми фактами и оценить значение их для дела.

Формальным актом, определяющим значение обнаруженного предмета, как вещественного доказательства для дела, является составление протокола осмотра его и постановления о приобщении его к делу. Протокол осмотра должен содержать краткое описание внешнего вида

этого предмета, с указанием примет и характерных особенностей, по которым этот предмет признается доказательством, объясняющим тот или другой исследуемый факт. Постановление же должно содержать на основании данных этого осмотра логический вывод или умозаключение о ценности данного вещественного доказательства, как предмета, который может объяснить суду основные моменты дела: как, каким орудием или средствами, или при каких условиях совершено преступление, или же осветить перед судом те или другие действия обвиняемого, предшествовавшие совершению преступления или сопутствовавшие ему.

Составленный при предварительном расследовании протокол осмотра тех вещественных доказательств, которые представляются на суд, является документальным актом расследования, но не является доказательством на суде. Вещественное доказательство обозревается судом в судебном заседании непосредственно, и суд на основании этого личного и непосредственного осмотра удостоверяется в достоверности существования или несуществования доказываемого этим доказательством факта и оценивает вещественное доказательство, как и другие доказательства, по свободному внутреннему убеждению. Только в случае утраты до суда приобщенного к делу вещественного доказательства или в случаях существенного изменения примет, признаков и особенностей его, происшедшего до момента судебного заседания и внушающего сомнение в подлинности данного предмета, приобщенного в качестве вещественного доказательства, суд может огласить акт предварительного осмотра его, и только в таком случае протокол осмотра получает значение доказательства в деле. Как и другие доказательства «посредственного» характера, конечно, этот оглашенный протокольный документ в отдельных случаях не всегда может иметь в глазах суда достаточно убедительное доказательственное значение. В особенности это следует сказать о таких случаях, когда в протоколе осмотра органом расследования не были достаточно полно, точно и ясно описаны те характерные особенности приобщенного вещественного предмета, по которым этот предмет признан был по данному делу вещественным доказательством.

Представим себе такой случай: подсудимому вменяется в вину кража со взломом из запертого ящика ценностей. При обнаружении этой кражи на месте взлома найден отломанный кончик ножа, которым совершитель преступления вскрывал запертое хранилище. Одной из существенных улик против подсудимого является найденный у него при обыске нож с отломанным острием. Этот нож до суда при пересылке вещественных доказательств пропал. На суде фигурируют в качестве вещественных доказательств лишь взломанный ящик с характерными следами нажимов ножа в растворе ящика и острие ножа, отломившееся при взломе. Ножа же с отломанным острием, найденного у подсудимого, на суде нет, а в протоколе следственного осмотра лишь

сказано, что нож, отобранный у обвиняемого, имеет в конце отлом лезвия, «близко подходящий к найденному на месте преступления кончику ножа». Естественно, что суд, не имея возможности непосредственно осмотреть нож, сличить его со следами нажимов на ящике и примерить к нему излом лезвия, не может принять удостоверенный протоколом осмотра факт тождества ножа, отобранного у подсудимого, с ножом, которым в действительности был произведен взлом. Посредственное доказательство в данном случае не дает для суда той очевидности и достоверности, которая могла бы быть в том случае, если бы суд мог сам осмотреть этот нож на судебном следствии. При отсутствии других прямых доказательств по делу—сомнение, возникшее по поводу этого доказательства, могло бы поколебать убеждение суда в виновности подсудимого. У суда могло возникнуть вполне основательное подозрение, что нож с отломанным концом органом исследования был поверхностно осмотрен и приобщен к делу только в виду «некоторого близкого сходства» отлома и при том без надлежащей проверки этого сходства хотя-бы через слесаря, и что таким образом возможно, что нож, дававший следователю подкрепление его подозрению против обвиняемого, был в действительности «ложным» вещественным доказательством.

Таким образом, в отношении вещественных и письменных доказательств, деятельность органов первоначального и предварительного расследования, слагающаяся из отдельных процессуальных действий, направляемых умственными процессами в сторону установления достоверных доказательств, должна преследовать прежде всего цели предварительной оценки их значения для данного уголовного дела и сохранения их до суда в том виде, в каком они были обнаружены при досудебном расследовании.

Такая целевая установка работы органов расследования над вещественными и письменными доказательствами вытекает из существа норм доказательственного права, направляющего процесс предварительного расследования в сторону принятия мер обеспечения достоверности добываемых доказательств, которые подлежат окончательной доказательственной оценке при судебном рассмотрении дела.

Все изложенные выше положения, относящиеся ко всем видам доказательств, не исчерпывают, конечно, всех правил, которыми должны руководствоваться органы дознания и предварительного следствия при применении на практике выработанных теорией норм доказательственного права. Они намечают лишь вехи, по которым должны идти эти органы при осуществлении своей задачи наиболее полного и всестороннего исследования материальной истины путем подготовки для суда материалов, имеющих значение уголовно-судебных доказательств.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ,
ССЫЛКИ НА КОТОРЫЕ ИМЕЮТСЯ В НАСТОЯЩЕЙ КНИГЕ

1. Бентам Иеремия. О судебных доказательствах. Трактат, пер. Гороновича, Киев 1876 г.
2. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах, СПб, 1910 г.
3. Вышинский А. Я. Доказательство („Энциклопедия государства и права“, т. I, стр. 985—990).
4. Вышинский А. Я. Курс уголовного процесса, М. 1927 г.
5. Глазер Юлий. Руководство по уголовному процессу пер. с нем. Лихачева, т. I, кн. 2, СПб, 1886 г.
6. Гродзинский М. М. Учение о доказательствах и его эволюция. Харьков, 1925 г.
7. Громов Вл. и Лаговьер Н. Искусство расследования преступлений. Достижения и недочеты розыскной и следственной практики (Опыт анализа доказательственных улик) М. 1927 г.
8. Громов Вл. и Лаговьер Н. Расследование хозяйственных и должностных преступлений. М. 1928 г.
9. Жиряев А. Теория улик. Дерпт 1855 г.
10. Карницкий Л. и Тривус Ю. Вопросы уголовно-судебной и следственной практики, под редакцией председ. УКК Верховсуда РСФСР М. И. Чельшева, М. 1927 г.
11. Крыленко Н. В. „Суд и право в СССР“ ч. II. Основа уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. М. 1928 г.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ,
ССЫЛКИ НА КОТОРЫЕ ИМЕЮТСЯ В НАСТОЯЩЕЙ КНИГЕ

12. Обуховский В. А. Уголовные доказательства в истории и советском праве. Харьков, 1925 г.
13. Розин. Уголовное судопроизводство, 3-е издание, Петроград, 1916 г.
14. Случевский Вл. Учебник русского уголовного судопроизводства. СПб., 1913 г.
15. Спасович. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. СПб., 1861 г.
16. Стифен Дж. Очерк доказательственного права, пер. с 8 англ. издания, со вступительными статьями П. И. Люблинского, СПб., 1910 г.
17. Строгович М. Теория доказательств в уголовном процессе („Сов. Право“, 1927 г. № 2).
18. Строгович М. Практика УКК Верховного Суда РСФСР по вопросу о доказательствах („Сов. Право“ 1927 г. № 3).
19. Тальберг Д. Г. Русское уголовное судопроизводство, т. II, Киев 1891 г.
20. Уильз Уильям. „Опыт теории косвенных улик, объясненный примерами“, издание Унковского, М. 1864 г.
21. Фельдштейн Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству. М. 1915 г.
22. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства, т. II, СПб., 1897 г.

СО Д Е Р Ж А Н И Е.

	Стр
Глава I. Учение о доказательствах, как основная отрасль криминалистики, его предмет и задачи.	5
Глава II. Значение правильной установки и оценки доказательств в уголовном процессе.	10
Глава III. Понятие об уголовно-судебных доказательствах.	15
Глава IV. Достоверность уголовно-судебных доказательств.	18
Глава V. Источники познания и методы установления истины в области уголовно-судебного исследования.	21
Глава VI. Допустимость доказательств в уголовных делах.	27
Глава VII. Классификация доказательств.	33
Глава VIII. Оценка доказательств.	44
Глава IX. Исторический очерк учения о доказательствах.	57
Глава X. Доказательственное право (Основные положения Советского доказательственного права).	69
Глава XI. Значение отдельных видов доказательств: 1) показание подсудимого, 2) свидетельские показания, 3) экспертиза, 4) осмотры (простой и квалифицированный), 5) вещественные и письменные доказательства.	85
Глава XII. Особенности практики применения норм доказательственного права в стадии предварительного расследования уголовных дел.	123
Литературные источники	140

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

	Р. к.
Ильинский. —Кризис буржуазной юриспруденции	1.—
Кельман. —Советское право за рубежом	1.—
Крыленко и Яхонтов. —Статьи о революционной законности	—40
Курский. —На путях развития советского права (статьи и речи 1919—26 гг.)	—90
Мокеев и Лаговьер. —На страже революционной законности. (Очерки работы прокуратуры за 1922—25 гг.) Под редакцией пом. прокурора Республики Ф. К. Трасковича	1.50
Егорьев, Лашкевич, Плоткин, Розенблюм. —Правовое положение граждан и юридических лиц СССР за границей. Систематизированные материалы с комментариями и алфавитно-предметным указателем	1.50
Егорьев, Лашкевич, Плоткин, Розенблюм. —Правовое положение иностранцев в СССР. Законодательство и международные договоры Союза ССР и союзных республик о правовом положении иностранных физических и юридических лиц. Систематизированные материалы с комментариями и алфавитно-предметным указателем	2.—
Кишкин. —Советское гражданство. Под редакцией В. И. Яхонтова	1.25
Кишкин и Усков — Сборник действующих на территории РСФСР административных законов	2.40
Кумыкии. —Как управляется РСФСР. Изд. 2-е	—36
Рындзюнский, Савинская, Черкезов. —Правовое положение детей в РСФСР. Под редакцией Майоровой. Изд. 2-е	—40
Вавин. —Сделки со строениями (сборник законоположений, ведомственных инструкций, циркуляров, разъяснений и определений Верховного суда и разъяснений III Отдела НКЮ по вопросам об условиях порядка и формы совершения залога, запродажи, купли-продажи, мены, дарения и завещания строений и права застройки)	—50
Варшавский. —Право застройки СССР. С алфавитно-предметным и постатейным указателем	1.50
Евтихийев и Тиняков. —Законодательство о городских землях. (Сборник узаконений, инструкций, циркуляров и разъяснений ведомств с объяснительными замечаниями и алфавитно-систематич указателем)	1.—
Бухов. —Трудовые права сезонных и временных рабочих. (С изложением порядка направления жалоб при нарушении трудовых прав сезонных и временных рабочих)	—25
Бухов и Липец. —Трудовые артели. Пособие по применению декрета о трудовых артелях от 15 декабря 1924 г.	—60
Варшавский. —Практический словарь по трудовому праву. Под редакцией прокурора по трудовым делам при Верховном суде РСФСР—А. М. Стопани	1.25
в переплете	1.60
Каминская. —Очерки трудового права	1.50
Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1922—25 гг. (Действующих на 15 июля 1926 г.)	2.—
Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1926 г. (Действующих на 1 марта 1927 г.)	1.80
То же. —Обе книги циркуляров НКЮ 1922—25 гг. и 1926 г. (перепл в одну книгу)	3.50
Трунев. —Нотариат. (Руководство по исполнению нотариальных действий) нотариальными конторами, народными судьями и сельскими советами) Изд. 2-е, исправленное и дополненное (с приложением бесплатного дополнения)	1.—
Домбровский. —Гражданский процесс (популярный очерк)	—70
В. Лебедев и С. Зайцев. —Положение о векселях. С постатейно-систематизированными материалами	1.10
Прушицкий. —Сборник казусов по гражд процессу	—70

Книги высылаются наложенным платежом и за наличный расчет. Наложный платеж выполняется от 1 руб., до этой суммы можно высылать почт. марками.

ЗА

10

ЛЕТ

ПЕРВАЯ СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЗАКОНОВ Р · С · Ф · С · Р ·

Каждый легко и быстро
найдет нужные ему законы.

„СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЗАКОНОВ РСФСР“

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР—Член Коллегии НКЮ—Завед. Отделом законод. предположений и кодификации Я. Н. БРАНДЕНБУРГСКИЙ.

СОСТАВИТЕЛИ: С. С. Аскарханов, Х. Э. Бахчисарайцев, М. М. Брагинский, М. С. Бухов, Е. И. Домбровский, Драгунский, С. И. Зайцев, А. Н. Иодковский, С. С. Кишкин, И. Г. Кобленц, С. А. Котляревский, Н. Н. Кумыкин, Н. И. Многлет, Н. И. Нехамкин, Д. С. Розенблюм, В. В. Соколов, В. П. Усков и В. Х. Хитев.

В „Собрании“ приведены в систематическом порядке все законы РСФСР действующие на 1 января 1928 г., за исключением текстов Кодексов. Таким образом „Собрание Кодексов“ и „Систематическое Собрание законов РСФСР“ взаимно дополняют друг друга.

В целях увязки „Систематического Собрания законов РСФСР“ с „Систематическим Собранием законов СССР“ в нем сделаны необходимые ссылки на законодательные акты Союза СССР.

Содержание: 1. Государственное устройство. Государственное управление. Военные дела. Иностранные дела. Социально-культурное строительство. Народное просвещение. Народное здравоохранение. Социальное обеспечение. Брак, семья и опека. 3. Труд. Социальное страхование. Профессиональные союзы. 4. Землепользование и землеустройство. Сельское хозяйство. Водное хозяйство. Охота. Ветеринария. 5. Хозяйственное строительство. Гражданское право. Исключительные права. Кредит и банки. Промышленность. Торговля. Кооперация. 6. Транспорт и связь. 7. Финконтроль и ревизия. Государственные налоги. Неналоговые доходы. Местный бюджет. Коммунальное и жилищное законодательство. 9. Уголовное законодательство. Исправ.-трудовое законодательство. 10. Судустройство и судопроизводство.

В первый том включены разделы 1—3, во второй—все остальные разделы.

„СОБРАНИЕ“ выпущено в 2 томах большого формата, объемом около тысячи страниц каждый, в изящных и прочных переплетах с золотым тиснением.

К „СОБРАНИЮ“ приложены: хронологический
и алфавитно-предметный указатели

Ц Е Н А
за 2 тома
20 рублей

Тома „Собрания“ в отдельности каждый продаваться не будут, на основании чего Издательство просит высылать сумму полностью.

Ц Е Н А
за 2 тома
20 рублей

Т И Р А Ж О Г Р А Н И Ч Е Н .

Томы „Собрания“ высылаются за наличный расчет и наложенным платежом, при условии высылки задатка в сумме 5 рублей.

Заказы принимаются **Торговым Отделом Юридического Издательства НКЮ РСФСР**—Москва, Центр, Кузнецкий Мост, 13, складами, киосками и уполномоченными Издательства.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

	Р. К.
Вышинский. —Уголовный процесс СССР	—.65
Вышинский. —Курс уголовного процесса	1.60
Ганин. —Уголовный кодекс РСФСР в вопросах и ответах	2.25
Глузман и Арсениев. —Сравнительная таблица статей и мер социальной защиты Уголовного Кодекса РСФСР новой и старой редакции	— 80
Крастин. —Уголовный процесс в доступном изложении	1.—
Карницкий и Тривус. —Вопросы уголовно-судебной и следственной практики	1.25
Кожевников и Лаговьер. —Должностные преступления и борьба с ними	—.50
Люблинский. —Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте	1.—
Познышев. —Очерк основных начал науки уголовного права. Часть особенная	—.65
Рогинский и Строгович. —Уголовный суд и преступ- ления в кооперации	—.35
Трайнин. —Уголовное право. Часть особенная Престу- пления против государства и социального порядка 2-е издание	3.50

В БЛИЖАЙШИЕ ДНИ ВЫЙДЕТ ИЗ ПЕЧАТИ.

Пионтковский.—Марксизм и уголовное право. 2-е изд.

Цена 1 р. 80 к. Следите за объявлениями в „ЕСЮ“

Книги высылаются за наличный расчет и наложенным платежом. Наложный платеж выполняется от 1 рубля. До этой суммы можно высылать почтовыми марками.

Заказы выполняются **книжно-розничным п/отделом**
Юридического Издательства НКЮ РСФСР, Москва, центр,
Кузнецкий Мост, 13.

Ц Е Н А — 1 р. 50 коп.
Р.

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО

С К Л А Д И З Д А Н И Я :

Москва, Кузнецкий Мост, 13